

***М.И.* Ростовцев**

**РОЖДЕНИЕ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

**Москва
КНИЖНАЯ НАХОДКА
2003**

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Р78

Серия основана в 2002 году

Дизайн серии И. Сибирмовской

Текст печатается по изданию: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. - Пг.: Огни, 1918. - 189 с.

Ростовцев М.И.

Рождение Римской империи / Вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. - М.: Издательский дом «Книжная находка», 2003. - 160 с: ил. - (Колыбель цивилизации).

ISBN 5-94987-009-3

Основанная на многочисленных источниках работа известного ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870-1952) посвящена периоду гражданской войны в Древнем Риме и первым десятилетиям существования Римской империи.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

© А. В. Арсентьев, вступительная статья,
комментарии и примечания, 2003

© Издательский дом "Книжная находка", 2003

ISBN 5-94987-009-3

М.И. РОСТОВЦЕВ И ЕГО ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952) - один из величайших мировых авторитетов в области истории античности, труды которого не выходят из научного обихода в течение многих десятилетий. Тем не менее, в советской России имя ученого-эмигранта, как правило, обходилось молчанием. Лишь в конце 80-х - начале 90-х началось объективное осмысление наследия историка, стали появляться публикации, освещавшие его жизненный и творческий путь¹. Несколько позже был издан посвященный М.И. Ростовцеву сборник «Скифский роман»².

Член Берлинской (с 1914 г.) и Российской (с 1917 г.) Академий наук, профессор Петербургского (1901-1918), Мэдисонского (1920-1925) и Йельского университетов (1935-1944), М.И. Ростовцев получил широкую известность как автор капитальных трудов «История античного мира»³, «Социальная и экономическая история Римской империи»⁴ и «Социальная и экономическая история эллинизма»⁵. Что касается более или менее полной библиографии историка, то она насчитывает сотни работ. Его исследования были посвящены откупной системе и колонату, жизни и облику античного города, роли государства в экономической жизни эллинистического и римского общества, взаимодействию государства и полиса и т. д. Большое внимание Ростовцев уделял истории Северного Причерноморья: его искусству, отдельным городам и государствам - Ольвии, Хараксу, Херсонесу, Боспору, контактам восточной эллинской и скифо-иранской культур. Большую научную ценность представляют такие значительные труды Ростовцева, как «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913-1914. - Т. 1-2), «Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (Л., 1925) и сравнительно небольшая по объему, но насыщенная важными идеями книга «Эллинизм и

¹ См., напр.: Скифия и Боспор: Материалы археологической конференции в честь М.И. Ростовцева. - Новочеркасск, 1989; Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. - 1990. - № 3; Андре Ж. Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // Вестник древней истории. - 1991. - № 3.

² Скифский роман - Scythian novel / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина - М., 1997.

³ A History of the Ancient World. - Oxford, 1926-1927. - Vol. 1-2.

⁴ The Social and Economic History of the Roman Empire. - Oxford, 1926.

⁵ The Social and Economic History of the Hellenistic World. - Oxford, 1941. - Vol. 1-3.

иранство на юге России» (Пг., 1918)⁶, в которой в ряду прочих высказывается мысль о том, что славянские племена являются наследниками греческой и скифо-сарматской культур. Думается, что в немалой степени под влиянием Ростовцева появилась поэма Блока «Скифы». А.А. Блок был частым гостем в доме Ростовцевых, где каждый вторник по вечерам собирались многие выдающиеся представители русской культуры: писатели И.А. Бунин, А. Белый, В.И. Иванов, литературовед Н.А. Котляревский, художники Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Н.К. Рерих, ученые-историки С.А. Жебелев, Н.И. Кареев, востоковед С.Ф. Ольденбург, музыкант и дирижер С.А. Кусевицкий и др.

Кипучая энергия ученого проявилась не только в науке, но и в политике. С 1905 г. он примыкает к кадетской партии и вскоре становится ее видным деятелем, близко сойдясь с П.Н. Милюковым, В.Д. Набоковым, А.И. Коноваловым, В.И. Вернадским, П.Б. Струве. Его публикации постоянно появляются в больших научно-политических и литературных журналах «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русская мысль». Октябрьскую революцию 1917 г. Ростовцев не принял, предвидя возможность полного уничтожения культуры в России.

Свою позицию историк выражал открыто, что рано или поздно должно было иметь последствия, потому в июне 1918 г. он принимает решение оставить Россию. Эмиграция - трудное испытание для человека не молодого (ученому к этому моменту исполнилось 48 лет), но, сумев преодолеть кризис, он получил новый толчок к творчеству. В Йельском университете Ростовцевым была создана собственная научная школа, представителями которой являются такие заметные фигуры в зарубежном антиковедении как Э. Бикерман, Дж. Гиллам, А. Моммелиано и др. По сей день антиковедение США и Европы отталкивается от идей Ростовцева о построении античного общества.

Незадолго до отъезда из России Ростовцевым была закончена еще одна важная работа, идеи которой он продолжал развивать в своих эмигрантских трудах. События конца 1917 - начала 1918 гг. побудили историка к созданию очерка «Рождение Римской империи», посвященного периоду гражданских войн I в до н. э. - I н. э. в Риме. Он печатался в «Вестнике Европы» (1918. - № 1-4), а позже вышел отдельным изданием (Пг., 1918). Именно здесь Ростовцев впервые показал всю опасность армии, состоящей из низов и возглавляемой амбициозными политиками.

Известно, что, став свидетелем масштабных событий первой половины XX века и преломив их сквозь призму своих обширных исторических знаний, Ростовцев проводил смелые исторические параллели: в Ленине он видел Катилину, в Троцком - Клодия, а в Керенском - Цицерона. Истинным же революционером историк считал Цезаря. Впрочем, в предисловии к книге, Ростовцев с сожалением признавался: «Я не думаю, что история гражданских войн в Риме может кого-либо образумить и на кого-либо повлиять». Нам остается только согласиться со справедливостью этого утверждения.

Читатель сам может убедиться в высоком мастерстве ученого, искусно интерпретирующего разнообразный и многочисленный исторический материал, как письменный, так и археологический. Редакция же со своей стороны постаралась донести до читателя неповторимый слог автора, приведя текст в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации.

А. Арсентьев

⁶ Издательство «Книжная находка» в 2002 г. выпустило эту работу в серии «Колыбель цивилизации».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом очерке, который я попытался сделать возможно более ясным и кратким, я суммирую то, что является результатом долголетнего изучения мною истории Римской империи, упорного и внимательного чтения обильных и глубоко интересных источников, главным образом литературных.

Не скрою, что опубликовать, в первую очередь, мои мысли о рождении Римской империи побудили меня происходящие события, которые заставили меня буквально пережить при новом чтении источников события столетней гражданской мировой войны.

Я далек от мысли проводить аналогии и не думаю, что история гражданских войн в Риме может кого-либо образумить и на кого-либо повлиять. Но, думаю, что всякому мыслящему человеку интересно и нужно, психологически важно, переживая настоящее, углубиться и в прошлое и попытаться пережить и его. Политических рецептов прошлое не дает, но сознательно переживает настоящее только тот, кто научился понимать прошлое.

Мое изложение основано на источниках. Исчерпать современную литературу специально для этой работы я не стремился. Думаю, что все наиболее значительное и в области общих трактовок, и в области специальных статей мне известно. Приводить литературу в конце книги я счел излишним. Книга моя не имеет цели служить учебником или полужучебником.

Много ли чужого в моих мыслях и построениях, пусть судит читатель. Моя концепция продумана мною до конца. В основе ее

М.И. Ростовцев. РОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

лежит выяснение огромного значения гражданских войн для дальнейших судеб античного и современного мира, значения как положительного, так и отрицательного.

М. Ростовцев

Петроград, 25 мая 1918 г.

**ГОРОД-ГОСУДАРСТВО
И МИРОВОЕ
ВЛАДЫЧЕСТВО**

Одной из интереснейших проблем в истории древнего мира является решение вопроса о том, как и в силу каких причин римское государство, построенное на основах античного народовластия, то есть свободного гражданского строя, и просуществовавшее на этих основах ряд столетий, в результате процесса, длившегося всего несколько десятилетий, оказывается в руках носителей абсолютистской власти и притом не преходяще, как это наблюдается в ряде греческих городов-государств, а длительно. Раз появившись и укрепившись, Римская империя, все более и более выявляющая свое абсолютистское лицо, существует непрерывно ряд столетий, погибая только вместе с гибелью римского государства или, вернее сказать, переживая эту гибель и возрождаясь в новой обстановке и при новых условиях.

К концу II в. до Р. Х. римское государство в результате долгой и сложной внутренней и внешней эволюции превращается из города-государства греко-италийского типа, тесно связанного с племенным союзом латинов, в государство, объединившее около себя большинство в той или иной мере культурных государственных образований во всем Средиземноморье и за его пределами.

С объединенными около Рима отдельными италийскими племенами постепенно сливаются под главенством Рима все те, кто на пространстве античного мира так или иначе являлись носителями культурной государственности: и мир греческих городов-государств, сначала в Италии и Сицилии, а затем и в Элладе,

и в Азии, и на Западе - в Галлии и Испании; и мир семитических городов-государств, величайшим представителем которых является Карфаген; и плеяда эллинистических монархий, выросших на основе слияния греческой и восточной государственности и культуры; и культурнейшие из великих наций Западной Европы - сначала этруски, лигуры, мессапы и иллирийцы в Италии и на берегах Адриатики, затем иберы в Испании, кельты в средней Европе и на севере Италии, фракийцы по течению Дуная и на Балканском полуострове.

Эта беспримерная в мировой истории эволюция, ни разу не повторившаяся на протяжении всего дальнейшего развития человечества, сама по себе представляет интереснейшую проблему, которая, однако, не может входить в задачу предлагаемой книги. Основными причинами того, почему городу-государству Риму удалось осуществить то, что оказалось не под силу величайшим творцам вечных культурных ценностей - греческим городам-государствам, не раз сознательно пытавшимся разрешить эту задачу в тех или иных государственных формах (Спарта, Афины, федеративные союзы средней Эллады, сицилийская тирания и т. д.), надо считать особенности политического и культурного развития Рима на почве Италии: ближайшую связь города-государства Рима с племенными союзами, сначала латинским, затем италийскими; сознательное и последовательное расширение рамок римского гражданства, вплоть до превращения всей Италии в территорию одного города-государства, с удержанием, однако, основ самостоятельного развития внутри каждого из италийских племен и италийских городов-государств; сознательное и последовательное развитие основ народоправства внутри самого римского гражданства, с приспособлением римской государственности к изменявшимся задачам государственной жизни.

В результате всех этих процессов Риму удалось осуществить то, что оказалось непосильным Элладе - подчинить центробежные силы, руководившие государственной жизнью Эллады, центростремительным и создать единое объединившееся около господствующей национальности государство с единым всенародным ополчением, неисчерпаемым источником физической и моральной силы в критические моменты жизни государства.

Этой сплоченной силе Италии, руководимой сознательной и планомерной политикой представительного органа римского гражданства - сената, опиравшегося на доверие, поддержку и патриотизм всего италийства, тогдашний античный мир не мог противопоставить хотя бы приблизительно равной силы.

Разъединенное и разбитое на ряд государств самого различного типа эллинство, все более и более дробившееся и не находившее ни в городе-государстве, ни в федеративном союзе, ни в космополитической эллинистической монархии объединяющего центра, не могло быть по своей разъединенности, несмотря на культурное и техническое превосходство, серьезным соперником единой Италии.

Не мог им быть и торговый Карфаген, организаторская сила которого никогда не умела сплотить около себя и объединить с собою даже ближайших своих соседей в Африке, Испании и Сицилии и вся мощь которого зиждилась на его мировой посреднической торговле и на крупных денежных средствах, способных временно создать и содержать большие морские и сухопутные наемные силы, но не способных воодушевить и спаять настоящую, постоянно возрождающуюся после неудач и поражений, действительную силу.

Еще менее устойчивы были временные национальные союзы среднеевропейских племен - кельты, фракийцы, иберы, медленно шедшие по пути постепенного создания племенной и национальной государственности.

Все это вместе взятое дало Риму и Италии мировое господство, создало римское мировое государство, власть (империю) римского народа и сената на пространстве всего культурного античного человечества, приобщившегося к греко-восточной мировой культуре.

Но в этом рождении мирового государства лежит и причина тех кризисов, которые неминуемо должен был пережить строй, сочетавший основы строя города-государства с мировым владычеством. При всей приспособляемости римского гражданства к новым задачам своего изменяющегося государственного положения оно всегда и неизменно основано было в строении своего государственного, экономического и социального бытия на принципах античного городского народоправства.

Основы этого общеантичного народовластия известны: суверенная воля гражданства, выявляемая через ежегодно избираемых магистратов во всенародных собраниях и выявляемая лично каждым гражданином, а не через то или иное представительство, непременно в центре государственной жизни, на главной площади города; исполнительная власть, осуществляемая ежегодно избираемыми магистратами; огромное значение совета старейших и лучших - сената, собираемого и запрашиваемого магистратами, но существующего независимо от воли и желания народного собрания и исполнительной власти, в силу вековой традиции.

Соотношение сил между этими тремя устоями народовластия, сообразно с условиями места и времени, на протяжении античного культурного мира, где эта форма государственности усвоена была всеми культурными нациями, меняется и этим обуславливается внутренняя не прекращающаяся в огромном большинстве городов-государств политическая борьба: то выдвигается на первый план магистратура, временно превращаясь иногда в тиранию; то появляются и осуществляются лозунги перехода всей власти к народному собранию; то, наконец, господствует аристократия, подчиняя себе и магистратуру, и народное собрание. Но существо дела от этого не меняется: решающим элементом всегда является гражданство в его целом, неразрывно связанное с городской территорией и с городом в его конкретном, а не абстрактном бытии.

Эта постоянная смена властвующих и господствующих политических сил находится в тесной связи и в тесной зависимости от экономического строя города-государства.

Античному городу-государству присуще, по самому существу его, ряд экономических явлений, которые неминуемо приводят к кризису, вне зависимости от большей или меньшей его территориальной экспансивности, и сталкивают в постоянной и ожесточенной борьбе отдельные слои общества, представленные в управлении одним из трех вышеуказанных органов народовластия.

Нужно помнить, что строение всей экономической жизни античности ставило всегда во главу угла не столько промышленность и торговлю, сколько земледелие и землевладение. Как ни широко развита была торговля и промышленность в целом ряде городов-государств, никогда и нигде ни один город не мог счи-

тать себя обеспеченным в смысле продовольствия, если он не опирался на производительность своей территории, как основу своего снабжения предметами первой необходимости.

Причина этого лежит в целом ряде явлений: примитивность средств передвижения по сухопутным путям, медленность и дороговизна сухопутного транспорта, несовершенство гребного и парусного судоходства, зависимость его как от стихии, особенно в зимнее время, так и от малейших политических осложнений, от действительности охраны морских путей тем или другим господствующим на море государством - все это и многое другое делало интенсивное использование своей территории в смысле сельскохозяйственной эксплуатации вопросом первостепенной важности для каждого города-государства и поднимало цену и значение земли как экономического фактора на необычайную высоту.

Наряду с этим и в силу тех же причин, единственным верным и прочным помещением капитала, обеспечивавшим постоянную и верную ренту, было помещение его в землю. Всякое иное помещение капитала могло быть и весьма прибыльным, и весьма заманчивым, но всегда рискованным и необеспеченным. Только капитал, помещенный в землю, или капитал, отданный под проценты с обеспечением землею, были капиталами, помещенными прочно, верная рента с которых находилась в зависимости только от интенсивности и разумности затраченного труда.

Не могу здесь входить в детальное доказательство этого положения, являющегося выводом из целого ряда исследований и наблюдений, но указать на этот основной факт было необходимо и в этой связи, так как им обуславливается кардинальное явление экономической, социальной и политической жизни города-государства вообще - тяга рождающегося в зависимости от тех или иных условий капитала к земле и вытекающие отсюда экономические, социальные и политические осложнения.

Везде и всегда в античном мире капиталистический строй вел к созданию крупного землевладения, вытеснявшего всеми ему доступными средствами мелкое или стремившегося поставить это последнее в экономическую от себя зависимость. Реакцией на это была более или менее организованная борьба мелкоземлевладения и земельного пролетариата, рядового граждан-

ства против крупной земельной собственности и против долгового права, гарантировавшего капиталу власть над должниками и экономическую их зависимость.

Поэтому лозунгом борьбы везде в городах-государствах античности было - $\eta\gamma\varsigma \alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\iota\varsigma$ и $\chi\rho\epsilon\acute{\iota}\nu \acute{\alpha}\lambda\omicron\chi\omicron\tau\eta\iota$ - то есть земельный передел и уничтожение долговых обязательств. Политически этот лозунг всегда сочетался с лозунгом «вся власть народному собранию», так как только при этом условии осуществимо было перераспределение земельной собственности, освобождение должников и расчленение крупного землевладения.

Борьба за эти лозунги неминуемо вела к временному сосредоточению власти в руках единоличных носителей, магистратов, становившихся, в силу идейных соображений или личного честолюбия, во главе народных масс и порывавших с тем классом крупных собственников, к которому они обыкновенно принадлежали с рождения.

Все эти явления как основные элементы общественной жизни города-государства осознаны были в полной мере теоретиками греческой государственности (Платон, Аристотель и др.) и вылились в стройные конструкции того или иного типа в зависимости от политического и социального кредо их творцов. Неразрешимость вытекавших из этих явлений сложных экономических, социальных и политических проблем вела не только к констатированию факта этой неразрешимости, но и к попыткам теоретически построить утопию идеального государства на базе имущественного равенства, преимущественно в области землевладения. Реальная борьба перенеслась таким образом и в область борьбы идейной, борьбы теорий и тех или иных политических партийных программ.

Еще более обострилась борьба под влиянием одного менее крупного, но не менее остро ощущавшегося вопроса - вопроса продовольственного. Блестящее развитие торговой и промышленной жизни в целом ряде центров греческого мира, в отдельных крупных городах вызвало огромный приток населения в эти центры, сделавшиеся естественным образом средоточием более крупных государственных образований. Это население частью входило в состав гражданства, частью только сожительствовало с ним, иногда в

качестве граждан низшего сорта, лишенных политических прав, обычно же, как лишенные свободы рабы или зависимые отпущенники; но его наличность, во всяком случае, осложняла до крайности всегда трудный в древнем мире продовольственный вопрос.

Затруднения в подвозе, частичный или полный неурожай в области создавали нехватку, дороговизну, голод, рождавшие, в свою очередь, спекуляцию, ажиотаж, скрывание продуктов, мародерство, чем в эти моменты бесконечно осложнялась и обострялась политическая и экономическая борьба. И с особой силой выдвигался лозунг «вся власть народному собранию», с ближайшей целью обеспечить суверенному гражданству дешевый, а затем и даровой хлеб за счет государства, то есть реально либо за счет подчиненных и зависимых, либо за счет имущих, по отношению к которым все средства принуждения казались дозволенными.

Все эти явления и ряд других, из них вытекавших, лежали в природе города-государства вообще и повторяются, как я уже сказал, повсюду и везде в более или менее крупном масштабе и с большею или меньшею длительностью.

Они определяют собой и этапы развития политической борьбы в Риме и Италии, но процесс их развития здесь гораздо сложнее, чем в греческих городах-государствах, в силу особенностей государственного развития Рима.

Победное шествие Рима на пути завоевания Италии и провинций, то есть внеиталийского мира, не дало временно с особою остротою выявиться отмеченным выше явлениям в эпоху самой борьбы и позволило рассосаться назревавшему в период до этой борьбы кризису.

Подчинение Лация, затем Этрурии, Средней и Южной Италии, сопровождавшееся интенсивной колонизацией приобретенных в слабо заселенной Италии земель, разрешало вопрос о земле безболезненно и мирно, давая возможность существовать землевладению крупному и широко раздвигать рамки землевладения мелкого, заселяя значительную часть Италии оседлым римским гражданством и вводя в круг этого гражданства землевладельческие элементы многих покоренных территорий.

Начавшееся после великого кризиса Пунических войн, когда с особою силою проявилась безграничная сила сопротивления

римских и италийских мелких землевладельцев, быстрое и неудержимое завоевание наиболее богатых государств Запада и Востока (цветущего греко-финикийского побережья Галлии и Испании, области Карфагена в Африке, культурной и богатой материковой, островной и малоазийской Эллады) объединило в завоевательном порыве все римское гражданство и гражданство союзных италийских племен и городов, сделавшись источником колоссального обогащения для всех: и вождей всенародного ополчения, членов управляющего Римом органа - сената, и рядовых солдат и офицеров этого ополчения. Надо помнить, что война, особенно война завоевательная, в древности более, чем теперь, была не только делом политическим, но и коммерческим предприятием, обогащавшим всех участников. Добыча была одним из главных стимулов войны, а грабеж и порабощение населения, последнее в буквальном смысле слова превращение покоренных в рабов, - основными и существеннейшими факторами успешных военных действий.

Завоевательная эпопея, начавшаяся после конца второй Пунической войны, длилась, однако, недолго. Бурный поток завоевания, быстро сокрушивший слабое сопротивление культурных и богатых эллинизированных государств, разбился постепенно на отдельные струи и задержался на границах эллинизма, где встретил хотя и нерешительное, но более длительное и более упорное сопротивление менее эллинизированных племен и государств.

Превращение города-государства Рима в мировую державу, как только что было указано, задержало на время острое проявление той социальной и политической борьбы, которая характерна и типична для каждого города-государства. Но, наряду с этим, то же явление в дальнейшем необычайно обострило ту же борьбу, придало ей грандиозные размеры и сделало ее особенно сложной и запутанной. Возникшие в связи с мировым ростом Рима экономические и социальные явления общеизвестны, и их достаточно только назвать.

Завоевание богатого Запада и Востока создало крупные и прочные состояния руководящих родов, питавшиеся как продолжением завоевания, так и эксплуатацией господства как в области разработки государственного колоссально возросшего недвижимого имущества, в состав которого вошли целые государства,

так и в области выгодного использования господства для обеспечения себе руководящей роли в посреднической торговле и в мировом денежном обращении.

Появление этих крупных состояний неизбежно вело к стремлению вложить приобретенные капиталы в землю, сосредоточить в одних руках крупные комплексы земельных участков, увеличить производительность земель путем более совершенных методов обработки и перехода к более выгодным культурам с широким применением рабской силы, в массах наводнившей Италию. Этим создавалась жестокая конкуренция мелкому землевладению, работавшему по старинке и не выдерживавшему все усиливавшегося роста цен на землю. Возможность выгодно продать землю и найти легкий заработок в городах, и особенно в провинции, выбрасывала мелких землевладельцев с насиженных мест и делала из них при удаче новых капиталистов, при неудаче - пролетариев.

Ряды пролетариата пополнялись отпущенными на волю за негодностью, ненадобностью или по иным причинам рабами и переселенцами из провинции, теми или иными путями получавшими право римского гражданства. Одновременно возрастали и ряды обеспеченных граждан, не принадлежавших к правящему сословию, но добивавшихся руководящей роли в государстве.

И все это в размерах и качественно, и количественно небывалых и не имевших места нигде и никогда в развитии других городов-государств античности.

Естественным образом Рим, столица мира, вырос в колоссальный город, единственный в своем роде, выросли до грандиозных размеров и другие, особенно приморские города Италии. Везде, и особенно в Риме, в связи с этим ростом обострился в небывалых размерах продовольственный вопрос.

До крайности жгучими стали и вопросы политические. Принадлежать к правящему сословию сделалось теперь не только вопросом честолюбия, но и вопросом материального обеспечения. Магистратура из почетной обязанности и тяготы превратилась в статью дохода, дававшую колоссальные выгоды. Естественно, что обладатели крупных исторических имен стремились обеспечить себе исключительное обладание этой доходной статьей и оградить себя от появления в своих рядах новых людей. Для этой це-

ли все средства были хороши, и самым могучим был организованный подкуп суверенного гражданства, облегченный пестрым составом этого гражданства и колоссальными состояниями правящего класса.

Осуществление права гражданства в связи с этим стало хорошей доходной статьей и вызвало, с одной стороны, приток граждан в столицу, с другой - ранее невиданную исключительность гражданства в вопросе о расширении рамок гражданства и все большее и большее одичание нравов и падение гражданского чувства на римском форуме, откуда все честное и граждански сознательное вытеснялось мародерами и спекулянтами, игравшими на своем праве гражданства.

Суверенный народ римского государства, управлявшего миром, превращался все в большей и большей мере в искусственно подобранную группу активных граждан, монополизировавших политические права гражданства, рассеянного по Италии и провинциям.

По существу, мы сталкиваемся, таким образом, с явлениями, типичными для города-государства вообще, но осуществлявшимися в Риме в грандиозных размерах, в невиданном еще диапазоне.

Впервые, как известно, вытекавшие из отмеченных выше процессов требования, как политические, так и экономические, сформулированы и поставлены были не без влияния греческой политической доктрины, Тиберием и Гаем Гракхами, причем сразу же выяснилось, что проведение как земельного, так и политического лозунга наталкивается на такое сильное и организованное сопротивление сената, что может быть осуществлено только революционным путем, путем вооруженного воздействия народных масс, длительно руководимых одним лицом.

Эта длительность руководства, то есть временное введение тирании, была как конституционным поводом, так и одною из причин, поведших к гибели в вооруженной схватке как Тиберия, так и Гая Гракхов.

Раз поставленные и неразрешенные вопросы, аграрный, политический и продовольственный, не могли более сойти со сцены. Но то или иное разрешение их сильно затруднялось новыми, чуждыми греческому миру факторами, придавшими борьбе ха-

рактер необычайно затяжной, бесконечно кровавый и до крайности упорный и жестокий.

Я уже говорил о той исключительности, с которой римское гражданство начало после создания мирового государства относиться к допущению новых лиц или групп в состав римского гражданства.

Римское гражданство к этому времени достигло необычайной для греческих городов-государств численности, и римская гражданская территория распространилась по всей Италии. Дальнейшее расширение количества лиц, пользовавшихся правом гражданства, и увеличение римской гражданской территории казались поэтому каждому, не только гражданству римского форума, но и руководящим политическим деятелям, прежде всего сенату, серьезной опасностью, грозившей подкопать в корне основы городского строя Рима. Отсюда резкое изменение политики в этом вопросе и почти полное прекращение доступа новым лицам в состав гражданства.

Чем резче проявлялась эта исключительность, чем вышемерно и повелительнее выступал римский сенат и народ по отношению к негражданам, в том числе и союзникам, тем настойчивее становился напор тех, кто желал и имел право войти в состав римского гражданства. Прежде всего, это право всячески принадлежало итальянским союзникам Рима, всенародное ополчение которых вместе с гражданским римским покорило мир и создало римское мировое государство.

Италии не хотели более довольствоваться тем, что вне Италии они пользовались привилегиями римского гражданина, их самолюбие, их чувство собственного достоинства, наконец, их материальные интересы оскорблялись и нарушались недопущением в командный состав войска, исключением из числа кандидатов на магистратуры и даже насильственным устранением от голосования в римском народном собрании.

Понятно, что в сознании своей силы, как численной, так и моральной, италии, в смысле военной выучки и снаряжения ничем не отличавшиеся от римлян, которые когда-то от них взяли ряд новшеств в своем вооружении и в своей тактике, могли настоять на своем требовании и добиться оружием того, чего им не давали мирным путем.

Великая союзническая война - первая гражданская война на земле Италии, война кровопролитная и жестокая, - не могла не кончиться победой италиков, то есть исполнением их требования, так как иначе мировое владычество, опиравшееся исключительно на сплоченность Италии вокруг Рима, могло ускользнуть из рук римских граждан. С 88 года до Р. Х. вся Италия, а несколькими десятилетиями позже и вся италийская Галлия входят в состав римского гражданства, и отныне весь Апеннинский полуостров, приписанный по частям к той или другой римской трибе, делается территорией правящего города. Соответственно этому, суверенное гражданство Рима, долженствующее осуществлять свое право гражданства на римском форуме, лично голосуя в составе той или другой трибы, представляет собою многомиллионную, все еще разноязычную массу, рассеянную по всей Италии от Альп до Калабрии и Бруттия.

Это включение всех италиков в состав римского гражданства является первым из упомянутых выше осложняющих политическую жизнь Рима факторов, и действие его немедленно сказывается на всем ходе развития исторического процесса. Прежде всего, становится совершенно нетерпимым решение вопросов на форуме так называемым гражданством Рима, ни в коей мере не представляющим всей Италии. Необычайно осложняется вопрос аграрный, отныне касающийся всей Италии с ее сложными и разнообразными аграрными отношениями. Совершенно иной характер приобретает и вопрос о войске, его составе и его роли в политической жизни.

Меняется и культурная физиономия Италии. Разноязычная и многоплеменная, она становится все более и более латинской. Старые носители греко-идалийской культуры - самниты и этруски - почти совершенно стираются с лица земли, и их действительные силы впитываются латинством. Бесконечное разнообразие культурных особенностей различных частей Италии почти окончательно стирается, исчезает политическая пестрота и на место причудливо меняющихся в зависимости от культурного прошлого каждой общины форм политического бытия италийских племен и городов-государств становится утомительный в своем однообразии италийский муниципий.

Для мировой латинской культуры это было большим плюсом. Все деятельное и сильное в Италии растворяется в римско-латинской государственности и культуре, вливая в них новые и свежие силы. Недаром же в I в. до Р. Х. и в I в. по Р. Х. почти все наиболее видные имена в литературе, искусстве и науке принадлежат Италии, а не Риму.

Все местное, провинциальное сглаживается и исчезает, латинская культура впервые приспосабливается к мировым задачам и приобретает мировой характер. Но надо помнить, что этим же убито было местное здоровое развитие отдельных частей Италии и что достигнуто это было путем организованного насилия и уничтожения многих тысяч жизней и талантов.

Вторым не менее важным фактором политического развития Италии и Рима в I в. до Р. Х., фактором типичным только для Рима и стоящим в теснейшей связи с развитием Рима как мирового государства, является изменение состава и характера римского войска.

Я уже говорил о том, что победой в борьбе за мировое владычество Рим обязан своему всенародному ополчению, в состав которого постепенно вошло всенародное ополчение Италии. Это было войско, включавшее в себя всех граждан Рима постольку, поскольку они были оседлыми, *assidui*¹, то есть имели земельную собственность в пределах римской территории или, вообще, определенный имущественный ценз. В борьбе за Италию в V - IV вв., когда мелкие землевладельцы римской гражданской территории шли в бой с твердой уверенностью, что счастливый исход его обеспечит их многочисленному потомству собственные полнотные наделы в завоеванной территории, это войско проявило величайшую выдержку и сплоченность. Еще крепче и спаяннее оказалось оно, когда пришлось отстаивать свою землю, свой участок, свои нивы и сады от грозного нашествия карфагенян. Как владыки мира прошли железные легионы римских землеробов по городам и полям эллинизованного Востока и Запада. С большим мужеством отстаивали они, правда уже в несколько измененном составе, первенство римского гражданства над Италией.

¹ Постоянные (лат.).

Но уже после великих восточных войн, когда войны на границах римской державы приобретали, как сказано выше, все более и более затяжной характер, когда борьба, как, например, в Испании, тянулась годами, и римским войскам приходилось пядь за пядью отбирать землю у храбрых и упорных иберов и кельтиберов, победа над которыми стоила много крови, но давала мало добычи, когда каждое поражение неспособного вождя, купившего свою магистратуру на римском форуме за деньги, награбленные в провинциях, ощущалось, как ненужное пролитие крови в угоду честолюбию вождя, искавшего украсить себя за счет солдат победными лаврами и триумфом, дух римского всенародного ополчения все более и более менялся. Зажиточные италийские земледельцы, наладившие на деньги, привезенные с Востока, свое маленькое хозяйство, прочно обстроившиеся и ощущавшие себя на почве родной Италии в полной безопасности, все менее и менее понимали, зачем им ежегодно являться на призыв консула, расстраивать свою налаженную жизнь, брать с собою своих взрослых сыновей, опору и надежду их хозяйства, оставляя на месте женщин, малолеток и рабов, которым не под силу было бороться с захватными стремлениями соседнего крупного помещика. Нелегко было им объяснить, что владение береговой полосой Испании требует подчинения соседних горцев, между тем как их лично и береговая-то полоса интересовала весьма мало; не понимали они и того, зачем им изнывать под палящим солнцем Нумидии в вечной борьбе с подвижными, неуловимыми кочевниками, быстро собиравшимися и тотчас же рассыпавшимися, или проделявать трудные горные походы в далекой Малой Азии.

Под влиянием всего этого дух римского ополчения все более и более падал, все труднее становилось консулам собирать ежегодно новые легионы и пополнять старые, все увеличивалось число нетчиков, росло число дезертиров, падала дисциплина и уменьшалась стойкость легионов.

Между тем в Италии создавался новый класс людей, который готов был бы пополнить пустующие ряды легионов, конечно, при известных условиях. Речь идет, конечно, не о тех пролетариях, которых Гракхи частью наделили землей и которые после этого наделения вряд ли были более надежной опорой войска, чем остальные италийские землевладельцы.

Я говорю о тех пролетариях Рима и Италии, которых легко можно было привлечь в ряды войска, обещав им наделение земель после отбытия ими воинской тяготы, а не *praenumerando*¹, как это хотели сделать Гракхи.

Грозная опасность, надвинувшаяся на Италию в последних годах II в. до Р. Х. - нашествие кельто-германских племен с севера, кимбров и тевтонов, была тем стимулом, который заставил Мариа, наряду с некоторыми чисто военными техническими реформами, отменить правило о службе в легионах только граждан с известным цензом и привлечь в их ряды так называемых пролетариев, то есть лиц с очень низким или вообще без имущественного ценза.

Реформа Мария уже давно по достоинству оценена в науке. Думаю, однако, что все вытекающие из нее выводы для политической и экономической истории Италии и Рима не были до сих пор сделаны и колоссальное значение новшества Мария не в достаточной мере учтено.

Теоретически войско Рима остается всенародным ополчением; право призыва консула и обязанность являться на призыв для римского гражданина остались. Но фактически социальный состав войска в корне изменился. Незачем было полководцам, целью которых, прежде всего и главным образом, была победа в ответственных войнах, в исходе которых они были заинтересованы не только государственно, но и лично, прибегать к принудительному набору плохих солдат, когда к их услугам были кадры добровольцев, заинтересованных материально в благополучном исходе операции, так как от этого зависело личное влияние их вождей, и следовательно, и возможность для их солдат получить из рук вождя обещанные *praemia militiae*², то есть денежное и земельное вознаграждения.

Римская армия, таким образом, после реформы Мария неминуемо должна была сделаться армией гражданско-пролетарской, в противоположность старому ополчению граждан-собственников. Для этой пролетарской армии на первом плане стояли вопросы материальные и, прежде всего, вопрос о наделении землей за счет, конечно, старых собственников, которым не так легко было отстоять свои интересы, так как их мобилизация была значитель-

¹ Вперед (лат.).

² Военная премия (лат.).

но более сложным и трудным делом, чем привлечение под знамена тем или другим полководцем нужного числа пролетариев.

Упрочение пролетарского состава армии обуславливалось, с одной стороны, и обуславливало, с другой, появление во главе государства личностей, которые, идя по стопам Гракхов, ясно видели, что проведение ими той или другой программы реформы или достижение тех или других личных целей не могло быть поставлено в зависимость от неустойчивого и изменчивого по составу и настроению народного собрания, а возможно было только при господстве над народным собранием и сенатом; последнее же осуществимо было только при поддержке вооруженной и преданной силы, которой, по существу, ополчение цензовых элементов быть не могло.

Со времени Мария к борьбе сената и народного собрания примешивается, таким образом, третий элемент - постоянно вновь возникающее и меняющее свой состав, но не свой характер пролетарское войско, наличие которого в тот или другой момент, конечно, решала бесповоротно те или другие политические или экономические вопросы.

Надо, однако, считаться с тем, что войско в Риме и в эту эпоху не было постоянным, а являлось и исчезало по мере надобности в большем или меньшем размере и что появление войска всецело зависело от инициативы магистратов и сената. Это придавало всему ходу событий характер крайней неустойчивости и переменчивости. Как постоянный фактор войско не существует, но, появляясь от времени и до времени для той или другой задачи, оно в руках умелых руководителей становится в критические моменты решающим элементом, растворяясь затем временно в массе гражданского населения Италии.

Пролетарское войско, набиравшееся по большей части из тех, кто еще вчера был землевладельцем и собственником, добывается, скорее всего, земли для себя; выброшенные с насиженных мест ищут, прежде всего, возвращения на них или замены их новыми. Поэтому всякое крупное войско, сплотившееся около того или другого сильного вождя, сумевшего при помощи войска обеспечить себе власть в государстве на более или менее продолжительное время (Сулла, Помпей, Цезарь, Антоний, Октавиан),

требует, в первую очередь, от своего победоносного предводителя земли, и притом земли в Италии.

Это вынуждает предводителей, за отсутствием свободных земель, прибегать к широким экспроприациям, и притом не столько среди крупных собственников, земли которых в связи с победой той или другой партии то конфискуются, то возвращаются к старым владельцам, а среди трудового крестьянства итальянских городов и мелких (а частью и крупных) итальянских помещиков. Эти экспроприации выбрасывают многие тысячи здоровых и трудовых людей на улицу и создают все новые и новые кадры пролетариата, число которого от наделения ветеранов землей не уменьшается, а неуклонно растет. Поэтому всякий призыв под знамена и со стороны сената, и со стороны тех или других честолюбцев находит себе отклик в массах и собирает под любые знамена, часто независимо от провозглашенного лозунга, крупнейшие армии, с необычайным упорством и ожесточением отстаивающие свои надежды на прочное материальное обеспечение после победы. Немалую роль играют по временам и беглые рабы, которыми полны были поля и города Италии и большая часть которых состояла из сильных и боеспособных людей.

Ясно, что при таких условиях, когда в политической борьбе приняли участие миллионы сильных и мужественных граждан Италии, когда большая часть борющихся была заинтересована в исходе борьбы материально, когда кадры бойцов пополнялись все новыми и новыми толпами обездоленных, а временно удовлетворенные далеко не были уверены в прочности владения приобретенным и готовы были отстаивать свою добычу всеми средствами, когда политические, экономические и социальные лозунги скрешивались, переплетались и отходили куда-то далеко на задний план, когда гибель одних вызвала бесконечное ожесточение и жажду мести в других, ясно, что при этих данных борьба должна была быть затяжной, необычайно жестокой и упорной и могла кончиться только при полном истощении сил и общем упадке духа.

Надо, наконец, считаться и с тем, что борьба велась, в конце концов, с режимом, пустившим глубокие корни в сознании всего итальянского населения, что сенат, как таковой, пользовался колоссальным престижем, глубоким моральным авторитетом и рас-

полагал как огромными материальными средствами, так и широкими кадрами способных и решительных людей, которые в значительной части одушевлены были искренним убеждением в правоте защищаемого ими дела.

Этим моральным престижем и материальной силой сенат, конечно, прежде всего обязан был той роли, которую он сыграл в превращении Рима в мировое государство. Его твердое и последовательное руководство, его присутствие духа и неиссякаемая энергия довели Рим до конечного успеха в необычайно трудном и ответственном деле. Эта роль сената не могла не быть понята и учтена, если не сознательно, то подсознательно, и она, главным образом, обеспечила сенату силу и моральное влияние даже тогда, когда сенат в ряде своих членов дискредитировал себя эгоистической и чисто материалистической классовой политикой.

Все эти факторы создали в Риме условия социальной, экономической и политической борьбы, значительно более сложные, чем те, которые мы наблюдаем в греческих городах-государствах, хотя основы борьбы, в общем, одинаковы и тесно связаны со строем города-государства, как такового.

В конце концов, все новое и осложняющее сводится к одному основному, к мировой роли Рима, к тому мировому значению, которое приобрел город-государство Рим. Поэтому в Риме центр тяжести борьбы перемещается. Создавшие ее экономические и социальные процессы отходят на задний план, а на первый план выдвигается острый и больной вопрос о том, как совместить строй города-государства с мировым владычеством и в рамках этого нового строя так или иначе разрешить назревший и осложнившийся экономический, социальный и политический кризис.

В этой антиномии города-государства и мировой державы суть всей той цепи явлений и событий, которые налагают свою печать на эпоху гражданских войн. Почему эта антиномия была разрешена переходом к абсолютистической власти, как влияли на это разрешение вопроса в ходе исторического развития вышеуказанные факторы, как сложилась под влиянием этих факторов психология массы - все это может выяснить только правильное освещение отдельных этапов сложной и жестокой эпопеи гражданских войн в Риме и его державе.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Италики, Марий и Сулла

Первые вспышки надвигавшейся войны всех против всех, разгоревшейся ярким пламенем в начале I в. до Р. Х., носили в Риме те же формы вооруженного столкновения партий на главной площади города, взаимного избиения и преследования побежденных, что и в других городах-государствах древнего мира. Первыми жертвами пали в этой борьбе Тиберий и Гай Семпроний Гракхи, впервые провозгласившие и частью осуществившие греческие демократические лозунги в применении к римской действительности.

За ними последовали после промежутка в два с лишним десятилетия Апулей Сатурнин и Ливий Друз. Последний выдвинул особенно резко и определенно вопрос о праве гражданства италиков, поднятый еще Гракхами, вопрос, положивший начало настоящей и длительной гражданской войне и имевший решающее значение для всего хода этой последней.

Не надо забывать, что именно эта война не только столкнула между собою римское гражданство, с одной стороны, и гражданство италийских городов — с другой, посеяв на долгое время рознь и ненависть между городской Италией и жителями римской гражданской территории, но и подготовила весь дальнейший ход событий, создав, как было указано выше, неисчерпаемые кадры бойцов, ряды которых, по мере хода событий, причудливо

перемешались, и внеся на долгие десятилетия чувство острого недовольства и антагонизма в души масс рядового земледельческого населения Италии.

Война эта, прежде всего, сама по себе была необычайно ожесточенна и кровопролитна, так как столкнула между собой одинаково подготовленных, вооруженных, храбрых и привыкших к победам бойцов, недавно еще победоносно прошедших рука об руку по всему цивилизованному древнему миру. Надо помнить, кроме того, что в этой борьбе обе стороны воодушевлены были уверенностью, что борются они за правое дело, от которого зависит все их будущее, и материальное, и политическое.

Поэтому-то Италийская война, которая по количеству жертв с той и с другой стороны может идти в сравнение разве только с Пуническими войнами, и кончилась только после того, как наиболее энергичные, сознательные и культурные италики - самниты и этруски, учителя Рима в области культуры и военной техники, раньше Рима вобравшие в себя эллинскую цивилизацию, - погибли почти целиком и заменены были латинами или усвоившими себе латинский язык и латинский культурный облик жителями Италии.

Только первый этап этой войны закончился в 88 году до Р. Х. Закончился уступкой Рима и закончился не потому, что Рим убедился в правильности притязаний италиков, а потому, что на карте стояло мировое владычество Рима. Действительно, смуты в Италии подорвали веру в несокрушимую мощь Рима на всем культурном эллинизованном Востоке. Это настроение поддержано было беспрепятственным ростом могущества Митридата VI Понтийского, сумевшего не только создать себе прочную военную и политическую базу в своей причерноморской державе, но и раздвинуть пределы своего государства в Малой Азии.

Последним актом Митридата, стоявшим в прямой связи с союзнической войной в Риме, был захват им сначала римской Малой Азии, а затем римских провинций на Балканском полуострове. Хорошо известно, что в этих актах эллины усмотрели, прежде всего, освобождение от ненавистного римского ига, еще непривычного и поэтому особенно тягостного для них, хотя пережили они пока что еще только «цветочки» римского режима; «ягодки» были еще впереди. Известно также, что под влиянием этой ненависти к Риму эл-

лины охотно и с кровожадной жестокостью исполнили призыв Митридата беспощадно истребить все римское население греческих провинций. В близком будущем их ждало, конечно, разочарование: господство полуэллинизованного жестокого и самодержавного левантинца было, конечно, еще горше хозяйничанья римских магистратов. И для него греки были только источником дохода и средством для достижения цели. Но пока что цель Митридата была достигнута; общность вины на первое время спаяла с ним греков.

Захват Востока Митридатом был жестоким ударом для Рима. Гибель десятков тысяч жизней римских не италийских граждан, потеря огромных капиталов были, конечно, колоссальным уроном, но еще опаснее было падение престижа в момент жестокой борьбы в Италии, и в особенности прекращение поступления доходов из богатейших провинций как раз тогда, когда деньги нужны были более, чем что-либо другое, и более, чем когда бы то ни было: пролетарское войско стоило дорого и даром сражаться не хотело.

Появление римского войска на Востоке было, таким образом, неизбежною необходимостью. Для этого можно было пойти на уступки Италии. Но уступать полностью ни сенат, ни римское гражданство, ни пролетарское войско склонны не были. Сенат боялся новых культурных, богатых и энергичных аспирантов из магистратуры, не хотел делиться с ними своим привилегированным положением в государстве; римское суверенное гражданство не могло примириться с мыслью о появлении на форуме новых масс суверенных граждан, с которыми придется делить выручку за продажу магистратур; пролетарское войско усматривало в италийцах таких же конкурентов, прежде всего, в том заманчивом походе на Восток, который обещал им, как показывал опыт, дешевые лавры, богатую добычу, крупные денежные награды и участок земли в Италии после возвращения.

Уступка Рима италикам была поэтому половинчатой и неполной. Право гражданства - да, но голосование только в нескольких - новых или старых (источники наши в этом расходятся) трибах, то есть обеспечение большинства во всех голосованиях старым гражданам. Часть италиков готова была удовлетвориться и этим, но большинство, наиболее культурное и боеспособное, было не удовлетворено и готово продолжать борьбу.

При таких условиях решался второстепенный, на первый взгляд, но получивший необычайную остроту, вопрос о том, какие воинские части и под чьим предводительством будут двинуты на Восток.

Конституционно вопрос решался просто. Войско должен был вести один из консулов 88 года, то есть либо Луций Корнелий Сулла, один из вождей Рима в борьбе с Италией, находившийся в Кампании во главе своего победоносного войска, либо Квинт Помпей Руф. Жребий решил дело в пользу Суллы, и, по существу, решение было целесообразно, так как Сулла и раньше выделился своим военным талантом и в союзнической войне вел дела энергично, жестоко и вполне в духе большинства гражданства и сената, то есть без ненужных, с их точки зрения, уступок италийцам.

Такое решение вопроса грозило, однако, неудачей всему делу италийцев. Сулла - победитель на Востоке, Сулла - вождь победоносного, обогащенного им войска, ободренного набедами в Италии, Сулла - сторонник сената и враг всей программы Гракхов был большой опасностью и для италийцев, и для демократической партии в Риме, прежде всего, для ее главы - Марии, героя серьезной колониальной войны в Африке и защитника Рима и Италии, отразившего нашествие кимвров и тевтонов. Изменить принятое согласно конституции решение вопроса можно было только путем революционным, другого не было. Для этого надо было обеспечить себе поддержку не только на форуме, но и поддержку вооруженную, которую могла дать только союзническая Италия. Естественно поэтому, что Публий Сульпиций Руф, трибун 88 года, по соглашению с Марием почти одновременно провел как закон о полном уравнении италийцев с римскими гражданами, с включением в их число и всех отпущенников, так и предложение в народном собрании о поручении командования на Востоке не Сулле, а Марию. Проведены были эти предложения, конечно, только путем насилия и при энергичнейшем противодействии консулов и сената.

Под угрозой смерти Сулла был вынужден уступить и бежал к своему войску в Кампанию. Его дело казалось окончательно проигранным. Стоило пройти нескольким неделям, и около Марии сплотились бы тысячи италийцев, ныне римских граждан, готовое войско для борьбы с Митридатом и Суллою.

Но не один Сулла заинтересован был в исходе дела. Его кампанские легионы твердо верили в то, что для них кончилось время упорной борьбы в Италии, что им предстоит легкая и выгодная прогулка на Восток, а затем спокойная жизнь на отнятых у побежденных италийцев полях богатой Кампании и Этрурии. Все это рушилось. Не их, конечно, повел бы Марий на Восток.

Надо было решиться на быстрое и энергичное действие. Правда, предстоял поход на Рим. Но сколько раз уже осаждали они и брали италийские города: борьба с братьями была уже для них привычной.

Неудивительно поэтому, что и вождь, и войско быстро решились добиться своего, хотя бы ценой взятия Рима и гражданской войны. И характерно, что одни офицеры не пошли с ними. Консул - верховный вождь - и солдаты взяли штурмом Рим, покончили с главарями противников (части с Марием удалось бежать) и настояли на уничтожении законов Сульпиция Руфа.

И опять Сулла стоял перед ответственным и трудным решением. Вряд ли можно было сомневаться в том, что стоит ему увести преданное ему войско на Восток, и в Италии вновь возобладают его враги. За ними стояла вся обиженная и оскорбленная Италия. И тогда он на Востоке останется один, без поддержки тыла, один со своей армией и против сильного и богатого врага.

Но выбора не было. Оставаясь в Италии, следовало быть готовым к жестокой войне. На нее не имелось средств. Войско готово было идти с ним на Восток. Но готово ли оно было сражаться опять с Италией? Надлежало решиться на рискованную, но не безнадежную ставку.

Сулла двинулся на Восток. В Риме он наскоро провел ряд реформ, набросок будущей коренной реформы. Целью было обезвредить суверенное народное собрание. Но вряд ли сам Сулла рассчитывал на действенность этих реформ в данных условиях.

Во время его отсутствия в Риме, конечно, немедленно возобладали его противники. После недолгой борьбы и временного бегства из Рима одному из консулов, сменивших Суллу, Цинне, стороннику италийцев и Мария, удалось одолеть Гая Октавия, сторонника сената, и установить демократический режим под

главенством вернувшегося Мария и с возобновлением всего того, что провел в свое время Сульпиций Руф.

Для выяснения того, что пережил Рим в эти тяжелые минуты анархической борьбы за власть, позволю себе привести рассказ о событиях этих дней Аппиана, воспроизводящего здесь, несомненно, если не слова, то содержание изложения событий современником.

«Друзья изгнанников (после удаления Суллы из Рима к войску), набравшись смелости в надежде на Цинну, получившего консульство после Суллы, стали агитировать, по наущению Мария, среди новых граждан (италиков), вызывая их на предъявление требования включить их во все трибы, так как при данном положении вещей, голосуя последними, они лишены какой бы то ни было власти. Это было предисловием к возвращению Мария и его сторонников. Этому требованию старые граждане воспротивились со всей энергией. На стороне новых граждан стоял Цинна, получивший за это, как думали, триста талантов, на стороне старых - другой консул, Октавий.

Сторонники Цинны, захватив первыми форум, вооруженные спрятанными под одеждой мечами, стали кричать о включении их во все трибы. Более чистая часть народа сгруппировалась около Октавия, также вооружившись мечами. Октавий находился еще у себя, ожидая событий; ему доносят, что большая часть трибунов выступила против требования толпы, новые же граждане шумят, что уже обнажились мечи на форуме против выставивших свое вето трибунов и заняты уж ростры вскочившей на них толпой.

Узнав об этом, Октавий двинулся по Священной дороге вниз к форуму в сопровождении весьма густой толпы; как зимний поток влился он в форум в густую толпу стоявших там граждан и расчистил себе путь. Нагнав страха на толпу, он прошел мимо храма Касторов, гоня перед собой Цинну. Его спутники, без всякого приказанья с его стороны, напав на новых граждан, немалое их количество убили, других же, обратившихся в бегство, гнали к воротам города.

Цинна же, положившийся на численное превосходство новых граждан и уверенный в том, что ему удастся насилем одержать верх, видя, против ожидания, что верх одерживает смелый

натиск меньшинства, стал носиться по всему городу, призывая рабов к свободе. На его зов не откликнулся никто.

Он бросился тогда в соседние города, недавно только получившие право гражданства, в Тибур, Пренесте и другие, вплоть до Нолы, призывая их к отложению и собирая деньги на войну. К нему присоединились, бежав из города, его сторонники в сенате - Гай Милоний, Квинт Серторий, Гай Марий Второй. Сенат же, ввиду того, что консул во время величайшей опасности покинул город и призвал рабов к свободе, лишил его как консульства, так и права гражданства и выбрал вместо него Луция Мерулу, фламину Юпитера.

Цинна направился, между прочим, в Капую, где находилась одна из армий, и стал охаживать как командный состав армии, так и находившихся при ней сенаторов. Затем, явившись как консул, во всем консульском облачении, на собрание всего войска, сложил фасцы (знаки консульского достоинства) и со слезами обратился к солдатам с речью:

«От вас, граждане, я получил эту власть. Выбрал меня народ. Сенат же отнял ее у меня без вашего согласия. Подвергшись этому насилию, в тяжелой моей личной беде, я все же более всего возмущен попранием ваших прав. Зачем же во время выборов мы ищем вашей благосклонности, зачем обращаемся к вам с просьбой, как можете вы быть господами в народном собрании, на выборах, господами консульства, если вы не сумеете настоять на том, что даете вы, если не вы будете отнимать власть, когда вам это покажется нужным?»

Сказав это для возбуждения собрания и присоединив к этому немало жалких слов о самом себе, он разорвал на себе одежду и, соскочив с трибуны, бросился среди них на землю и долгое время лежал, пока солдаты, разжалобившись, не подняли его, не посадили опять на курульное кресло, не подняли с земли его отцов, прося его, как консула, ободриться и вести их на то, что ему покажется нужным. К солдатам присоединились и офицеры, и принесли Цинне военную присягу; каждый из офицеров привел к присяге и свою часть.

Видя, что здесь его положение прочно, Цинна бросился в города союзников, агитируя в них и указывая на то, что, защищая,

главным образом, их интересы, он накликал на себя такую беду. Союзные города один за другим стали давать ему и деньги, и войско. Стали стекаться к нему и из Рима многие видные деятели, которым не по душе был государственный порядок.

Пока Цинна занят был всем этим, Октавий и Мерула, консулы, укрепляли город рвами, приводили в порядок стены, ставили на них машины и посылали послов к войскам и к городам, им еще послушным. Направили они послов и в ближайшую Галлию, а также к Гнею Помпею, проконсулу, командовавшему войсками около Ионийского моря, призывая его поспешить на помощь отечеству. Он явился и расположился лагерем у Коллинских ворот. Явился и Цинна и разбил свой лагерь рядом с ним.

Узнав о происшедшем, Гай Марий прибыл морем в Этрурию вместе с теми, кто был изгнан с ним, и их рабами, стянувшимися к ним из Рима; всех их было около 500 человек. В грязной одежде, обросший, объезжал Марий города; вид его был жалок. Возвеличивая свои победы, свои кимврские трофеи и свои шесть консульств, обещая этрускам равноправие в голосовании, которого они так хотели, он казался им надежным и собрал среди них около шести тысяч солдат. С ними он присоединился к Цинне. Цинна охотно принял его по общности их интересов.

Соединившись, они стали лагерем на Тибре, разделив свои силы на три части: Цинна и с ним Карбон расположились против города, Серторий - над городом, на высотах, Марий - у моря; реку они перегородили, чтобы не пропускать в город хлеба. Марий взял и разграбил Остию, Цинна посланным отрядом захватил Аримин, чтобы не пропускать в город войска из провинции Галлии. Консулы в большом страхе, нуждаясь в войске, не могли вызвать Суллу, уже переправившегося в Азию; они послали приказ Цецилию Метеллу, заканчивавшему союзническую войну в Самнии, как можно приличнее столкнуться с самнитами и помочь осажденному отечеству. Метелл, однако, на условия самнитов пойти не мог, Марий же, узнав об этом, согласился на все поставленные самнитами Метеллу условия и вошел с ними в соглашение. Таким путем самниты сделались союзниками Мария.

В то же время Марию удалось убедить трибуна Аппия Клавдия, охранявшего римскую стену на холме, называемом Янику-

лом, когда-то облагодетельствованного Марием, в память этого благодеяния открыть ему восточные ворота и впустить его в город. Войдя в город, Марий пустил туда и Цинну. Но они были тотчас же выгнаны из города Октавием и Помпеем. Между тем в лагерь Помпея упало много молний, которыми убито было немало знатных и сам Помпей.

Марий, задержав подвоз хлеба с моря и сверху по реке, делал в то же время попытки захватить близкие к Риму города, где у римлян собраны были запасы хлеба. Открытым нападением он взял Антий, Арицию, Ланувий и другие города, причем дело не обошлось без предательств некоторых гарнизонов. Захватив все запасы хлеба на суше, он неожиданно смело двинулся на Рим по Аппиевой дороге, прежде чем успеют подвезти хлеб Риму из других каких-либо мест. Цинна и преторы - Карбон и Серторий встали лагерем в ста стадиях от города; против них у Албанской горы встали Октавий, Красс и Метелл, ожидая событий, хотя и считая себя более сильными и по духу, и по числу войска, но не отваживаясь одной битвой решить судьбу всего отечества.

Когда же Цинна, разослав по городу глашатаев, обещал перебежавшим к нему рабам свободу, немедленно стали перебегать к нему целые толпы. Переменилось настроение и в сенате, смущенном всем случившимся и ожидавшем немало страшного от народа, если задержится доставка хлеба. К Цинне посланы были послы для мирного улажения дела.

Он же спросил посольство, явились ли они к нему как к консулу или как к частному человеку. Не зная, что ответить, послы вернулись в город. После этого массами стали перебегать к Цинне и свободные, частью боясь голода, частью по давней симпатии к его программе, которую они до того не решались проявить, выжидая решительного поворота событий.

Цинна стал теперь уже совершенно безбоязненно приближаться к стенам и остановился лагерем на расстоянии выстрела от них; Октавий же и его сторонники все еще не решались напасть на него, боясь и труся под впечатлением перебежничества и посольств. Сенат находился в большой нерешительности. Он считал непозволительным лишать консульства Луция Мерулу, фламينا Юпитера, выбранного вместо Цинны, без всякой его ви-

ны; тем не менее, под влиянием страшнейшей беды, он вынужден был, против своего желания, вторично послать посольство к Цинне, на этот раз как к консулу.

Не ожидая ничего хорошего, послы просили одного: чтобы Цинна поклялся, что не будет резни. Дать клятву Цинна отказался, но обещал, что и так, по доброй воле, он не будет виновником ничьего убийства. Октавию же, переменившему позиции и вошедшему через другие ворота в город, он приказал уйти из города, иначе он не ручается, что с ним чего-нибудь не случится и против его, Цинны, желания. Ответ свой послам Цинна дал уже сверху, с высокой трибуны, как консул. Марий же, стоя у его кресла, молчал, но грозным выражением лица давал понять, какую он учинит бойню. Сенат принял условия и просил Цинну и Мария войти в город (он чувствовал, что все это дело Мария, под которым Цинна только подписывается); Марий с улыбкой и иронией ответил, что изгнанникам нет входа в город. Немедленно же трибуны предложили народу отменить изгнание Мария и всех изгнанных в консульство Суллы».

Не успел, таким образом, Рим несколько опомниться от неожиданного и катастрофического захвата власти Суллой, как перед ним встал новый кошмарный призрак возвращения к власти целой группы оскорбленных и глубоко раздраженных людей, чудом, как, например, Марий, избежавших насильственной смерти. Люди эти опирались на крупную реальную силу, на массу вооруженных италийцев, которой сенату противопоставить было нечего.

Последствия были очевидны: начались массовые преследования и избиения, конфискация имущества и т. п., и в связи с этим море гнусности и предательства. Предоставляю опять слово Аппиану, который и здесь лучше других источников характеризует облик города Рима и Италии в данный момент.

Экзекуция началась со сплошного грабежа имущества инакомыслящих занявшими Рим войсками. За этим последовало гнусное и предательское убийство, под видом самосуда, консула Гая Октавия, которому Цинна и Марий клятвенно гарантировали неприкосновенность. Голова его выставлена была на форуме перед рострами. Убийство Октавия было сигналом. «Немедленно во все стороны бросились сыщики для розысков и истребления сенаторов

и так называемых «всадников». Всадников истребляли без счету, головы же сенаторов выставлялись перед рострами. Во всем происходившем не было ни страха перед богами, ни мысли о человеческом возмущении, ни боязни перед ненавистью. После жестоких дел они наслаждались несправедливыми зрелищами; беспощадно убивая, отрезали головы уже умерших и выставляли результаты своего преступления на страх и устрашение и на преступное зрелище».

Типичен эпизод, передаваемый Аппианом и другими, о гибели Марка Антония, величайшего из ораторов того времени, человека, которым вправе гордиться был Рим: «Оратора Марка Антония, убежавшего в одну из своих ферм, спрятал его арендатор. Желая угостить его, он послал раба в харчевню купить вина сортом получше обыкновенного. На вопрос лавочника, почему он спрашивает вина получше, раб по секрету сообщил причину и вернулся с вином, лавочник же немедленно побежал с доносом к Марию. Марий, услышав его сообщение, с радости бросился было сам на совершение дела. Его удержали, однако, друзья, и послан был трибун с солдатами. В дом вошли солдаты. Их Антоний, мастер слова, долго чаровал длинными разговорами, печалась о своей судьбе и говоря попутно о многих и разнообразных вещах. Трибун, не понимая, что там происходит, вбежал в комнату, нашел там солдат, слушающих Антония, и убил Антония во время речи, голову же его послал Марию».

Во время сплошной резни начались жестокие погромы толпами рабов, получивших от Цинны свободу. Их пришлось истребить целиком при помощи галльского отряда. Я остановился так подробно на событиях этого кровавого года, так как они были прецедентом и типом. Поздние такие же кровавые бани повторяются неоднократно, принимая все более и более грандиозные размеры.

В Италии власть, таким образом, прочно держали в своих руках так называемые демократы. На 86 год избраны были консулами Марий и Цинна. В первый же месяц своего консульства Марий умер, на его место вступил Валерий Флакк.

Между тем на Востоке Сулле удалось рядом решительных и планомерных действий сломить мощь Митридата в Греции и обезвредить посланного на Восток для борьбы с Митридатом и Суллой Валерия Флакка, войско которого перешло в руки его

квестора Фимбрии, занявшего по отношению к Сулле выжидательное положение. События в Риме заставили Суллу прервать борьбу с Митридатом, удовольствовавшись его отказом от захвата римских провинций и серьезной контрибуцией. Мир с Митридатом решил и судьбу сенатской армии Фимбрии, предавшей своего вождя и перешедшей на сторону Суллы.

Цель Суллы на Востоке была достигнута. Митридат был ослаблен и мог некоторое время не учитываться как действительная сила. В руках Суллы было боеспособное, преданное ему войско и огромные средства на его содержание. Обеспечено было Сулле и дальнейшее содействие его войска: обещанные им войску в Италии наделы должны были быть завоеваны, вырваны из рук римского правительства и италиков. Суллово войско знало это так же хорошо, как и сам Сулла. Наконец, победой над Митридатом Сулла обеспечил себе питающий тыл в предстоящей борьбе на почве Италии: деньги, провиант и оружие могли получаться отсюда беспрепятственно.

Захват Митридатом власти на Востоке и война его с Суллой дорого стоили эллинству. Колоссальные суммы уплачены были Митридату, еще большего потребовал Сулла, и пришлось платить. Ряд цветущих городов был разрушен, гордость Эллады - Афины - обездолены на много лет. Эллы унижены и доведены до отчаяния постоями и содержанием размещенных по частным домам городов Малой Азии солдат. Это, однако, был далеко не последний удар, который пришлось перенести эллинству в эту мрачную и кровавую эпоху.

Сулла готовился к возвращению в Италию. Готовилась к нему и демократия. Уладить дело миром было невозможно; все попытки сената, предвидевшего новую бойню, были обречены на неудачу и кончились плачевно.

Силы противников были значительны. За плечами демократов стояли италики, для которых возвращение Суллы обозначало жестокие конфискации и экзекуции (вопрос о праве гражданства и включении в трибы отошел на второй план), на стороне Суллы - огромное большинство гражданского пролетарского войска, жаждавшего приобщиться к восточной добыче и принять участие в земельном переделе на счет новых граждан.

Вооруженное столкновение началось в 85 году. Цинна и Карбон, консулы этого года, пытались перебросить войско в Иллирик и перенести войну на Восток, задержав там Суллу. Попытка не удалась. Войска демократов оказались ненадежны, и при попытке урезонить одно из них погиб Цинна от самосуда солдат.

Но настоящая война разыгралась только в 83 году, когда Сулла высадился в Италии, и продолжалась в течение всего 82 года. Повторились все ужасы Италийской войны, продолжением которой, в сущности, была эта новая гражданская война. Вся Италия была захвачена ею, но особенно пострадали и на этот раз самые богатые и культурные области Италии: сначала Апулия и Самний, а затем, в особенно сильной мере, Кампания, Лаций и Этрурия, где два года подряд царили смерть и разрушение.

Война закончилась полным крушением демократической партии и жестоким уничтожением всех сил Самния и Этрурии. Демократы не сумели ни организовать войско, ни создать цельного плана кампании, ни объединить и координировать свои действия. Главное же было то, что в войске демократов не было единства. Италики твердо стояли за демократов, но гражданское пролетарское войско отнюдь не склонно было сражаться против сограждан и тем содействовать уравниванию с собой италиков во всех гражданских правах, включая и право на обеспечение наделами.

Одно за другим поэтому гибли или переходили к Сулле войска демократов. Война закончилась необычайно кровопролитными и жестокими схватками в Лации, где в Пренесте и под стенами Рима легли костями десятки тысяч лучших сынов Италии. Жестокая расправа со всем населением старого латинского союзника Рима Пренесте и со взятыми в плен самнитами закончила эту кровавую эпопею.

Для характеристики той хладнокровной жестокости, с которой Сулла уничтожал своих италийских противников, напомним известный, несомненно подлинный рассказ о заседании сената 3 ноября 82 года (передан нам Сенекой, *de clem.* I, 12). Заседание происходило вне Рима на Марсовом поле в храме Беллоны. Поблизости, в так называемой *villa publica*¹ заперто было более 8 000 (чи-

¹ Народная усадьба (лат.).

сло не установлено) пленных самнитов, которым Суллой обещана была жизнь. Во время речи Суллы до сената начали доноситься стоны и крики избиваемых солдатами Суллы самнитов. Среди сенаторов возникли движение и смущение. Сулла, не прерывая речи, хладнокровно заметил: «*hoc agamus, p. c, seditiosi pauculi meo iussu occiduntur*» («будем продолжать, сенаторы, там, по моему приказанию, избивают незначительное количество мятежников»).

После окончательной победы на поле сражения перешли к кровавой расправе внутри Рима. Избиение началось по рецепту Мария и Цинны, то есть избивали направо и налево всех, кто так или иначе принимал участие в войне или находился в сношениях с врагами Суллы. Эта бойня привела в ужас даже сторонников Суллы, и, по их настояниям, избиению был придан законообразный характер. Сулле мир обязан гнуснейшей из всех систем организованного убийства - системой проскрипций. Без суда и следствия, без указания мотивов опубликовывались один за другим списки объявленных вне закона политических противников Суллы, приговоренных к смерти. За их убийство или указание места их пребывания объявлены были высокие денежные награды рабам и свободным. Система политического террора доведена была, таким образом, Суллой до апогея цинизма и жестокости. Неудивительно, что в дальнейшем развитии человечества он нашел себе немало подражателей.

Волна убийств, конфискаций, грабежа, предательства, гнусности (отцы предавали детей, дети отцов, мужья жен, братья братьев) прокатилась по всей Италии. И здесь лучшую, краткую и сильную характеристику того, что делалось специально в Италии, дает Аппиан.

«Многочисленны были и убийства, изгнания, конфискации по отношению к италийцам, ко всем тем, кто исполнял веления Карбона или Мария, или их подчиненным. По всей Италии шли суды, предъявлялись тяжкие и разнообразные обвинения: и в исполнении обязанностей военачальника, и в участии в рядах войск в качестве солдата, и во внесении денег, и в оказании какой бы то ни было услуги, даже вообще во враждебных замыслах против Суллы. Поводом для обвинения были и гостеприимство, и дружба, и денежные отношения, оказанный или полученный кредит.

Хватали и просто за доброе отношение к кому-нибудь или за случайное спутничество в путешествии. Все это применялось, главным образом, по отношению к богатым. Когда иссякла эта серия обвинений против отдельных лиц, начались экзекуции городов: в одних были скрыты акрополи, в других уничтожены стены, наложены были общие наказания на весь город в целом, доводили их до полного истощения тягчайшими взносами. В большинство вселены были бывшие солдаты Суллы: на них он смотрел как на свои гарнизоны против Италии; поселенным розданы были земли жителей и их дома».

Во всех этих актах Суллой руководили, конечно, не только жестокость и стремление упрочить свое личное положение и власть. Суллова война была завершением Италийской; его экзекуции казались ему необходимыми для полной латинизации и объединения Италии. Был ли это единственный и наиболее рациональный путь к цели, конечно, в высокой степени сомнительно.

Террор в Риме имел, с другой стороны, целью реформирование государственного строя, казавшееся Сулле необходимым и проведенное им с полной последовательностью и определенностью. Здесь не место входить в детальный разбор реформаторской деятельности Суллы. Неясным, конечно, останется прежде всего вопрос, добивался ли Сулла власти для проведения своей реформы или проводил реформы для укрепления своей власти. Такие вопросы индивидуальной психологии, как они ни важны, по моему мнению, научно и методологически неразрешимы.

Важнее то, что реформы Суллы в значительной своей части, несомненно, подготовили строй будущего принципата. Как диктатура Суллы, диктатура учредительного характера - *reipublicae constituendae*¹ - была прототипом и для диктатуры Цезаря, и для триумvirата Антония, Октавиана и Лепида, так и его конституционно-административные реформы легли в основу строения принципата. Основное в этих реформах - решительное отрицание лозунга «вся власть народному собранию». Меры, принятые для этого, - сведение почти на нет народного трибуната и подчинение законодательной власти народа сенату - были завершены прин-

¹ Конституционная республика (лат.).

ципатом. Не удержалась, конечно, передача почти всей полноты власти сенату. Но, как увидим ниже, положение и государственная авторитетность сената реформами Суллы были укреплены и упрочены. Еще важнее то, что сделано было Суллой для упорядочения управления римской державой. Его принцип - вынесение военной власти и войска всецело в провинции и объявление всей Италии гражданской территорией, где нет места в обычное время военной власти, в несколько измененном виде удержался.

Не продуманным до конца остался только вопрос об отношениях между высшей военной властью, неизбежность которой предуказана была ходом событий, и сенатом. Сулла считал мыслимым сенатский режим как таковой, и, подчеркивая эту мыслимость, сложил с себя в 79 году неограниченные учредительные полномочия. Неясно, однако, как он мыслил себе дальше существование созданного им режима и свое личное, как охранителя этого режима. Вряд ли можно думать, что он верил в возможность длительного существования этого режима без всякого воздействия со своей стороны, то есть в длительность своего участия в политической жизни в качестве рядового гражданина.

Смерть, застигшая Суллу уже в 78 году, разрешила этот вопрос для него лично. Но уже немедленно после его смерти вопрос этот вновь был поставлен со всею остротой и сделался тем основным вопросом государственной жизни, около которого сосредоточился весь дальнейший ход событий и дальнейшее развитие гражданской войны.

Помпей и Цезарь

Как ни ужасно было все то, что перенесла Италия за первое десятилетие гражданской войны, все же эта война скорее разожгла, чем успокоила, огромное количество боеспособных и не желавших примириться с создавшимся положением вещей элементов. Проскрипции Суллы касались не только самих павших, но и их семей: лишение прав распространено было и на потомство проскрибированных. Вся эта масса обездоленных, ко-

нечно, ждала только случая, чтобы вернуть себе потерянное. Пример Суллы и его противников показывал, что для этого нужна была только энергия и решительность, умение воспользоваться недовольством масс и использовать подходящий случай для привлечения на свою сторону значительного количества решительных и вооруженных людей.

А недовольных и обездоленных в Италии, даже вне правящих классов, было немало. Земельная политика Суллы выбросила за борт жизни тысячи людей, повторные призывы рабов под знамена революции, открывшаяся для них возможность при переворотах, путем предательства, добиться свободы и материального обеспечения внесли сильнейшее брожение в огромные массы рабского населения Италии. Конфискации крупных имений знати, сопровождаемые анархией внутри каждого большого имения, давали возможность рабам бежать и так или иначе вести существование свободных людей в рядах римского и итальянского пролетариата. Велико было, наконец, и число таких, которые когда-то стояли в рядах войск вождей демократии и унесли с собой к своим очагам ненависть к победителям и жажду мести.

Естественно поэтому, что войску демократа Сертория, уведенному им после поражения демократов в Испанию, обеспечен был постоянный приток свежих сил. Понятно, что Италия наполнилась бродячими толпами бандитов, что немалая часть обездоленных пополнила ряды пиратов, все более и более захватывавших в свои руки власть над морями. Ясно, наконец, что всякий новый призыв к гражданской войне должен был, если не сейчас, то через некоторый промежуток времени найти себе отклик в массах.

Прежде всего немедленно после смерти Суллы демократическая партия не могла не попытаться вернуть себе потерянное и испытать прочность сулловой конституции. Попытка эта была сделана Лепидом и доведена была им до гражданской войны. Эта краткая и не очень упорная борьба поучительна прежде всего тем, что благодаря ей выяснилось одно вытекавшее из соотношения сил основное положение. Сенат как таковой и теперь, как и в последующие моменты борьбы, оказался бессильным и небоеспособным. В единении с вождем, пользовавшимся доверием войска, он был, однако, колоссальной и необычайно упругой и

стойкой силой. С Лепидом при поддержке сулланских вождей Квинта Лутация Катула и Гнея Помпея Младшего он справился почти шутя.

Ближайшие после смерти Суллы годы, и помимо попытки Лепида, полны были для Италии и для всего римского мира тревоги и тягчайших потрясений. Намечу важнейшие, не вдаваясь в подробности.

В Испании война с Серторием принимала все более и более грозный облик. Помимо того, что войско Сертория было прибежищем для всех недовольных и обездоленных в Италии, Серторий сумел сделаться центром, около которого объединились многие племена Испании, недовольные римским режимом. В связи с ним вошли и те силы в римской державе, которые частью уже выступили, частью в каждый данный момент готовы были выступить против Рима. Прежде всего все крепшая организация морских пиратов, прочно осевшая в Малой Азии, на берегах Киликии и на Крите, затем вновь возрастающая мощь Митридата, грозившая превратиться в коалицию иранских и полуиранских государств против Рима. За плечами Митридата вырисовывается одновременно облик новых врагов Рима на Востоке, более серьезных и упорных: армян с одной стороны, парфян - с другой.

Наконец, в самой Италии Риму пришлось выдержать упорную и позорную борьбу с восставшими рабами, борьбу, нанесшую сельскохозяйственной жизни Италии, главным образом Южной и Средней, ряд тяжелых ударов. Война эта вновь подвергла разорению и без того уже разоренные Кампанию, Луканию, Самний, Апулию и Пицен, она лишила римское хозяйство многих десятков тысяч рабочих рук, которых нечем было заменить, и лишний раз подчеркнула, что обычная структура римского командования давно пережила себя. Как в Испании с Серторием удалось справиться только путем посылки туда Помпея с экстраординарными полномочиями, так и с рабской войной, войной фракийца Спартака, совладал один из сподвижников Суллы, облеченный экстраординарными полномочиями, - Марк Лициний Красс.

Из всех более или менее трудных положений Рим, таким образом, не находил иного выхода, как повторное призвание к жизни экстраординарных магистратур с широкими военными полно-

мочиями, которые вручались людям, имевшим связи и пользовавшимся влиянием среди солдат пролетарского войска.

В качестве носителей этих полномочий в первую голову выдвигаются на авансцену политической жизни те ближайшие помощники и сотрудники Суллы, которым он обязан был в значительной степени своей победой над демократами, главным образом, Помпей, рядом с ним Красс, Лукулл, Метелл, на втором плане Луций Сергий Катилина и многие другие. На первое место среди них быстро встал Гней Помпей, выделившийся уже при Сулле, которому он помог в самый критический момент, получивши от него ряд ответственных и серьезных поручений и ряд совершенно необычных отличий, добытых им чисто революционным путем.

Молодым человеком, не начавшим еще своей политической карьеры, он встал во главе войска, собранного им из солдат своих родичей и из многочисленных зависимых от рода Помпеев землевладельцев и арендаторов Пицена. В самом начале своей успешной военной деятельности он получил от Суллы высшее военное отличие - приветствован был им высоким именем императора. После успехов в Сицилии и Африке, где он уничтожил остатки войска демократов, во главе которых стоял бежавший из Италии Карбон, по почину Суллы присоединил он к своему имени прозвище «Великий» - «Magnus» и вынудил, несмотря на нежелание Суллы, разрешение на празднование триумфа над Африкой - «ex Africa», несмотря на то, что победил он в Африке своих же сограждан. Наконец, после смерти Суллы, все еще не имея никакого законного права командования (*imperium*¹), которое могли иметь только магистраты или бывшие магистраты, он получил ответственное командование в Испании (против Сертория) и отпраздновал второй триумф, опять-таки незаконный, над Испанией - «ex Hispania».

Все эти успехи создали Помпею необычайный ореол и дали ему готовые кадры бойцов, охотно откликавшихся на его призыв. Опираясь на них, он получил, минуя всю серию магистратур, консульство на 70 год, после чего при их же поддержке, естественно, сделался вершителем судеб Рима. Неоднократно становился он, в силу приобретенного положения, перед вышенамеченным вопро-

¹ Управление (лат.).

сом о согласовании высшего военного командования с властью сената и римской конституцией вообще. В этом вопросе он занял довольно определенное, но по необходимости двойственное положение. Он не примкнул определенно ни к одной из борющихся партий, стремясь использовать для своих целей и ту, и другую, и, делая уступки обеим, пытался все время идти скользким путем компромисса, комбинируя несоединимое и создавая призрачную возможность мирного сожительства единоличной военной власти, деятельного участия в государственной жизни трибунов и народного собрания, и руководящей роли сената. Результатом этой политики не могла не быть непрерывная борьба, постоянно возобновлявшаяся анархия и бесконечные осложнения.

Рим жил в состоянии постоянной политической лихорадки, никто не был уверен в завтрашнем дне и в воздухе все время носился призрак повторения сулловой диктатуры и всех связанных с воспоминаниями о ней ужасов.

Особенно тревожна была вторая половина шестидесятых годов, когда на Рим надвинулся новый ряд осложнений в области внешней и внутренней политики.

Не успел еще Рим опомниться от ужасов рабской войны, как перед ним выросли новые жестокие перспективы. Необычайно обострился продовольственный вопрос, так как подвоз хлеба постоянно прерывался господствовавшими на море пиратами. Еще более осложнился он тем, что на этой почве политические честолюбцы и коммерческие спекулянты разыгрывали причудливые симфонии, то задерживая, то выпуская на рынок запасы хлеба. Все более грозным становился вопрос аграрный: появлялись все новые и новые аспиранты на земельные наделы, шла бешеная спекуляция на земли, все увеличивавшая и увеличивавшая кадры безземельного пролетариата, готового служить кому угодно и для чего угодно. Наконец, на Востоке снова началась, на этот раз решительная, борьба с Митридатом под руководством Лукулла; всякое промедление здесь могло вызвать повторение событий 88 года.

Естественно, что в этой обстановке открывалось широкое поле деятельности для политических честолюбцев и карьеристов, более последовательных и более беззастенчивых, чем Помпей и люди его типа. Кадры их сторонников были готовы, налицо была

и программа - старая программа демократической хартии. Не хватало только вождя, так как Сулла основательно почистил ряды демократов, устранив из них все талантливое и выдающееся. Случайно сохранил жизнь, однако, один из самых талантливых, которого Сулла, несмотря на его молодость, считал чрезвычайно опасным для дальнейшей судьбы своей конституции - Гай Юлий Цезарь. В шестидесятых годах он постепенно стал выдвигаться на первый план политической жизни, принимая все более деятельное участие в ежедневной политической сутолоке форума и приобретая себе все большую популярность.

В конце шестидесятых годов обстановка сложилась особенно благоприятно для возобновления решительных действий со стороны демократов. Крупные уступки им сделаны были Помпеем уже в 71 году, когда он добивался консульства вместе с Крассом. Теперь наступил еще более благоприятный момент. Для борьбы с пиратами, а затем для окончательной ликвидации Митридата, уже сильно потрепанного Лукуллом, пришлось прибегнуть к обычному средству - создать экстраординарное командование. Около этого командования возгорелась жестокая политическая борьба. Носитель этого командования был предрекан - это был, конечно, Помпей. Но Помпею необходимо было не только получить командование: он добивался того, чтобы оно было действительно экстраординарным, то есть давало бы в его руки, по возможности, неограниченные полномочия. Идти так далеко сенату не было никакого основания, и Помпею пришлось широко пойти навстречу демократам и получить власть из рук народного собрания (67 г.).

Во время его отсутствия открывалось, по всем вышеуказанным причинам, широчайшее поле деятельности для Цезаря и его сторонников. Им надо было встретить Помпея по его возвращении во всеоружии. На этом фоне и развернулась сложная и запутанная история так называемого восстания Катилины, в первых этапах которого ясно видна рука ловкого политика, ткавшего ткань необычайно сложной политической интриги. Для нас этот эпизод - *cause célèbre*¹ тогдашнего Рима - интересен как показатель того, что и в это по внешности спокойное время, не отмечен-

¹ Громкое дело (фр.).

ное ни гражданской войной, ни массовыми политическими убийствами, должны были переживать и римское общество, и все население Италии.

Нити всей политической интриги того времени находились, несомненно, в руках Красса и Цезаря. Во что бы то ни стало им нужно было до возвращения Помпея упрочить свое положение в Риме, создать себе сильные кадры сторонников и, если возможно, получить в свои руки или в руки верных им людей надежную провинцию и сильное войско. Для этого необходимо было, прежде всего, чтобы высшие магистратуры оказались в руках преданных им людей. Так как положение было трудное, власть сената прочна и отношение Помпея к имеющему произойти далеко не несомненно, во всяком случае, вряд ли сочувственное, то оба лидера предпочитали держаться в тени и действовать через подставных лиц.

Несомненно, однако, что для своих целей Красс и Цезарь использовали ряд людей сомнительного прошлого и темного настоящего, политических спекулянтов, преследовавших исключительно личные цели. Все они принадлежали к высшей аристократии, к лучшим семьям Рима, что делало их особенно опасными.

Среди них выделялся Луций Сергий Каталина, сулланец, человек, запятнанный рядом преступлений в прошлом, судившийся в 65 году за хищения в Африке, опутанный долгами и жаждавший власти для поправления своих дел и хотя бы официального восстановления своей репутации. Он был центром целой группы людей того же сорта.

Повторные попытки Красса и Цезаря провести своих людей в консулы 65-го и следующих годов и через них получить в свои руки правление и войско кончились неудачей. В сенате и во всадничестве нашлась группа людей, сумевшая противодействовать замыслам Красса и Цезаря. Среди них видную роль играл Марк Туллий Цицерон, одно из лучших созданий революционной эпохи, творец латинской художественной прозы, величайший культурный деятель Рима. В политике он руководствовался всегда одной основной целью – благом Рима. Непоследовательность, иногда даже трусость, стремление оберечь свои личные интересы, в которых его упрекали его современники и ученые нашего времени, не могут скрыть от нас подлинного лица этого истинного патрио-

та, главный недостаток которого состоял в том, что он был типичным интеллигентом, настоящим представителем античной гуманности (*humanitas*), то есть не был ни фанатиком, как Катон, ни политическим проходимцем, как многие его современники, ни государственным человеком, прежде всего знавшим чего он хочет и твердо шедшим к своей цели невзирая ни на что, как Цезарь.

Неудачи 66, 65 и, наконец, 64 года, когда консулом на 63 год избран был опять-таки не Катилина, а Цицерон, причем коллегой его сделался Антоний, готовый служить кому угодно, заставили Красса и Цезаря выступить уже в этом году с полным арсеналом своих мероприятий, не дожидаясь, когда у власти окажется их сторонник. Возвращение Помпея предстояло в ближайшем будущем, и медлить было нельзя. Опубликованием своих предложений они надеялись, даже в случае их провала, создать себе сильные кадры сторонников. Одновременно они пытались провести Катилину в консулы хотя бы 62 года.

Предложения, инспирированные Цезарем, но проводимые трибунами, шли по обычному пути демократических демагогов. Центром их были, конечно, закон об уничтожении долговых обязательств и широко задуманный аграрный закон. Основной особенностью нового аграрного закона (очень широкого диапазона) было то, что вся власть для осуществления проекта должна была принадлежать комиссии десяти с почти неограниченными полномочиями. Эта комиссия должна была определить, что является государственной собственностью, продавать земли по своему усмотрению и решать дела в последней инстанции на основании широчайших исполнительных полномочий. Создавалась, таким образом, диктатура десяти в противовес грозившей диктатуре Помпея, не входившего в состав коллегии.

Несочувствие италийского населения и сулловых ветеранов погубило проект. Цицерону (не без труда) удалось при дружной поддержке сената провалить его. Провалилась и кандидатура Катилина. Но цель Цезаря до известной степени была достигнута. Факел был брошен, лозунги борьбы даны, вожди указаны. Выступление против них Помпея было несомненно, и материал для оппозиции против него готов. Рассчитывал, вероятно, Цезарь и на то, что Катилина, для которого возвращение Помпея с вой-

ском было концом всех его надежд (на роспуск войска Помпеем по возвращении никто серьезно не надеялся), не сдастся и постарается путем переворота добиться своего. Каков бы ни был исход этого переворота, он был на руку Цезарю.

Цезарь не ошибся. Каталина готов был пойти на крайние меры. Немедленно после провала он нажал на все пружины. В Этрурии, в Фезулах его агент Гай Манлий уже давно вооружал сулло-вых ветеранов, успевших прожить свои наделы и искавших новых возможностей, боявшихся, вместе с тем, в ветеранах Помпея найти себе серьезных конкурентов. К ним он присоединил всех недовольных и обездоленных, которых немало было в Италии.

Действия в Этрурии должны были быть скомбинированы с выступлением самого Каталины и его сторонников в Риме. Они должны были убить консулов, зажечь Рим в нескольких местах, погромом и грабежом запугать население и захватить власть вооруженной силой.

Борьба с заговорщиками была чрезвычайно трудна. Организованной воинской силы в Италии не было, обычные полномочия консулов были ничтожны, доказательства существования казавшегося фантастическим плана собрать было чрезвычайно трудно, ждать же его осуществления было невозможно: подавить заговорщиков *post factum*¹ было бы некогда и нечем.

Заговорщиков погубили их собственное легкомыслие, самоуверенность и болтливость, а также энергия и предусмотрительность Цицерона. Первым успехом Цицерона было то, что, опираясь на полученные им сведения, он сумел вынудить Катилину к полупризнанию и заставить его открыто присоединиться к повстанцам в Этрурии. Ему удалось затем предотвратить покушение на него, Цицерона, жизнь и добыть, опираясь на полученные от сената экстраординарные полномочия, убедительные, хотя и не несомненные, доказательства существования заговора в Риме и после отъезда Каталины.

На основании этих доказательств сенат, не имея формально на то права, уполномочил консула покончить с заговорщиками до суда и без суда, чем, конечно, дал в будущем сильнейшее ору-

¹ Постфактум, после свершившегося (лат.).

Карта Римской империи времен Цезаря

жие в руки тех, кто пожелал бы использовать этот печальный факт для борьбы с сенатом и одним из сильнейших и талантливейших защитников Помпея и его политики - Цицероном. Для понимания настроения, царившего в Риме в эту печальную осень, надо принять во внимание, что все этапы этого дела проходили при почти полной гласности. Дело это дебатировалось неоднократно, и в сенате, и на форуме. В промежутках же между этими дебатами Рим полон был тревожными и зловещими слухами.

После уничтожения заговорщиков в Риме и мер, принятых Цицероном в Италии, разбить плохо организованную силу Гая Манлия и Катилины в Италии особого труда не представляло. В завязавшейся краткой вооруженной борьбе Катилина погиб.

В этой тяжелой атмосфере, насыщенной заговорами, политической интригой и все новыми и новыми осложнениями, предстояло Помпею, по возвращении в Италию, проводить свою политику компромисса и легальной диктатуры. Условия для этого были теперь куда сложнее, чем до отправления Помпея на Восток. Демократическая партия организовалась и стояла во всеоружии, ожидая противника. Появились у нее и признанные вожди, сумевшие обеспечить себе за это время популярность и широкие связи. Красс, с его почтенным военным прошлым и колоссальным богатством, и Цезарь, открыто показавший свое политическое лицо и демонстративно указавший на свои связи с Марием и его программой, были такими противниками, каких у Помпея до его восточной экспедиции не было.

Конечно, Помпею открыт был путь Суллы: откровенная военная диктатура, для осуществления которой у него были и колоссальные материальные средства, и преданное ему войско, ждавшее от него наделов и только что получившее от него колоссальные суммы. Но идти по этому пути шло вразрез с политическим идеалом Помпея, все еще уверенного в том, что ему удастся объединить всех около себя и создать то, что впоследствии, в измененном виде, и при измененной обстановке, удалось осуществить Августу: добровольно признанную власть одного на фоне сохраненной во всех основах римской конституции, без перехода всецело на сторону одной из борющихся партий. Коренная ошибка Помпея, не повторенная Августом, заключалась, однако, в од-

ном: он мечтал укрепить свой принципат на своей личности и заслугах, не опираясь на вооруженную силу. Это было, конечно, невымыслимо, особенно теперь, когда на его пути стоял такой гениальный противник, как Цезарь, и когда Италия, хотя и пережившая немало ужасов, все-таки несколько отдохнула.

Переоценил Помпей и свое личное обаяние. Прошрое его слишком тесно связано было с именем Суллы, настоящее же не давало ему никаких прав на общее признание: не было того ореола носителя мира для измученного, разоренного и павшего духом мира, которым облекла победа над Антонием героя последнего акта великой мировой трагедии Августа.

После шестилетнего отсутствия Помпей вновь появился в Италии в декабре 62 года. По прибытии в Италию, к удивлению всех и к радости многих, он распустил свое войско, связав себя по отношению к нему рядом обещаний. Связан он был и всем тем, что он сделал на Востоке и что должно было быть утверждено в Риме.

В Риме его ждали сложные и запутанные отношения. Сенат относился к нему холодно и враждебно. Помпей слишком далеко пошел в уступках демократам и слишком многих обидел из тех, кто был более близок сенату, чем он. Перспектива получить нового Суллу, сверх всего, не улыбалась даже сенату.

Еще менее своим был он, старый сулланец, для бывших марианцев; они не забыли гибели многих и многих своих близких. Но лидеры их готовы были на соглашательство. У них не было ни войска, ни ветеранов: за Помпеем стояли ветераны Суллы, не ждавшие ничего доброго от марианцев, авторов недавнего земельного закона. В руках его были и только что распущенные им его собственные солдаты, ждавшие от него всего и мало надеявшиеся на кого-либо другого. Но поддерживать Помпея даром не входило в расчеты ни Цезаря, ни Красса, ни остальных марианцев. До, ut des¹ - таков был их принцип. От ловкости обеих договаривающихся сторон зависело теперь, как каждая из них использует уступки другой и кто, в конце концов, окажется сильнейшим.

На этом фоне и разыграна была смутная и тревожная политическая симфония, свидетелем которой был Рим в последующее

¹ Даю, чтобы и ты мне дал (лат.)

не менее тревожное, чем только что истекшее, десятилетие. Победителем в этой сложной политической игре оказался, в конце концов, Цезарь, сумевший за это время создать себе и сильное войско, и колоссальное обаяние в массах, подготовленные им уже за шесть лет отсутствия Помпея.

Не буду вдаваться в подробности и отмечу только главное и основное. Главную задачу Цезаря было, с одной стороны, расширить, по мере возможности, ту пропасть, которая разделяла Помпея и сенат, с другой - уничтожить ту могущественную коалицию, которая разрушила его планы в прошлом и не дала ему встретить Помпея во всеоружии, коалицию между всадниками - капиталистами и дельцами - и сенатом, носителем и залогом которой был Цицерон, отец отечества, избавитель Рима от гибели. Наряду с этим, однако, Цезарю важно было обеспечить себе очередную магистратуру - претуру, как стаж для консульства и как источник средств на дальнейшее ведение политической борьбы, поскольку претура связана была с управлением провинции. Кредит его был велик, но и он был почти исчерпан. Не мог, конечно, и Красс быть все время денежным мешком Цезаря, и становиться всецело в зависимость от него не входило в расчеты Цезаря.

Прилагать, оставаясь для этого в Риме, особые старания к тому, чтобы совершенно отдалить Помпея от сената, было излишне. Раз Помпей распустил войско и отказался от воздействия силой, разрыв между ним и сенатом был неизбежен: для этого нужно было только время. Только время нужно было и для того, чтобы дать поблукнуть лаврам Цицерона. Не было сомнений в том, что найдется достаточно лиц, готовых по листику разнести его лавровый венок: многочисленное родство Катилины и заговорщики были налицо, немало было и конгениальных им политических деятелей.

Среди них на первое место выделился Публий Клодий, скандальный дебют которого на политической сцене только что был предметом разговоров всего Рима. Клодий пойман был с поличным в доме претора и великого понтифика Цезаря, где он во время государственного праздника в честь *Vona dea*, на который допускались только женщины, искал свидания с любовницей своей, женой Цезаря, переодетый женщиной. Во время суда над ним по этому поводу Цицерон имел неосторожность выступить в числе

свидетелей обвинения; Цезарь выступил в числе свидетелей защиты. Свой развод с женой он объяснил знаменитым: жена Цезаря не может находиться даже под подозрением; в общем же в ее виновность он не верит. *Inde irae*¹. У Цезаря явился готовый агент против Цицерона, вцепившийся в него мертвой хваткой.

Пока что, однако, Цезарь имел время отправиться в свою провинцию, Испанию, попробовать там свой военный гений на войне с испанскими племенами, несколько пополнить свою истощенную кассу и хотя бы частично удовлетворить своих кредиторов.

По возвращении Цезаря почва для соглашения между ним и Помпеем была готова. Помпей не видел возможности без поддержки Цезаря и Красса провести нужные ему постановления и законы в народном собрании и готов был заплатить за это хотя бы дороною ценою, ценою создания себе соперника, опиравшегося не только на свою популярность на форуме и на деньги Красса, но и на сильное войско.

Частное и тайное соглашение между Помпеем, Крассом и Цезарем, так называемый первый триумвират, обеспечило Цезарю консульство на 59 год. Впрочем, сенату удалось все-таки провести вторым консулом энергичного и упорного Марка Кальпурния Бибула, готового всеми средствами бороться с Цезарем в год его консульства.

Год консульства Цезаря был годом организованного насилия. На форуме царили вооруженные и подкупленные банды суверенных граждан, сенат был приведен к молчанию. Бибул не решался выходить из своего дома. Все законы, предлагаемые Цезарем, проходили, если не гладко, то все же формально безупречно. Союз его с Помпеем подкреплён был женитьбой Помпея на дочери Цезаря.

Помпей добился своего, аграрные законы, дававшие возможность удовлетворить его ветеранов, хотя и поздно, но прошли, и Помпей был в комиссии, их осуществлявшей. Меры Помпея на Востоке утверждены были *en bloc*², без обсуждения в сенате. В виде компенсации Цезарь, по особому закону, получил в управление Иллирик и Северную Италию (Циспаданскую Галлию) с тремя легионами и правом набора на пять лет. По предложению

¹ Отсюда гнев (лат.).

² Разом, как единое целое (фр.).

Помпея и Красса сенат вынужден был еще расширить права Цезаря, прибавив к его провинции Галлию за рекой По и увеличив его войско еще на один легион. Правда, не на пять лет, а только на год.

Выиграл в политической игре Цезарь. Командование в ближайшем соседстве с Римом с возможностью следить изо дня в день за тем, что там делается, было большим козырем. Италия была безоружна и не могла, конечно, быстро организовать нужные силы для противодействия каким-либо захватным попыткам со стороны Цезаря. Но не надо забывать и того, что возможность захвата власти ее прочности не обеспечивала. Сулловы ветераны все еще представляли большую силу, и на них Цезарю нечего было рассчитывать; со своими ветеранами Помпей, наделявший их землей, был в постоянной связи; всадники и сенат, не стоявшие за Помпея во что бы то ни стало, конечно, в час решения не оказались бы на стороне Цезаря. Наконец, в своем собственном войске Цезарь пока что был только одним из новых, так часто сменявшихся вождей. Настоящей связи у войска и его вождя еще не было и быть не могло.

Цезарю, таким образом, предстояла еще большая работа на два фронта: работа разложения враждебных ему сил в тылу и работа созидания армии, дисциплинирования ее, ее обогащения и ее спайки с вождем на фронте. Обе задачи были в достаточной степени трудны и ответственны.

Вторую задачу Цезарь, как известно, осуществил блестяще. Но на осуществление ее ему понадобились годы и годы. Затмить военно-политический ореол Помпея, несмотря на все его ошибки и недостатки, было нелегко. Для этого надо было сделать действительно большое дело. Покорению Востока - делу Суллы и Помпея - надо было противопоставить нечто не менее блестящее и выгодное для Рима. Не случайно, что своей задачей Цезарь поставил продолжение дела Мария - охрану Италии с севера от тех опасностей, которые ей грозили со стороны кельтских и германских племен. Сенат обеспечил Риму мировое владычество, главным образом, в борьбе с силами Востока. Миссией демократов, в лице Мария и Цезаря, сделалось упрочение власти Рима на севере, расширение здесь пределов латинского мира и предотвраще-

ние повторения нашествия северных соседей на Италию. Задача была трудна, но выполнение ее было *conditio sine qua non*¹ для осуществления планов Цезаря.

Помышлял ли он теперь же о неизбежности вооруженного столкновения с Помпеем - вопрос неразрешимый. Может быть, да, может быть, нет. Его образ действий по отношению к Помпею позволяет думать, что Цезарь допускал и мысль о разделе власти. Но не в этом существо дела. Реальный политик осуществляет прежде всего ближайшие задачи, а ближайшей задачей Цезаря было обеспечить себя силой, равной силе Помпея, а если возможно, то и силой, превосходящей силы не только Помпея, но и всех возможных противников.

В осуществлении этой задачи не меньшее значение, чем работа на фронте, имела работа в тылу, работа политического разложения Рима, поддержания в нем анархических элементов, создания таких условий, при которых твердая организующая власть была бы невозможна. Цезарь достаточно знал сенат, чтобы видеть, что сенат такой власти не создаст. Но он знал также, что авторитет сената все еще неизмеримо высок и что с именем сената неразрывно связана идея о свободном гражданском строе, которой Цезарь ничего, кроме ненавистной всему античному, воспитанному на греческом мирозерцании сознанию идеи тирании или царской власти, противопоставить не мог.

Реальной задачей момента было, таким образом, разложение. Неудивительно поэтому, что Цезарь и теперь, как и раньше, пользуется для осуществления своих целей всякими элементами, не обращая внимания на их моральную и политическую физиономию. Его ближайшим орудием был в первое пятилетие его пребывания в Галлии уже упомянутый Публий Клодий.

Цезарю нужен был Клодий, прежде всего, чтобы сломить Цицерона, затем чтобы довести анархию в Риме до крайних пределов. Первое осуществлено было без труда: по закону Клодия, избранного трибуном на 58 год, требовавшему суда для всех, кто умертвил гражданина без суда, первым подсудимым должен был быть Цицерон. Он не нашел поддержки ни в консулах этого го-

¹ Непременное условие (лат.).

да - ставленниках триумвиров - ни в Помпее; Клодий же опирался, кроме Цезаря, на организованные им и по проведенному им закону легально существовавшие политические клубы, так называемые коллегии - вооруженные и крепко спаянные подкупом шайки хулиганов и проходимцев, в значительной части рабов.

Цицерону пришлось, не дожидаясь результатов суда, которые были предreshены, отправиться в изгнание и провести там, вне Италии, более года. Под благовидным предлогом аннексии Кипра и устройства дел в Византии удален был и другой энергичный поборник порядка и законности, Катон, также отсутствовавший около двух лет.

Годы отсутствия Цезаря в Риме были временем дикой анархии. Не помогло и возвращение Цицерона, а затем и Катона. Цицерон вернулся, несмотря на торжественную встречу, угнетенным и подавленным. Он видел, что борьба с Цезарем ему не под силу. Влияние Помпея все падало; он не в силах был и не умел противопоставить действенное сопротивление бандам Клодия и предпочитал обиженно устраниваться от вмешательства в римскую неразбериху. Мало нового внесло в его положение и поручение снабжать Рим хлебом с широкими полномочиями, далекими однако от тех, которыми он обладал во время своего владычества на Востоке: эта была подачка, имевшая целью не допустить сближения его с сенатом, чего усердно, но безуспешно добивался Цицерон.

Между тем Цезарю надо было озаботиться будущим начатого им грандиозного дела покорения Галлии. Срок его полномочий истекал, а дело покорения только началось, и возможны были большие и серьезные осложнения. Согласие триумвиров надо было подогреть, так как их готовность работать только для Цезаря сильно ослабела. И Красс, и Помпей, видя рост популярности Цезаря в войске и в Риме, не могли довольствоваться тем, что они имели.

Конференция в Луке в апреле 56 года, где Цезарь еще раз показал себя глубоким психологом и тонким реальным политиком, привела к соглашению, которое должно было примирить интересы и создать кажущееся равенство сил. Хотя внешним образом Цезарь и пошел на уступки - он обеспечивал Крассу и Помпею

консульство на 55 год и после него получение военных командований (Крассу в Сирии для борьбы с Парфией, а Помпею в Испании на пять лет), Цезарю же только продолжение его полномочий в Галлии. Но по существу уступки эти нисколько не ослабляли Цезаря.

Экспедиция Красса была делом сложным и трудным; завоевание Парфии было бы, конечно, началом владычества Красса на Востоке, но задача сама по себе была куда труднее задачи Цезаря в Галлии, Красс же был уже стар и никогда особыми талантами не выделялся. Положение же Помпея с получением Испании только осложнялось: покинуть Италию значило отдать ее всецело в руки анархии и Цезаря, оставаться в ней равносильно было лишению себя действительной силы, которая всецело зависела от единения с войском.

Само получение консульства далось кандидатам нелегко, а проведение в жизнь статей договора в Луке было возможно только путем повторения насилия года консульства Цезаря, что обеспечило Цезарю дальнейшую рознь между сенатом и Помпеем и продолжение анархии в Риме.

Решение Помпея остаться в Италии и после окончания срока его консульства не ослабило, а усилило эту анархию. По законам Помпей, как проконсул, в Риме пребывать не мог; он мог следить за ходом дел только из ближайших его окрестностей и без права вмешательства. Естественно, что это только осложнило и запутало и без того уже сложную политическую жизнь в Риме.

Рим был полон подкупа, вооруженной борьбы, скандальных процессов. Выборы превращались в кровавую комедию и не давали результатов. Клодий, с одной стороны, и Милон, достойный соперник Клодия, с другой, превратили форум в арену хулиганской войны вооруженных шак. Значительную часть 53 года Рим прожил без магистратов с исполнительной властью, в 52 году повторилась та же картина в еще более грандиозных размерах.

Положение чрезвычайно осложнилось как тем, что Красс со своей армией погиб на Востоке, так и тем, что родственная связь между Цезарем и Помпеем разрушилась со смертью жены Помпея, Юлии, имевшей большое влияние на нежно любимого ею мужа.

Отношение Помпея к анархии, все более и более развивавшейся в Риме, не так ясно, как отношение к тому же вопросу Цезаря. Во всяком случае, никаких определенных мер против анархии он не принимал и инициатором ее прекращения не выступал. В деле Цицерона он определенно поддержал Клодия.

Несомненно, что и для Помпея анархия была явлением, благоприятствовавшим его личным целям. Полученные им полномочия по доставке хлеба в Рим не дали ему того, что ему было нужно, то есть воинской силы в Италии. Соглашение с Цезарем, правда, давало ему войско, но в Испании, а не там, где оно было ему нужно. Чем больше росла анархия, тем больше было шансов, что в отчаянии Рим обратится к нему и снабдит его воинской силой для поддержания порядка. Такой ход дела, конечно, осложнял его отношения с Цезарем и предрешал вопрос о возможности столкновения, но вопрос этот и без того становился жгучим, так как приближался срок конца полномочий Цезаря в Галлии и какой-нибудь выход из создавшегося положения должен был быть найден. Ясно было, однако, что Цезарь не склонен будет вернуться в Рим на положение частного человека.

Своего апогея анархия в Риме достигла в 52 году. Поводом было убийство Клодия Милоном в случайной встрече на Аппиевой дороге. Убийством Клодия воспользовались как поводом для похода против сената, и в Риме установились невозможные отношения, приводившие к постоянным схваткам, дракам, погромам, пожарам и тому подобному.

Пользуясь этой смутой, друзья Помпея настояли на выборе его консулом без коллегии. В лице Помпея создан был, таким образом, полномочный хозяин Рима, соединявший абсолютно несоединимое с точки зрения римского государственного права: административно-хозяйственные экстраординарные функции по закупке хлеба, военную власть в провинции и высшую ординарную магистратуру в Риме, притом с упразднением ее коллегиальности. И это было новым прецедентом для конструкции будущего принципата, основой которого было как раз соединение всех этих разнородных функций в одном лице.

Существенным для Помпея в этой новой фазе развития его власти было право пребывать в Риме, и притом в качестве носи-

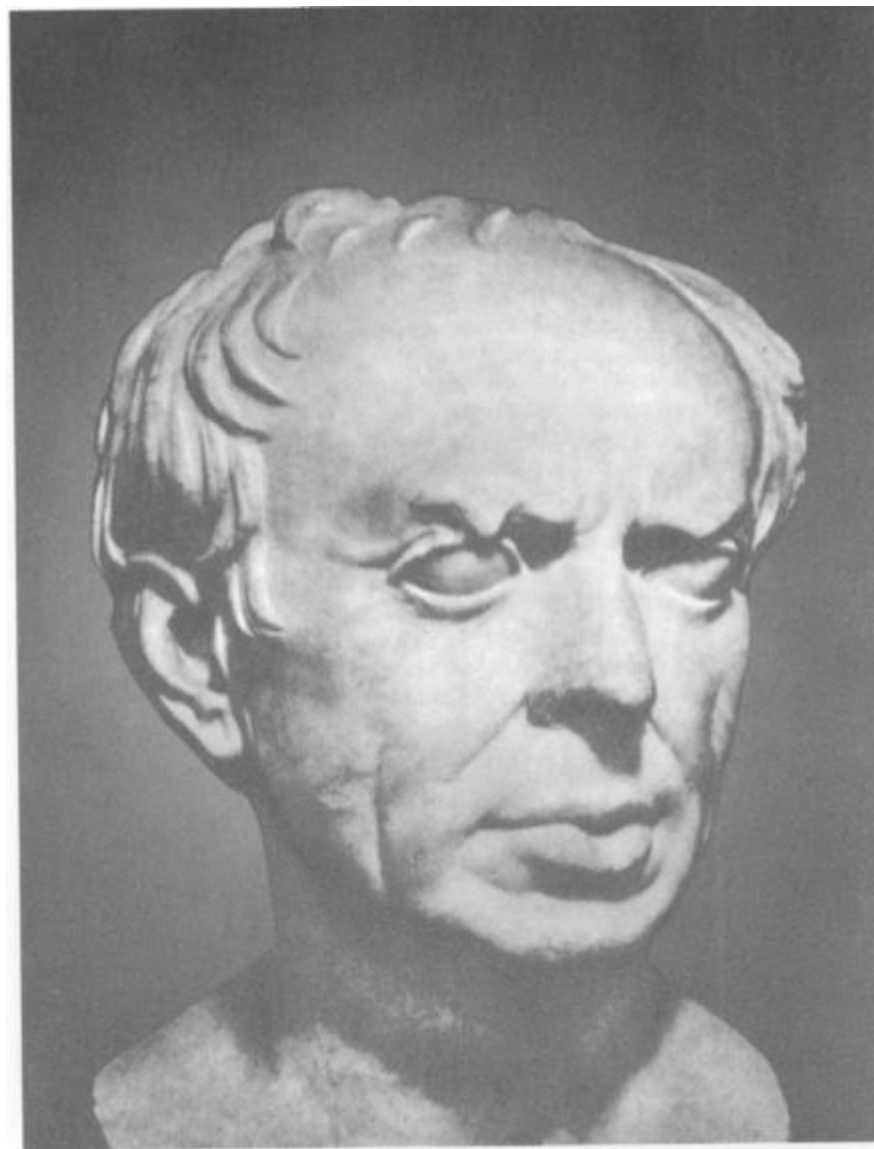

Рис. 1. Гай Марий. I в. до н. э. Мрамор

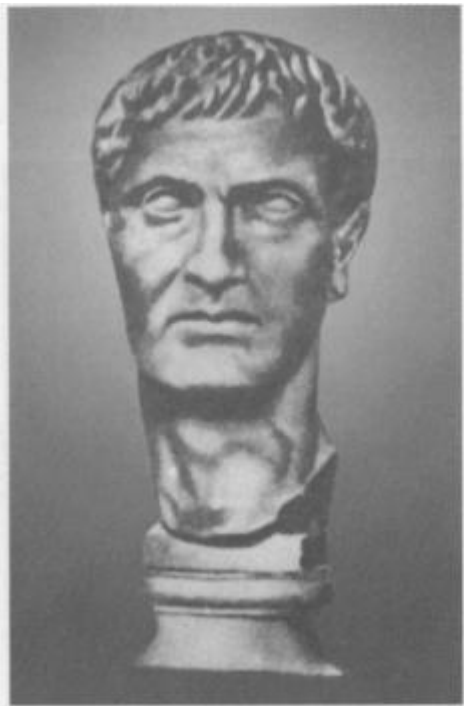

Рис. 2. Луций Корнелий Сулла.
I в. до н. э. Мрамор

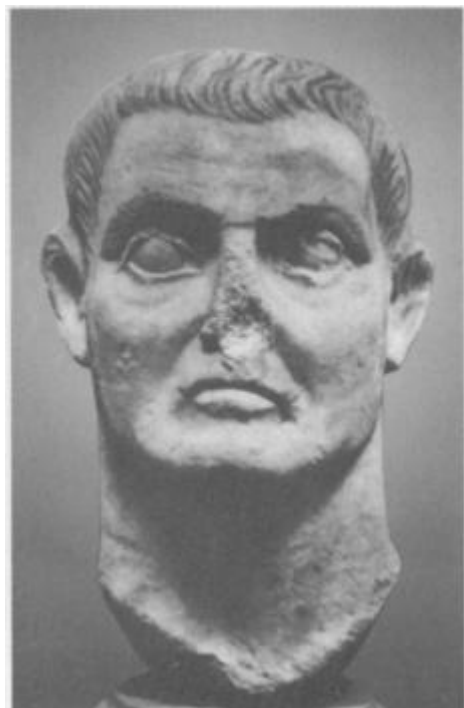

Рис. 3. Марк Антоний. I в. до н. э.
Мрамор

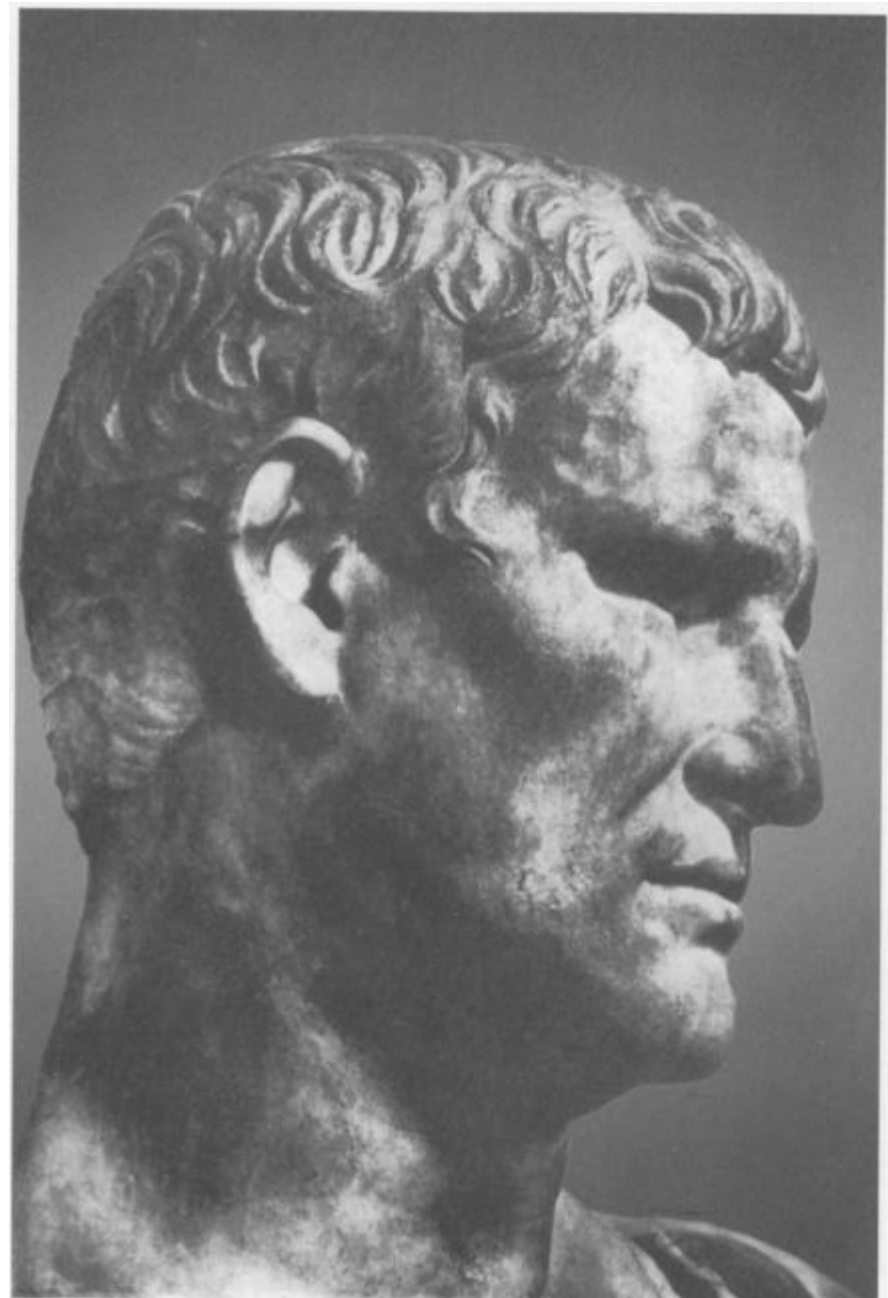

Рис. 4. Марк Випсаний Агриппа. I в. до н. э. Мрамор

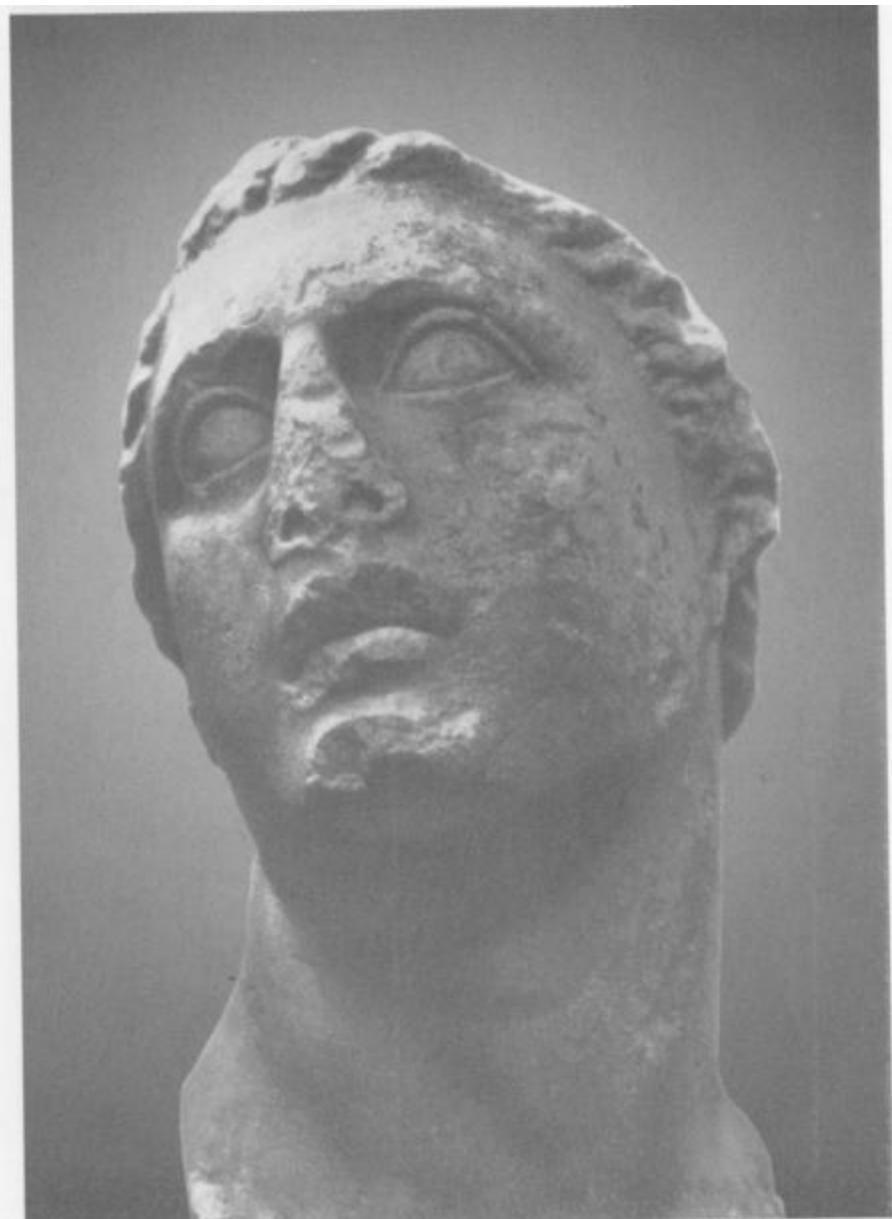

Рис. 5. Митридат VI Евпатор (?). II-I вв. до н. э. Мрамор

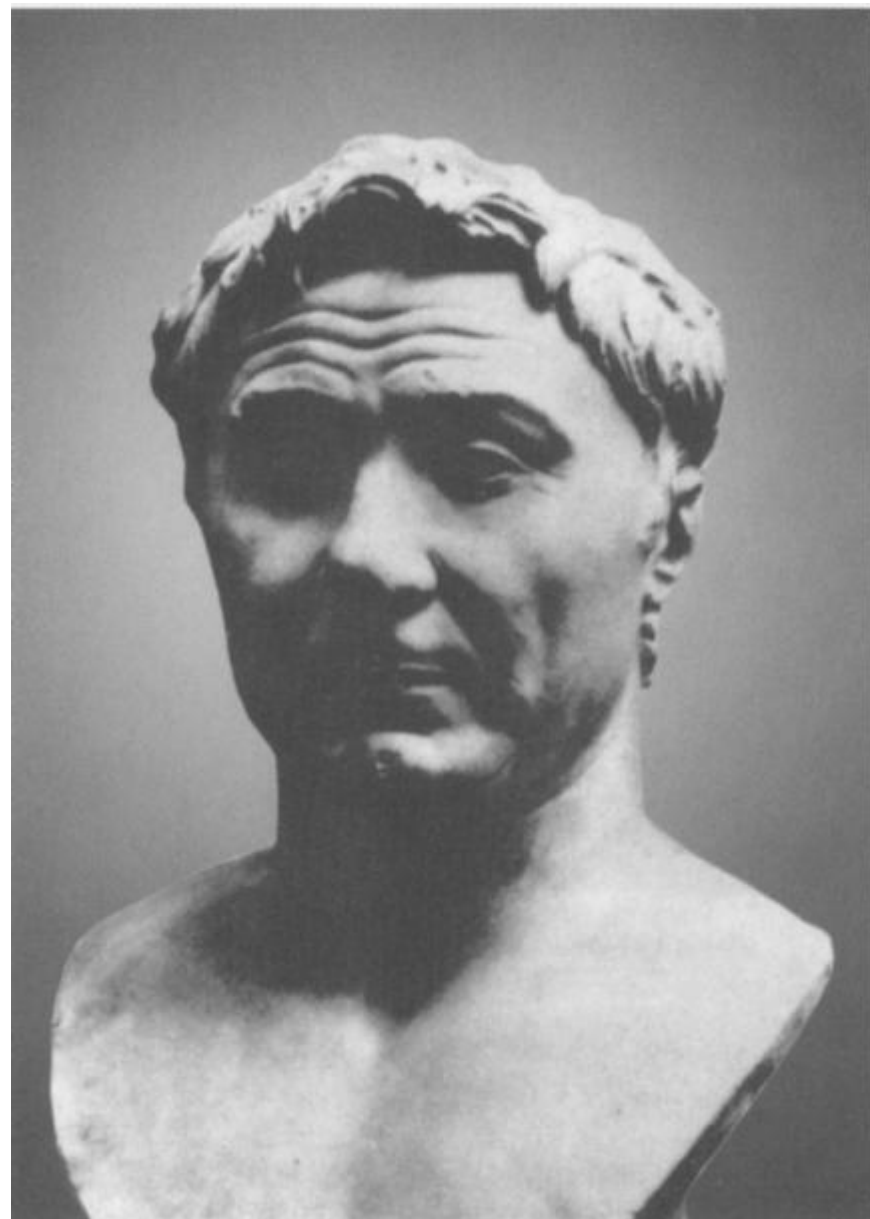

Рис. 6. Гней Помпей. Копия времени Августа. Мрамор

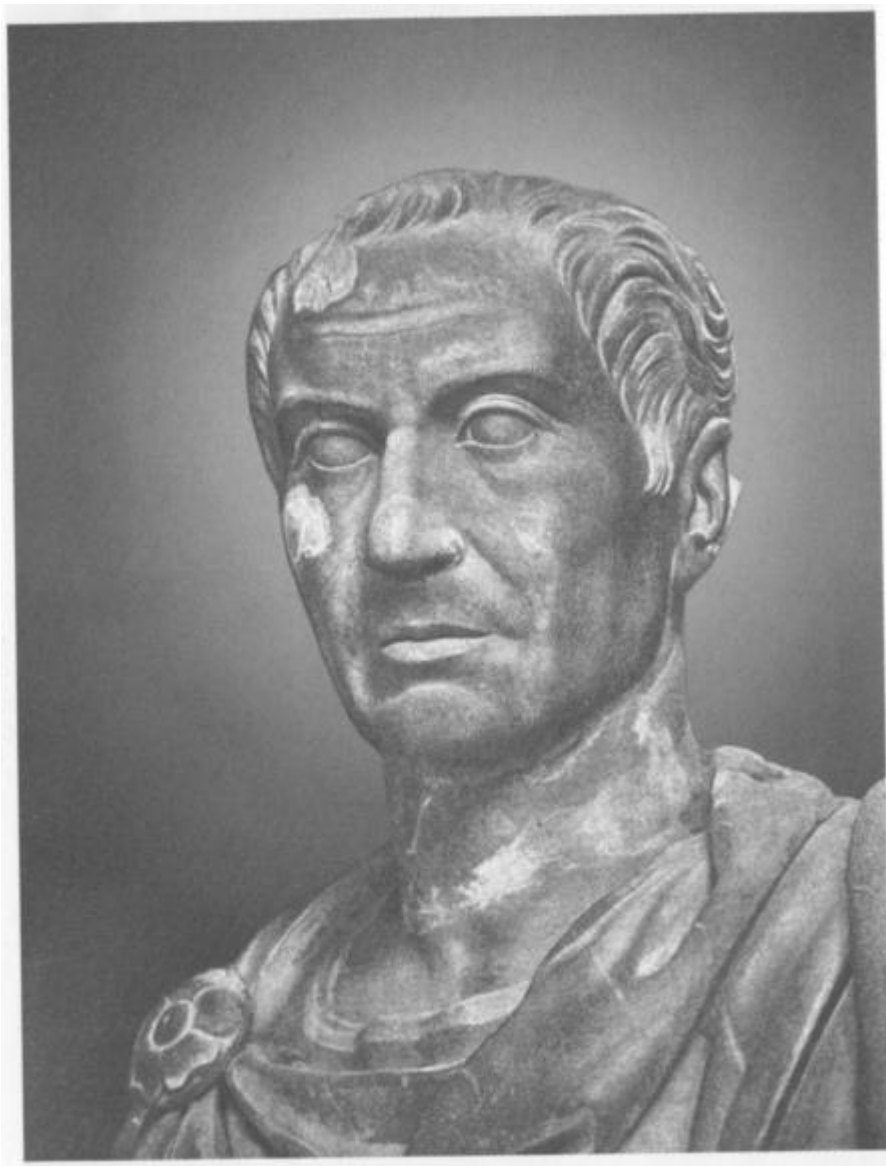

Рис. 7. Гай Юлий Цезарь. I в. до н. э. Мрамор

Рис. 8. Гай Юлий Цезарь. Считающееся наиболее достоверным изображение. I в. до н. э. Мрамор

Рис. 9. Марк Юний Брут. I в. до н. э. Мрамор

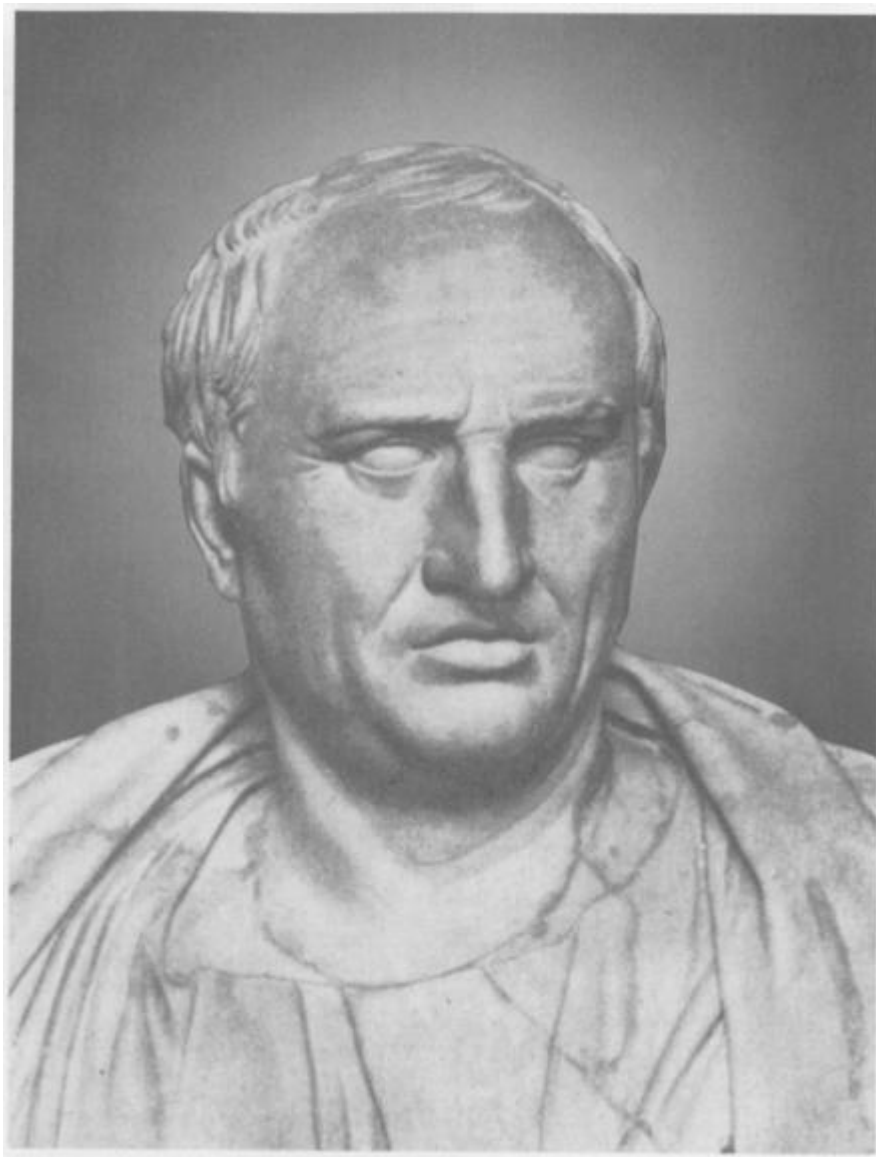

Рис. 10. Марк Тулий Цицерон. Копия I в. до н. э. Мрамор

Рис. 11. Портреты на римских монетах I в. до н. э.:
а - Сулла; б - Цезарь; в - Марк Брут; г - Антоний; д - Август; е - Агриппа

Рис. 12. Октавия.
Ок. 40 г. до н. э. Мрамор

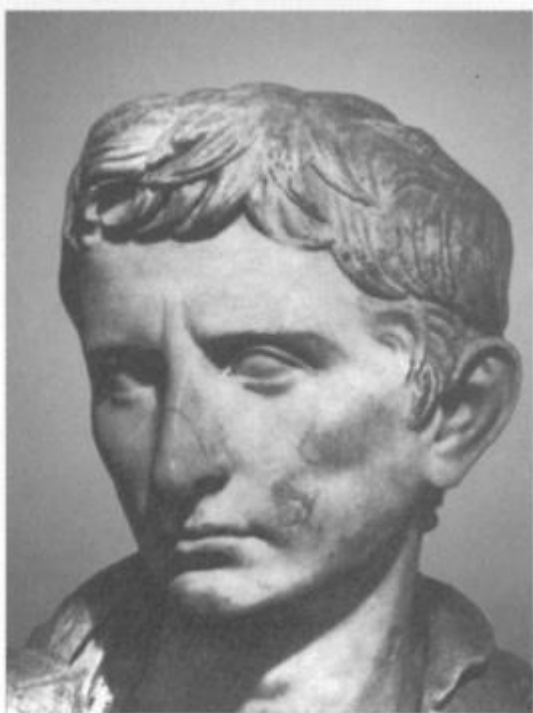

Рис. 13. Октавиан.
Между 35-29 гг. до н. э. Мрамор

Рис.14. Статуя Августа из Прима Порты. Ок. 20 г. до н. э. Мрамор

Рис. 15. Портретные геммы из собрания Эрмитажа:
а - Гай Юлий Цезарь. Сердолик; б - Гай Юлий Цезарь. Гранат; в - Марк Антоний. Халцедон;
г - Октавиан. Сердолик; д - Октавиан. Сердолик; е - Октавиан. Сердолик;
ж - Октавия. Сард; з - Октавия и Октавиан. Сард; и - Марк Брут. Сердолик;
к - Секст Помпей. Аметист; л - Секст Помпей. Аметист; м - Цицерон. Аметист

Рис. 16. Марк Ливий Друз. I в. до н. э. Мрамор

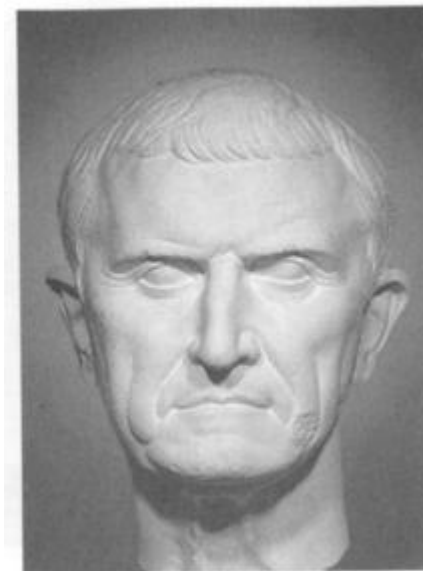

Рис. 17. Марк Крассе. I в. до н. э. Мрамор

Рис. 18. Голова фламينا. III в. до н. э. Бронза

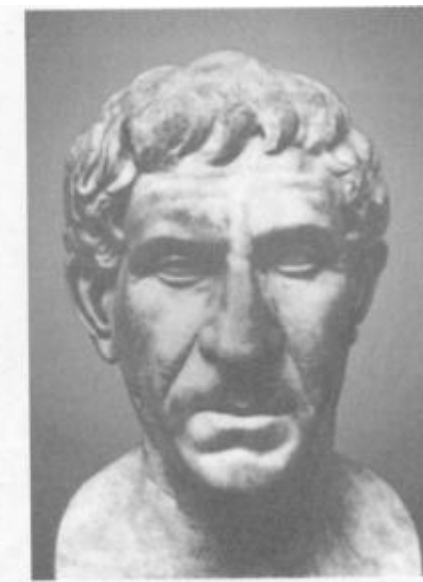

Рис. 19. Вергилий. I в. п. э. Мрамор

Рис. 20. Вергилий со свитком Энеиды.
Фрагмент мозаики

Рис. 21. Боевой слон.
Тарелка из Кампании. III в. до н. э.

Рис. 23. Римский форум. III—I вв. до н. э.

Рис. 22. Римский военный корабль. Мраморный барельеф. Ок. 30 г. до н.

Рис. 24. Форум. Главный храм. II—I вв. до

Рис. 25. Аппиева дорога

теля верховной военной власти, с правом собирать и организовывать войско. Но все это, конечно, ограничивалось кратким сроком консульства и вопроса по существу не разрушало.

Помпею в год его консульства удалось сладить с анархией вооруженной силой и установить сравнительный порядок на ближайшие годы. Надо, однако, думать, что этот сравнительный порядок обусловлен был не столько воинскими патрулями, сколько необычайно тревожным настроением, царившим в Риме и заставившим весь город сосредоточиться на одном вопросе.

Вопрос этот сам по себе казался незначительным, но все понимали его бесконечную важность и решительность для ближайших судеб Рима и Италии. Срок окончания цезарева проконсульства - определенный или не определенный точно (об этом спорят) - приближался. В Луке условлено было, что по окончании проконсулата Цезарь получит консульство на 48 год. Около этого консульства и возгорелся жестокий спор.

Отвлекаясь от подробностей и недостаточно выясненных в нашем предании вопросов, сущность спора можно уловить с полной определенностью. Цезарю необходимо было, чтобы его военное командование и год его консульства не были разделены промежутком, во время которого он пребывал бы как частный человек в Риме, господином которого был Помпей, опиравшийся на свое войско в Испании и имевший под руками своих ветеранов. Помпей, как проконсул, всегда мог получить какие-либо экстраординарные полномочия, сенат мог объявить военное положение, и тогда в руках Помпея оказались бы и воинские части, по той или другой причине пребывавшие в Италии, и право набора, и возможность организовать своих ветеранов.

Как раз в это время, по счастливому совпадению, а, может быть, и сознательно подготовленному плану, в Италии оказались два легиона, вызванные из Галлии в связи с тревожными вестями о грозящем в Сирии нападении парфян. Один из легионов принадлежал к армии Цезаря, другой - к армии Помпея (временно передан был Цезарю в связи с трудным положением в Галлии).

Сложнейшие дебаты по вопросу о консульстве Цезаря, ряд политических ходов с той и другой стороны заполнили годы 51-й и 50-й. Цезарь в это время спешно кончал свои задачи в Галлии,

не упуская ни на минуту из вида Рима, подготавливал себе сторонников в Северной Италии, в Италии вообще, в Риме и даже в провинциях, привлекал свои легионы рядом денежных наград и обещаний, пополняя их повторными наборами и заменяя новыми два легиона, отосланные в Италию.

Положение Помпея было более сложным и трудным. Решительным противником Цезаря выступила часть сената, боявшаяся возобновления года консульства Цезаря, который на этот раз мог быть прелюдией к безраздельному господству одного или двоих. Для этой части сената соглашение Помпея с Цезарем было самым нежелательным и невыгодным исходом, которому она предпочитала гражданскую войну, раз уж возвращение обоих в частную жизнь было невозможно.

Войти в союз с этой частью сената Помпей не решался. Он знал, по своему прошлому, чего он может ожидать от сената и какова будет та поддержка, которую сенат ему окажет. Не раз потому он подумывал об удалении в свою провинцию, то есть об уступке Цезарю того положения, которое он, Помпей, занимал до тех пор. Но и это не было выходом. В Испании он был бы отрезан от Рима и Италии, все еще неисчерпаемого источника воинских сил, и он знал, как Цезарь умеет справляться с Римом, когда у него развязаны руки.

Проще всего было пойти на соглашение. На этот путь толкали его многие, между прочим и Цицерон, не ждавший ничего хорошего от гражданской войны. Но в этом соглашении он чувствовал себя слабейшим; играть же вторую роль в Риме ему, привыкшему к первой, особенно за последние восемь лет, казалось невозможным и несовместимым с его величием.

Поэтому он все время колебался, все время искал путей, ждал решительных уступок со стороны Цезаря и забывал или, вернее, не работал систематически над главным - обеспечением себя серьезной воинской силой. Правда, это ему было нелегко, так как за его плечами стоял в основе все-таки враждебный ему сенат и дружественное Цезарю народное собрание, руководимое трибунами - агентами Цезаря, частью купленными.

А между тем приближались последние сроки, наступал 49-й год, надо было решиться окончательно. Цезарь все время делал

частичные уступки, враги, а может быть, и друзья его, усердно распространяли слухи о том, что в войске Цезаря неладно, что поэтому-то Цезарь и уступчив, что надо быть твердым.

Колебания Помпея продолжались до последнего момента. В последние дни 50-го и в первые 49-го года инициативу разрыва взяли на себя сенат и консулы. Им удалось убедить Помпея встать на сторону сената в его разрыве с Цезарем. Решение призвать на защиту государства два упомянутые выше легиона и усилить их быстрым набором вынудило Цезаря на решительные действия. Его движение с небольшим отрядом на Аримин - крупный стратегический пункт, открывавший Цезарю путь на Рим - окончательно решило дело. Помпей оказался в тесном союзе с сенатом и взялся защищать сенатскую конституцию против нападения на нее Цезаря.

Это решение было для Помпея фатальным. Каковы бы ни были силы Цезаря, он мог всецело на них положиться, и они полностью и безраздельно находились в его руках. Никто ему не мешал, и все беспрекословно повиновались. Он мог действовать быстро и решительно.

Помпей же очутился в осином гнезде, среди людей, ему не доверявших и его не любивших, на беспрекословное повиновение которых он рассчитывать не мог. За ним был ореол сената, но не это теперь решало дело, особенно тогда, когда стратегическая необходимость заставила Помпея очистить Италию и сосредоточить сопротивление в Эпире и Фессалии, опираясь на владычество на море и на неисчерпаемые богатства несколько отдохнувшего Востока.

Помпей не был свободен в своих решениях, его давил авторитет сената и то, что казалось его преимуществом перед Цезарем, что казалось источником его силы, было причиной его слабости и привело его к поражению. Борьба шла между Цезарем и сенатом; Помпей, помимо своей воли, сделался орудием в руках сената, с которым он уже давно внутренне разошелся и которому он уже давно не доверял.

Ожесточенная и длительная гражданская война вновь охватила Италию и весь греко-римский мир; более ожесточенная и более длительная, чем при Сулле, она захватила и более широкие пространства. С севера до юга Италии прокатилась она сначала,

перебросилась затем в Испанию, Сицилию и Африку, сосредоточилась на время в Эпире, Греции и Фессалии, перешла далее на Восток, захватив в свою орбиту и доселе самостоятельный Египет, наконец, вернулась в Африку, чтобы закончиться в Испании окончательной победой над сыновьями Гнея Помпея.

Пересказывать ход военных действий здесь не место. Важно, однако, указать на необычайную силу сената, сумевшего после каждого поражения, несмотря на гибель своего подневольного вождя - Помпея, то есть опираясь исключительно на свой сенатский авторитет, восстанавливать войско, привлекать к себе союзников и вассалов, находить нужные средства. Причина поражения сената лежала в том, что он, как до него демократы в борьбе с Суллой, не сумел организовать командования, сплотить войско и противопоставить гению Цезаря сплоченное сопротивление всей страны, безнадежно расколовшейся и далеко не уверенной в том, на чьей стороне законность и право, не уверенной даже в том, где находится настоящий сенат, в Риме ли при Цезаре, или в лагере Помпея и помпеянцев.

Не мешает настойчиво указать и на то, что на этот раз гражданская война, тяжело отразившаяся и на Италии, сосредоточилась, однако, не в ней, а в провинциях, причем вновь и усиленно пострадал Восток, принужденный давать средства на ведение войны обоим противникам, сначала сенату, затем Цезарю. Не в меньшей степени, однако, задет был и Запад. Жестокий удар нанесен был Сицилии, вновь опустошена была Испания, сильно пострадала и Африка, и притом везде, главным образом, в лице римского гражданского населения.

Наконец, характерною особенностью этой гражданской войны являлась все возрастающая жестокость боевых схваток и большое количество жертв. Правда, и здесь наблюдалось массовое дезертирство, которым умело пользовался Цезарь, как раньше Сулла, но чем дальше, чем больше сплывались около двух партий верные их сторонники, тем более кровавой становилась бойня, достигшая своего апогея в последней битве этой войны - битве при Мунде.

Победив в вооруженной борьбе, Цезарь не последовал примеру Мария и Суллы. Опыт показал, что гражданская резня, вслед

за военной, ни к чему не ведет. Месть и гнусное убийство невооруженных противников, преследование людей за политические убеждения, разнуздывание дурных страстей претили, очевидно, характеру Цезаря и не входили в его политические расчеты.

Результатом войны было то, что Цезарь оказался полновластным хозяином Рима и римской державы. И перед ним, таким образом, встал во весь рост больной вопрос римской государственности: как совместить римскую конституцию с военной властью, как примирить город-государство с мировой державой. Вся жизнь Цезаря показывает, что он не верил в возможность управления мировой державой волею сената, то есть волею представителей одного класса населения. С сенатом он боролся всеми своими силами с первых же шагов своей политической карьеры.

Как противник сенатского режима, он воспользовался силами демократической партии и ее созданием - пролетарским войском. Но и то, и другое было для него средством; встав у власти, он не сделал даже попытки передать всю власть народному собранию; не был он рабом и победившего с ним войска. Наоборот, роль народного собрания, как и роль сената, в эмбрионе осуществленного им государственного строя сведена была им до минимума. Ясно, что бедная идеями и доведенная до абсурда реальным развитием государства программа Гракхов была ему внутренне так же чужда, как и конституция Суллы.

Не был он сторонником и того компромисса между сенатом, народным собранием и военной властью, который пытался, но не сумел осуществить Помпей. Пример его гибели в сетях этого компромисса был поучителен и устрашающ.

У Цезаря не было времени вылить в законченную форму свое представление о возможном строе римской государственности, как это мог сделать усыновленный им Октавиан. Он творил новые формы государственности наспех и урывками, в короткие промежутки между войнами и в те несколько месяцев, которые протекали между битвой при Мунде и его смертью. Его постройка оказалась поэтому неоконченной и план ее не во всех деталях ясен.

Но основные линии тем не менее бросаются в глаза. Внешнего облика римской конституции он не изменил: народное собрание, сенат, магистраты остались, но внутреннее содержание госу-

дарственного строя подверглось коренной переделке. Над этими формами выросла неограниченная власть одного, ближе всего стоящая к греческой тирании. С точки зрения государственно-правовой, эта власть была мозаикой из элементов римской государственности, вернее из ее терминов.

Ее основной частью была диктатура, только по имени воспроизводившая старую римскую диктатуру и более или менее близкую к ней диктатуру Суллы. Диктатура Цезаря не была ограничена ни временем, ни целью, что было основным признаком старой диктатуры и во второй части удержано было Суллой. Цезарь был диктатором просто, а не «для устройства государства», диктатура его возобновлялась первоначально ежегодно, а затем сделалась постоянной - *dictator perpetuus*¹.

На эту диктатуру наслоились: по прецеденту Помпея возобновлявшееся консульство, повторное и часто единоличное, не связанное коллегиальностью; неограниченная цензура под новым именем «начальника нравов», отдававшая ему в руки сенат и средства государства; давно уже ему принадлежавший великий понтификат, делавший его хозяином государственно-религиозного правотворчества; наконец, отвлеченная от трибуната трибунская власть, дававшая ему всю силу разрушения, лежавшую в ее основе, но не делавшая его коллегой трибунов, то есть его власть объектом разрушительной власти трибунов. Обеспечил он себе и неприкосновенность трибунов, вторую не менее важную основу трибуната.

Это нагромождение полномочий отдавало в его руки сенат, в котором он был и председателем, когда он того хотел, и первым вотирующим, как *princeps senatus*, то есть первый по списку, когда он не председательствовал и распорядителем судеб каждого сенатора, как *praefectus morum*, имевший право и исключать старых членов, и увеличивать число сенаторов, и назначать на их место новых. Оно же делало послушным орудием его и народное собрание, права которого сведены были на нет его властью запрещения по отношению к трибунам и специально выговоренным себе правом рекомендовать кандидатов на все магистратуры.

¹ Пожизненный диктатор (лат.).

Не вполне ясен вопрос о том, как он мыслил себе в будущем свое отношение к войску и к провинциальным магистратам. Вряд ли он собирался ограничиться тем, что высшим военным титулом *imperator* он заменил свое личное имя Гай, отбросив свое родовое имя и удержав только близкое и хорошо знакомое его войску прозвище свое *Caesar*. Этот вопрос, однако, не был спешным. Связь его с войском не была прервана и с концом гражданской войны: в ближайшие дни после 15 марта - дня его убийства - он собирался во главе войска выступить в поход сначала против даков, а затем против Парфии.

Очевидно, что Цезарь строил сознательно и определенно из осколков римской конституции самодержавную власть, власть одного. Хотел ли он, в конце концов, отбросить все эти обломки и откровенно назвать себя царем по эллинистическому образцу, не вполне ясно и, пожалуй, не так уж важно. Попытки приписать ему это намерение носят частью провокационный характер со стороны его врагов, частью вызваны толкованием поступков его приверженцев, истинный смысл которых мог быть совершенно другим.

Но несомненно, что фактически монархия Цезарем была осуществлена, может быть, только не окончательно еще достроена. Важно поэтому спросить себя, на чем он мыслил себе эту монархию основанной, монархию как длительное, а не как эфемерное установление. Реально, в категории силы, - конечно, на своих отношениях к войску, идеально, то есть в категории психологии подданных, - на сознании масс, на убеждении их в его личной сверхчеловечности, на религиозном чувстве по отношению к нему, свойственному мирозерцанию античного человека. Это религиозное чувство проявилось и в обновленном им сенате, где едва ли не большинство составляли новые члены из ближайших ему людей, независимо от сословия, и выразилось в ряде почестей, приравнивавших его к божеству. Проявилось оно и в ряде актов религиозного характера по его адресу, исходивших от жителей Италии, и от провинциалов.

Тем не менее через несколько месяцев после своей последней победы Цезарь убит был в сенате заговорщиками, принадлежавшими к сенатской знати и по большей части к помилованным им

помпеянкам. Удача заговора есть, конечно, дело случайности. Не случайно, однако, то, что заговор повел не к немедленной смене одного владыки другим, а к ожесточенной схватке всех против всех, к новой борьбе, на этот раз последней, сената с носителями военной власти, объявившими себя открыто преемниками власти Цезаря.

Как это могло случиться и где причина этому? Внешняя причина лежит, конечно, в том, что Цезарь резко и определенно проводил осуществление своей монархической власти. Внутреннюю надо искать глубже. Цезарь без колебаний оттолкнул от себя сенат не только как учреждение, но и как сословие. Для него сенат не был носителем определенных прав и вековых традиций, а советом верховного вождя, не представителем целого класса, а одним из служебных государственных органов. Этим он вооружил против себя почти все сенаторское сословие, опиравшееся на крупную материальную силу, на вековые связи с населением и на огромный моральный авторитет.

Резко порывая с сенатом, он порывал с римской «свободой» - «libertas», с римской гражданственностью, со всей римской государственной традицией. В дилемме «царь» или «свобода» огромные массы римского гражданства, не колеблясь, отвечали «свобода» и готовы были вступить в новый бой за нее. Победитель в борьбе, желавший длительно удерживать в своих руках власть, не мог ставить вопрос таким образом. Не ставил его, конечно, так и Цезарь, но из его действий явно вытекали его стремления, и вскрыть их было нетрудно. Задачей его преемников было затушевать эту дилемму, что с необычайной ловкостью сделал преемник Цезаря Октавиан. Второй вытекавшей отсюда задачей было - считаться с сенатом и не порывать с ним резко и решительно. И это, как увидим, сумел осуществить Октавиан.

Второй основной причиной новой вспышки гражданской войны, бушевавшей почти непрерывно в течение четырнадцати лет, было то, что победа Цезарю далась сравнительно легко, и боевая сила гражданства, как и материальная сила державы, не были исчерпаны до конца.

Мобилизовано было и с той, и с другой стороны не такое уже большое число граждан. Сражавшиеся армии, частью все того же

состава, не превышали 100 000 человек с той и с другой стороны. Силы руководителей не были доведены до истощения. Цезарь не прибег ни к массовым убийствам, ни к массовым конфискациям. Италия не была вконец истощена войной, не была она и потрясена в основе своей наделами ветеранов. Цезарь не был грабителем и хищником. Мы ничего не слышим о том, чтобы Италия была объектом тех ужасов, которые она пережила при Сулле, а затем - при Октавиане. Из этого, однако, не следует, чтобы цезарева гражданская война не привнесла многого в разрушительную работу гражданских войн. Дело разрушения было продолжено, но сознательно ослаблено Цезарем и не доведено им до крайних пределов.

Антоний и Октавиан

События после смерти Цезаря показали с полной ясностью то, что очевидно было уже во время борьбы Цезаря и Помпея: для активного сопротивления военной власти и войску у сената не было ни организационного таланта, ни упорного и стойкого воодушевления, ни единства.

После совершения убийства заговорщики не нашли себе единой и решительной поддержки даже в среде сената. Сенат был напуган и искал компромисса, заговорщики оказались изолированными. Напротив, Антоний, консул 44-го года, и Лепид, *magister equitum*, то есть ближайший помощник покойного диктатора Цезаря, очень быстро освоились в создавшемся трудном положении и повели осторожную, но решительную политику, спекулируя на воинских силах Лепида, растерянности сената, неподготовленности заговорщиков, не имевших определенного плана действий, и на легкости создать нужное им настроение в толпе.

Путем компромисса им нетрудно было добиться сведения на нет достигнутого заговорщиками успеха. Постановлением сената об «амнистии», то есть забвении, убийство Цезаря признано было как бы нечаянной случайностью. Утверждение тем же сенатом всех распоряжений Цезаря, а также и распределения им маги-

стратур, то есть и провинций, на ближайшие годы, равносильно было признанию законности власти Цезаря. Надо помнить, что в исполнении указанных распоряжений Цезаря, распоряжений как состоявшихся, так и предполагавшихся (последние должен был выяснить консул Антоний, которому вдова Цезаря передала все наследство Цезаря, поскольку оно находилось в его руках, как высшего магистрата римской державы), заинтересована была значительная часть сената.

Прямым последствием всего вышеуказанного было, между прочим, опубликование завещания Цезаря, главными наследниками по которому, по существу, оказались римский народ и ветераны, исполнителями же - частью усыновленный Цезарем Гай Октавий, частью - ряд других лиц, из которых чуть ли не большинство оказались участниками заговора. Опубликование завещания и последовавшие за этим сцены погрома и бесчинства в связи с похоронами Цезаря лишили заговорщиков последней надежды найти себе какую-либо опору в массе римского населения и сделали их пребывание в Риме опасным для их жизни и невозможным. В силу всего этого, хозяином Рима, но не положения, оказались не заговорщики, а Антоний, создавший себе немедленно вооруженную охрану из 6000 цезаревых ветеранов. Этим временным успехом Антония вопрос о будущем, даже ближайшем, отнюдь не был решен.

С устранением Цезаря жизненный нерв его режима был уничтожен, и сенату открывались широкие возможности. Естественного вождя, такого же авторитетного как Цезарь, у всех тех, кто был с ним и охотно ему повиновался, не было. Вместо одного носителя власти оказалось множество претендентов на нее; все они так или иначе надеялись быть преемниками Цезаря и ни для кого Антоний, один из многих помощников Цезаря и притом не самый выдающийся, не был ни авторитетом, ни признанным господином. Между тем реальная воинская сила находилась отнюдь не в руках Антония, а распылена была между рядом носителей, командовавших войсками в провинциях: часть этих вождей, как, например Децим Брут, правитель Северной Италии, один из заговорщиков, была всецело на стороне сената, часть же (Мунатий Планк, Асиний Поллион) колебалась и готова была примкнуть к

сильнейшему, принципиально ничего не имея против продолжения доцезарева режима.

Настроение войск зависело, прежде всего, от того, кто будет аккуратнее и щедрее платить. Настроение ветеранов Цезаря можно было теми же средствами повернуть в ту или другую сторону. Симпатии же населения Италии обеспечены были тем, кто обезопасит его от насилий, грабежа и экспроприации. Найдись у сената в данный момент такой вождь, каким был Сулла, и противная партия могла очутиться в том же положении, в каком оказались марианцы после Итальянской, а затем после Восточной войны. Но такого вождя у сената не было; там царил полный разброд, еще больший, чем в стане цезарианцев. Достаточно сказать, что лидером партии сената явился наименее приспособленный для активной политической деятельности, хотя и высокоавторитетный, Цицерон, которого, конечно, слушались так же мало, как лидеров заговорщиков - Марка Брута и Кассия.

Среди цезарианцев, однако, лицо, которое оказалось способным объединить всех, нашлось. Таким лицом был усыновленный Цезарем Гай Октавий, юноша восемнадцати лет. Объединителем и организатором он, конечно, сразу сделаться не мог и ему пришлось пройти страдный, трудный и долгий путь, путь борьбы, интриг и преступлений, прежде чем добиться общего признания и власти.

Не буду передавать все сложные перипетии этого пути и укажу только на главные этапы. На прохождение всего этого пути Октавию понадобилось четырнадцать лет сплошной гражданской войны.

В первые моменты после убийства Цезаря хозяином Рима, как сказано, сделался Антоний. Главной его заботой было, прежде всего, укрепить свою власть и получить в свои руки деньги и воинскую силу. Денег в его руках оказалось после смерти Цезаря немало. Ему была передана вдовой Цезаря касса диктатора, где деньги государственные трудно было отличить от денег частных: постоянным источником дохода был для него архив Цезаря, который дал ему неограниченное число настоящих и не меньшее число фиктивных, сфабрикованных Антонием, распоряжений Цезаря, за опубликование которых лица заинтересованные дорого и охотно платили.

Труднее был вопрос о войске. По распоряжению Цезаря Антоний должен был после консульства управлять Македонией. Но Антонию не было смысла удовольствоваться этим командованием, хотя в Македонии и была приготовленная для похода на Восток армия. Ему нельзя было быть так далеко от Рима. Поэтому одним из первых его актов было проведение закона в народном собрании о назначении ему не Македонии, а Северной Италии и Галлии на 6 лет с правом вызова туда македонского войска. Это делало его хозяином Италии.

Но на этом пути он встретился с неожиданным препятствием. Его противником выступил Гай Октавий. Соглашение между Антонием и Октавием после прибытия Октавия в Италию (в момент убийства он находился в Аполлонии) не состоялось: камнем преткновения было наследство Цезаря, его деньги, захваченные Антонием, нужные и тому, и другому, но принадлежавшие, конечно, Октавию. Возможность совместного действия Антония и Октавия (после усыновления носившего имя Гая Юлия Цезаря Октавиана) этим была парализована и силы цезарианцев разбиты.

Очередной задачей Октавиана сделалось поэтому не действие против сената и убийц Цезаря, а упрочение своего положения, получение законных магистратских полномочий и сосредоточение у себя серьезной воинской силы. На достижении этих целей Октавиан и сосредоточил все свои усилия. Для сплочения около себя вооруженных сил и создания себе популярности в народе он мобилизовал все свои денежные средства и средства своих близких. В результате ему удалось исполнить частично свои обязательства по завещанию Цезаря, объединить около себя отряд вооруженных ветеранов и привлечь на свою сторону два из четырех вызванных Антонием в Италию македонских легионов.

Получив в свои руки воинскую силу, он имел возможность добиться и создать себе нужное официальное положение. В этом ему помог сенат, для которого Октавиан был единственным средством борьбы с Антонием. Не будь Октавиана и его войска, сенату пришлось бы беспрекословно подчиниться Антонию, при помощи же Октавиана он надеялся сломить силы цезарианцев одну за другую, рассчитывая на успешность действий Брута и Кассия, которым под шум распри Антония и Октавиана удалось ускользнуть на

Восток и там воспользоваться авторитетом сената для того чтобы узурпировать власть и сплотить около себя воинские силы.

Положение Антония при этих условиях стало трудным. Остаться в Риме, имея в тылу в Северной Италии Децима Брута с войском, а в Средней - Октавиана с его ветеранами и легионами, ему было невозможно. Пришлось предоставить Рим сенату и Октавиану, а самому поскорее справиться с Брутом и укрепиться в своей провинции, откуда завоевание Рима и вытеснение из него Октавиана представлялось ему сравнительно легким.

Но неожиданная для него верность войска Брута, выжидательное положение, занятое правителями северных провинций, успехи Брута и Кассия на Востоке, энергия и решительность, проявленные сенатом после удаления Антония из Рима, наконец, соглашение сената с Октавианом разрушили его планы и поставили его в критическое положение. Децим Брут заперся в Мутине, осада затянулась, на выручку Бруту успели подойти войска сената и Октавиана, битва, данная Антонием этим войскам, была проиграна, план Антония, таким образом, казался окончательно неудавшимся и торжествующим казался сенат, руководимый Цицероном.

Крушение грозило, однако, не только Антонию, но и всей цезарианской партии. Гибель Антония неминуемо повлекла бы за собой присоединение к сенату всех северных армий, усиление уже и без того сильных Брута и Кассия, то есть неминуемое подчинение сенату и Октавиана, со всеми вытекавшими отсюда для Октавиана последствиями. Это было в достаточной мере ясно Октавиану, и он сумел расчетливой и беззастенчивой политикой разбить казавшееся несокрушимым положение сената.

Ему помог, прежде всего, случай. В битве при Мутине пали оба консула 43-го года - Гиртий и Панса. Войско их оказалось в руках Октавиана. Он сумел воспользоваться своим положением, чтобы не допустить соединения этого войска с Децимом Брутом и не дать ему довершить победу над Антонием энергичным преследованием. Этим сделано было полдела. Антоний сравнительно спокойно отходил на север и по пути пополнял свои силы.

Сам Октавиан отнюдь не намеревался добивать Антония; это не было ему поручено и сенатом, подозрительно наблюдавшим за

головокружительным ростом его сил и влияния. Своим войском он воспользовался для давления на сенат, совершенно откровенно выявив свои настоящие цели - получить консульство и настоять на отмщении за смерть Цезаря.

Движение на Рим во главе войска дало ему нужные консульские полномочия, и первым его делом было проведение через своего коллегу Квинта Педия закона о привлечении к суду убийц Цезаря. В то же время он начал переговоры с Антонием о соглашении.

Положение сената сделалось трагическим, худшим, чем во время власти Антония. Помощи ждать было неоткуда. Децим Брут делал безуспешные попытки соглашением с одной из северных армий создать новые силы для борьбы с Антонием. Марк Брут и Кассий предоставили Рим самому себе: их положение на Востоке и в войске не было достаточно прочным, чтобы рискнуть на переправу в Италию. Сенат был побежден, и победителем был Октавиан. Как только выяснилось, что соглашение Октавиана, хозяина Рима, и соединившегося с Лепидом Антония, вождя колоссальной, всецело находившейся в его распоряжении армии, возможно и вероятно, предводители северных армий перестали колебаться и присоединились к Антонию, войско Децима Брута дезертировало и сам он погиб. Антоний же предпочел продолжению междоцезарианской гражданской войны, с Брутом и Кассием в тылу, соглашение с Октавианом, которому он, до известной степени, мог диктовать свои условия, так как его армия была теперь значительно сильнее армии Октавиана.

Октавиан добился своего. Как равный с равным говорил он теперь с Антонием, создал положение, дававшее возможность открытой борьбы с заговорщиками и мести за смерть своего приемного отца. Разбитый было фронт цезарианцев вновь оказался сомкнутым. Делом времени было теперь чтобы на этом фронте первое, а затем и единственное место занял Октавиан.

Соглашение цезарианцев состоялось в Бононии в Северной Италии. Результатом его было заключение союза между тремя главарями партии - Антонием, Лепидом и Октавианом - и санкционирование этого союза в виде триумvirата, то есть установление экстраординарной магистратуры, комиссии трех магистра-

тов, трех диктаторов для переустройства государства - *reipublicae constituendae*¹. Магистратура эта была вотирована римским народным собранием по закону трибуна Тития на пять лет, до 1 января 37 года.

Дата вотирования триумvirата была началом бесконечных, нечеловеческих страданий для Италии и всего культурного греко-римского мира, из которых они вышли разбитыми и обессиленными. Летопись этой страдной поры начинается актами триумvиров после Титиева закона. Триумvирь решительно и определенно покинули пути Цезаря и вступили на старую дорогу Мария и Суллы. Объявлено было беспощадное гонение на всех нецезарианцев. Вновь появились, на этот раз легально скрепленные, проскрипционные списки; новшеством была анонимность убийц и доносчиков; имена их нигде не записывались и официально не были известны; им гарантирована была безнаказанность в будущем. Их благородные имена, однако, для потомства не погибли; частью их занесла на свои страницы история, и несколько рассказов об их подвигах сохранены нам Аппианом и Плутархом. Не буду их цитировать: все та же история человеческой гнусности в бесконечных и причудливых вариациях; на этом фоне несколько актов благородства и самоотвержения. Но не могу не привести общей характеристики происходившего, которую сохранил нам Аппиан, почерпнувший свои сведения, по всей вероятности, непосредственно у современника этих событий.

Приведя в высокой степени интересный текст эдикта триумvиров о проскрипциях (перл показного благородства и внутренней гнусности), Аппиан продолжает: «Немедленно по всей стране и по всему городу началась неожиданная охота на людей, где только кого заставляли, и бесконечные вариации убийств; убитым отрезывали головы для представления на предмет получения награды; началось недостойное бегство и причудливые переодевания. Кто погружался в колодцы, кто прятался в сточные каналы среди нечистот, кто в закопченные дымовые трубы, кто сидел, сохраняя глубокое молчание, под черепицами кровли. Не меньше, чем убийц, боялись жен и детей, враждебно настроенных, отпущенников и ра-

¹ Конституционная республика (лат.).

бов, должников и соседей, жаждавших захватить их имения. Разом поднялось все, что было до того скрыто; сенаторы, консулы, преторы, трибуны, бывшие и настоящие, недопустимым образом изменили характер своего поведения: с плачем бросались они к ногам рабов, называя их спасителями и господами. Плачевнее же всего было, когда, перетерпев и это, они все-таки не находили сожаления. Многие умирали, защищаясь от убийц, другие - не защищаясь, как будто не терпя от убийц никакой обиды; некоторые уморили себя голодом, другие вешались, бросались в море, с крыш или в огонь; одни отдавали себя в руки убийц и даже посылали за ними, когда они медлили, другие прятались, недостойным образом просили о пощаде, стараясь избежать смерти или подкупить убийц. Немало людей гибло и против желания триумвиров, по ошибке или по злему умыслу. Ясно было, кто из убитых не был проскрибирован, так как рядом с трупом лежала голова; головы тех, кто был в списках, выставлялись у ростр, где раздавалось вознаграждение. В равной мере проявлена была некоторыми большая доблесть и рвение: жены, дети, братья, рабы спасали осужденных, принимали участие в попытках их спасти и умирали вместе с ними, когда замысел не удавался. Многие добровольно умирали вместе с убиваемыми. Из бежавших некоторые погибли при кораблекрушении - судьба преследовала их до конца - другие совершенно неожиданно не только спаслись, но и достигли впоследствии высших магистратур, военных командований и триумфов».

Одной из главных целей проскрипций было добывание средств на вознаграждение войск. Конфискацией имущества погибших и бежавших эта цель, однако, достигнута не была: наличных денег казненных триумвиры, конечно, в свои руки не получили, а продажа недвижимостей и движимостей дала самые плачевные результаты; капитал естественным образом спрятался и на рынке не появлялся.

Пришлось прибегнуть к организованному и самому беззастенчивому грабежу под видом налогов и единовременных взносов со всех тех, кто обладал каким-либо имуществом. Результаты сказались быстро в почти полном прекращении деловой жизни, исчезновении денег, общем разорении. Впереди, однако, стояло еще худшее. Предстояла грандиознейшая экспроприация земель

в пользу солдат цезарианской армии, численность которой все возрастала, так как надвигалась жестокая борьба с Брутом и Кассием, окончательно захватившими в свои руки Восток и собравшими внушительные армии.

Многострадальному эллинству пришлось и на этот раз выдержать тяжелое кровопускание. Уже обессиленный Помпеем и Цезарем Восток опять должен был платить, содержать солдат, поставлять провиант, людей и вьючных животных для сухопутного транспорта, суда для морских перевозок и т. д., и т. д. И здесь экономическая жизнь замерла. Не говорю уже о тех невообразимых, необычайных жестокостях, которые проделали Брут и Кассий над неподчинившимися: история укрощения ликийских городов, где гибло население сплошь, вплоть до женщин и детей, история уничтожения цветущего когда-то Родоса показательны характерны. Во имя гражданской войны уничтожались вконец накопленные поколениями культурные и материальные богатства цветущих когда-то местностей.

Театром войны между триумвирами и заговорщиками была Македония. Здесь, при Филиппах, судьба сенатского режима решена была окончательно. В жестокой бойне войска Брута и Кассия были разбиты, вожди погибли. И на этот раз вопрос решен был не превосходством сил и войск цезарианцев, а неумелым командованием, нервностью и несогласованностью действий вождей сенатского войска.

Но битва при Филиппах далеко не была концом гражданской войны и великих испытаний греко-римского мира, не была она и окончательным разрешением вопроса о формах государственной жизни римской державы.

Положение в государстве и после этой битвы оставалось смутным и тяжелым. Триумвират победил, но в этой победе ясны были симптомы дальнейшего развала и еще более грозных осложнений. После победы Антоний - главный ее герой - избрал себе более легкую, на первый взгляд, и более благодарную задачу - хозяйничать на Востоке, вести войну с Парфией и добыть денег для уплаты войскам за победу. Октавиан должен был оделить солдат землею и урегулировать отношения в западной части римской державы и в Италии.

Это были главные задачи момента, задачи сложные и нелегко разрешимые. Претендентов на крупные должности и денежные награды было без конца, обещаний было дано безграничное количество, не меньше было претендентов и на земли в Италии. Добыть же нужное было нелегко. Римский Восток был истощен до крайних пределов, взять с него было нечего, ограбление имущих было здесь доведено до конца. Это было ясно и Антонию. Надо было искать новых источников, то есть идти путем аннексий и грабежа тех, кто на Востоке так или иначе сохранил еще свою самостоятельность.

Таковыми государствами были Египет, Армения и Парфия. Египет сопротивляться не мог и принужден был пойти на соглашение. Завоевывать и грабить его не входило в интересы Антония. Ему важно было владеть Египтом как постоянным источником дохода и как опорой своей власти на Востоке. В результате состоялось соглашение между царицей Египта Клеопатрой и Антонием, принявшее в конце концов обычную в эллинистическом мире форму брачного союза. В какой мере к делу примешалась любовь Антония к Клеопатре, безразлично. На первом плане стояла не она, а общие интересы: Клеопатра спасала свое положение, Антоний сохранял себе нужный ему политический и финансовый резерв.

Труднее было справиться с Арменией и Парфией. Богатств здесь было накоплено немало, но для завладения ими нужно было вести серьезную и длительную войну. Сила иранства не только не была сломлена, но даже не надломлена, и сломить ее было нелегко. Попытки Антония, при всем напряжении и при умелом руководстве, реальных результатов не дали. Наличных сил у Антония для серьезной войны не было или было мало, а на содержание больших сил не хватало средств. То, что удалось взять с Армении, быстро поглощено было неудачными войнами с Парфией.

Таким образом, быстро и легко исполнить свои обязательства по отношению к ветеранам в Италии не удалось Антонию, и этим объясняется то, что он неохотно и ненадолго появлялся в Италии, предоставляя Октавиану выпутываться из трудного положения, как он умел.

Попытки сначала Фульвии, жены Антония, привлечь его в Италию, а затем после смерти Фульвии старания Октавии, сестры Октавиана, новой его жены, отвлечь его от Востока и в тесном объединении с Октавианом управлять миром, опираясь на Рим и Италию, не удались. Антоний предпочел сосредоточить свои усилия на Востоке и сковать себе здесь, опираясь на Египет, прочную монархическую державу. Средств на содержание одних ветеранов и восточных легионов у него хватало, удовлетворить же всех, с кем он связал себя обещаниями, он не мог.

Такая политика Антония выяснилась, конечно, не сразу. На первых порах поэтому Октавиан в Италии принужден был все время считаться с тем первенствующим положением, которое занимал Антоний. Его главной задачей в первое пятилетие триумvirата, соответственно такому положению вещей, было эмансипироваться от Антония, развязать себе руки и приобрести вполне независимое положение, опираясь на Италию и на Запад.

В первое время эта задача казалась неисполнимой. Трудности, с которыми надо было бороться, были бесконечны. Только необычайная выдержка, такт, ловкость и умение обходиться с людьми позволили Октавиану постепенно упрочить свое положение и достигнуть намеченной цели.

Сразу же по возвращении в Италию он столкнулся с двумя основными вопросами - вопросом о наделении ветеранов землей и вопросом продовольственным. Земли у государства в Италии не было; конфискованные у сторонников сената земли, по большей части, так или иначе перешли в частное владение: многое захватили сами триумвиры и не склонны были с этим земельным фондом расстаться. Приходилось, таким образом, и здесь использовать систему Суллы, то есть систему экспроприации. Но если Сулла имел дело с италическими, только что побежденными врагами Рима, то перед Октавианом стояло мирное трудовое гражданское население Италии, ничем не провинившееся и составлявшее основу экономической жизни страны. Экспроприировать их значило разрушить Италию, создать на руинах интенсивного и цветущего хозяйства бесплодное и заранее обреченное на разорение землевладение отвыкших от работы и не желавших работать солдат, хорошо усвоивших себе только одно ремесло - ремесло убийств и грабежа.

Но выхода не было, и Октавиан решился на широчайшие экспроприации без выкупа, сопровождаемые грабежом, насилиями и убийствами. Все лучшее в Италии было выброшено за борт, усилило кадры городского пролетариата, наполнило Италию шайками разбойников и обеспечило постоянный приток сил засевшему в Сицилии во главе пиратских войск Сексту Помпею. Развилась и сильнейшая эмиграция из Италии, огромная масса рабочей силы хлынула в Африку, в Испанию, в Галлию, найдя себе приют, частью в ущерб местному населению, в крупных имениях римских магнатов - в качестве зависимых арендаторов, будущих крепостных колоннов.

Развал сельского хозяйства в Италии создал колоссальнейший продовольственный кризис, еще усиливший и без того все возраставшее недовольство населения. Усугубился кризис тем, что слабый вначале Секст Помпей сделался теперь могучим вождем флота и войска, опиравшимся на богатую хлебную Сицилию и отчасти Африку и прекращавшим подвоз в Италию, когда ему это заблагорассудится.

Экспроприация Италии, голод и недовольство населения неминуемо должны были вызвать попытку вооруженного сопротивления. Нужен был только вождь. Вождем обездоленных италиков выступил Луций Антоний, брат триумвира, действовавший в согласии с женой триумвира, Фульвией. Экспроприации в Италии были для него только агитационным средством.

Целью было затруднить деятельность Октавиана и добиться возвращения в Италию Антония и захвата им власти единолично. Последуй Антоний призыву брата, и в Италии вновь загорелась бы гражданская война, из которой Октавиан вряд ли вышел бы победителем.

Но Марк Антоний не решился на войну. Он предпочел предать брата и войти в соглашение с Октавианом, ценой отказа от всякого влияния на Италию. Почему он это сделал, остается неясным. Возможно, что он не в состоянии был купить италийские войска и боялся, что, явившись в Италию без денег, он погубит свое дело навсегда. Результатом этого предательства была жестокая война (так называемая Перусинская) и беспощадная экзеку-

ция Италии; сильнее других пострадала Умбрия и город Перусия, где заперся Луций Антоний с войском.

Соглашение с Антонием, в которое, по требованию Италии, включен был и Секст Помпей, было колоссальным успехом Октавиана. Отныне в Италии не было более войск Антония, оппозиция Италии была разбита, весь Запад подчинился Октавиану, и только делом времени было уничтожение Секста Помпея, требовавшее, правда, огромного напряжения сил от Октавиана. Ликвидируя власть Помпея в Сицилии, Октавиан попутно устранил и Лепида, который был ему единственной помехой на Западе. Устранение это никаких осложнений не вызвало, так как войска Лепида охотно перешли к Октавиану, в руках которого находились италийские земли.

После таких головокружительных успехов Октавиана столкновение между ним и Антонием и новая гражданская война были неизбежны. Длительный раздел римской державы между Антонием и Октавианом был немыслим и о нем серьезно не помышляли ни Октавиан, ни Антоний. Восток без италийских легионов был колоссом на глиняных ногах, Запад без промышленного и торгового Востока обречен был на захирение и упадок.

Предстояла решительная борьба. Победителем в ней должен был быть тот, кто сумет сплотить около себя наиболее действенные силы, силы Италии и западных провинций, силы римского гражданства, единственные силы, на которых и в данный момент могла основываться мировая власть. От этих сил соглашением 37 года Антоний был изолирован, все попытки войти с ними в контакт и отвлечь их от Октавиана парализовались Октавианом и кончались неудачами. Октавиан же, наоборот, своей связи с Италией не порывал ни на минуту, укрепляя одновременно свою связь с войском и пополняя его силы.

От такта Октавиана зависело теперь, даст ли ему в этот трудный момент Италия свою поддержку, сплотится ли она около него. И с этой задачей Октавиан справился блестяще. Он не торопился. Приготовления Антония, накопление им денег, постройка флота, набор местных контингентов ему не были страшны. Главной его задачей было вооружить против Антония Италию, создать враждебное к нему настроение среди всех слоев римского

гражданства, договориться с сенатом, с всадничеством и с рядовым гражданством Италии.

Поэтому он спокойно ждал приближения срока окончания триумвирата, возобновленного при соглашении 37 года (срок этот спорен, и я на нем останавливаться не буду), подготавливая в то же время силы и создавая благоприятное для себя настроение в Италии.

Большим козырем в руках Октавиана были отношения Антония к Египту и его неприкрытый монархизм. И в том, и в другом обвинять Антония, по существу, нет никакого основания. Когда после 37 года, а особенно после победы над Секстом Помпеем и разоружения Лепида, положение Октавиана на Западе вполне упрочилось и надежды на соглашение с ним на прежних основаниях у Антония оставалось весьма мало, его власть над Египтом стала для него особенно нужной и важной. Он был очень нежным мужем сестры Октавиана - Октавии, но и она для него, как для каждого политика Рима, была, главным образом, политическим средством, служа связующим звеном между ним и Октавианом.

Связь его с последним порвалась, и длить разрыв с Клеопатрой Антонию было невыгодно. Совместить же обеих было невозможно. Можно было, конечно, и теперь взять Египет вооруженной силой. Но это требовало времени, денег и войска, а всего этого у Антония было не так много. Получить же то, что ему было нужно, он мог от Клеопатры и миром, возобновив с нею брачный союз. Нужны же ему были флот и деньги. Их передача Октавиану, вполне возможная при разрыве с Клеопатрой, была бы после парфянских неудач гибелью всего дела.

Но Клеопатра требовала компенсации. Она желала, чтобы ей и ее детям были гарантированы престол Египта и даже расширение египетских границ. Согласиться на это не было ни умалением римского достоинства, ни изменой Риму. И сенат, и Сулла, и Помпей, и Цезарь перетасовывали вассальных династов Востока по своему усмотрению. Самая же система управления Востоком через царей-вассалов была системой и старой, и удобной, пока Рим жил в условиях сенатского строя.

Монархизм Антония был также вполне естественным. Его главной опорой был теперь Восток, признававший и повиновав-

шийся только монархической власти. Уже Цезарь был для Востока монархом, сделался им и Октавиан после победы над Антонием; ясно, что и Антоний на Востоке иначе себя вести не мог. Как относился Антоний к вопросу о власти после победы над Октавианом, это вопрос спорный, вероятнее всего, что и в этом он шел по стопам Цезаря, а не Помпея и Октавиана, и компромиссы считал ненужными. Но открыто он этого нигде не высказывал.

На этих особенностях власти Антония Октавиан построил целую систему его дискредитирования в Италии. Себя Октавиан везде и всюду выставил охранителем римской конституции, старого строя, заступником римской свободы против призрака восточного царства, в стремлении к которому он обвинял Антония.

Большим успехом для его кампании были интимные письма к нему Антония и особенно опубликование Октавианом в последний момент завещания Антония, депонированного у весталок. В этом завещании Антоний зафиксировал свои уступки Клеопатре и ее детям, которые частью были и детьми Антония.

Весьма вероятно, что Октавиан заручился и поддержкой сената, пойдя на значительные уступки по его адресу. Об этом наши источники ничего не говорят, но только этим и можно объяснить поддержку сенатом Октавиана и поведение Октавиана после победы над Антонием.

Агитация против Антония имела успех. Затронуты были те чувства, которые живы были у каждого римского гражданина. Перед Италией поставлена была дилемма, хорошо ею усвоенная путем настойчивых, упорных, повторных разъяснений: или рабство у Клеопатры, которая сделала своим рабом Антония (вся раздутая историей собачья привязанность Антония к Клеопатре, несомненно, дело рук писателей, усвоивших официальную точку зрения Октавиана), или сохранение первенства римского гражданства, удержание римской *libertas*¹ и свободного строя под охраной защитника и патрона этого строя, Октавиана.

Италия, несомненно, поверила Октавиану, забыла все ужасы проскрипций и экспроприаций, сплотилась около него, принесла ему присягу на верность, дала деньги на войну, выставила грозное

¹ Свобода (лат.).

войско и могучий флот. Все эти силы Октавиан повел не против Антония, а официально против поработившей и обманувшей его Клеопатры. Война была объявлена Египту, хотя Египет в этой войне играл такую же роль, как и другие вассалы Антония, давшие ему флот, войско и деньги. Исход войны был предрешен.

Агитация Октавиана имела успех не только в Италии, но и в войсках Антония. Антоний требовал от своих приближенных и войска повиновения. Он стоял на точке зрения Цезаря и не делал резкой разницы между своими подчиненными, были ли то римские генералы и офицеры или вассальные цари и талантливые греки. Это обижало и оскорбляло римлян, и их преданность Антонию становилась все более и более сомнительной.

Война была решена одной морской битвой при Акции. Антоний правильно считал, что его единственное преимущество - это его великолепный флот. На суше его войску невозможно было противиться легионам Октавиана. Слишком долго сражался Антоний во главе этих легионов, чтобы не знать того, что его сборное войско - слабое оружие, даже в его руках, против сплоченных сил Италии. Но в расчете на свой флот он ошибся. Он не учел того, что римский крейсерский легкий флот под командой Агриппы проделал ответственную морскую войну против Секста Помпея, приобрел большой опыт и выработал приемы борьбы против броненосных эскадр эллинизма.

В битве при Акции Антоний потерпел решительное поражение. Он не продолжал сопротивляться на суше и отправился умирать в Египет, зная, что сопротивление бесполезно. В Египте он покончил с собой, когда сдача его Октавиану сделалась неизбежной. Покончила с собой и Клеопатра, когда убедилась, что Октавиан твердо решил сам встать на ее место и на место ее детей как владыка Египта.

Октавиан после этого остался один единым владыкой мировой римской державы, вождем римского гражданства.

РИМ И РИМСКАЯ ДЕРЖАВА ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Победа при Акции и смерть Антония сделали Октавиана распорядителем судеб римской державы, во всяком случае на ближайшее время. Соперников у Октавиана не было, но они могли явиться, если не немедленно после окончания войны, то через некоторый промежуток времени.

Почему этого не случилось и почему Октавиану удалось не только удержать власть в своих руках до своей смерти, но и упрочить созданную им форму строя на целый ряд столетий, вплоть до установления в Риме чистого абсолютизма восточного типа?

Причины этого поразительного явления надо искать ближайшим образом, с одной стороны, в том состоянии, в котором находилась римская держава после гражданских войн как материальном, так и психологическом, с другой - в форме того строя, который установлен был Октавианом в согласии с общественным настроением и создавшимися политическими, экономическими и психологическими условиями.

С 48 года до Р. Х. вплоть до 30-го, то есть в течение 18 лет, вся римская держава находилась в состоянии непрерывной гражданской войны, почти без передышек и без просветов. Война то сосредоточивалась в Италии, то перебрасывалась в провинции Запада и Востока, вовлекая в свою орбиту все большие и большие массы населения.

Номинально сталкивались между собой две группы римского гражданства, но реально в войне приняли участие все - граж-

дане, союзники, провинциалы, вассальные монархи. Осложнилась война и вовлечением в сферу ее действия соседних самостоятельных племен и государств: завоевание Галлии, походы Цезаря в Британию и Германию, аннексия Египта, попытки завоевания Армении и Парфии тесно связаны с гражданской войной.

Ни для кого гражданская война не была благом, для всех – величайшим бедствием.

Попытаемся представить себе реально, что дала гражданская война для отдельных частей римской мировой державы, главным образом, для тех, которые составляли основу политической и экономической мощи Рима, для промышленного и торгового Востока и для гражданской Италии.

Я уже не раз говорил о том, что пришлось вынести Элладу и эллинскому Востоку в эпоху гражданских войн. Митридат, Сулла, Фимбрия, затем Помпей, Цезарь, Брут и Кассий, Антоний и, наконец, Октавиан смотрели на Восток исключительно как на средство для достижения своих политических целей, используя его до конца при помощи самых крайних мер насилия и принуждения. Никто из них не думал о будущем, для всех нужно было получить немедленно все нужное для войны и притом в кратчайший срок.

Результатом было, конечно, материальное разорение целых государств, областей, городов, безмерное обнищание частных лиц. Исчез капитал, исчезла охота работать над своим материальным благосостоянием. В центрах торговой и промышленной жизни, даже тех, которые особенно поднялись в эпоху римского владычества, на Делосе, Родосе, в Афинах жизнь замерла и рынки опустели.

Еще печальнее было моральное состояние. Греческая свобода и гражданственность были разбиты, надежда на какое бы то ни было возрождение подорвана в корне, никто не был уверен даже в том, сохранит ли он, по крайней мере, личную свободу и не станет ли его завтрашний день на рабском рынке в качестве объекта продажи.

Вся творческая жизнь эллинства замерла, и замерла надолго. Созидательные силы, казалось, были исчерпаны. Не было такого периода в истории эллинской культуры и государственности, когда бы так глубоко опустился уровень греческого созидания.

Литература, философия, наука жили почти исключительно старым накопленным богатством. Последние великие творцы, как Посидоний, доживали свой век, новых не появлялось.

Даже пластические искусства, на произведения которых имелся большой спрос в римском обществе, жили повторением старого. В том же состоянии находилась и художественная промышленность, поражающая своей бедностью и убожеством, промышленность, так блестяще расцветшая в эпоху раннего эллинизма. Целый ряд производств, как, например, гордость и слава Эллады, ее керамика, почти исчезают из обихода, и греческий мир, заливавший когда-то весь бассейн Средиземного моря своими керамическими изделиями, начинает питаться ввозом с Запада.

Характернейшим явлением этой эпохи надо считать постановку процесса органического претворения всей восточной жизни греческим гением как в области экономической, так и в области культурной и религиозной.

Вновь оживают старые формы хозяйственного уклада. Это особенно заметно в области землевладения и эксплуатации земли. Растут и множатся крупные земельные владения, и в них не только не умирает, а ширится и развивается как форма использования, старое крепостное хозяйство, базой которого продолжает быть прикрепленное к земле исконное оседлое сельское население.

Процесс превращения этих крепостных в собственников прерывается, возникновение греческих общин на территориях царских имений приостанавливается, старый уклад быта и взаимоотношений – уклад времен Персидского царства – возрождается и укрепляется.

Новую силу приобретают государства-храмы, с которыми успешно боролся эллинизм. В Египте эта реставрация восточного уклада сказывается с особенной яркостью. В высокой степени показательно возрождение храмов и жречества с их своеобразным экономическим и социальным укладом.

Все это, конечно, не препятствует продолжению процесса внешней эллинизации, распространению греческого языка и греческой письменности. Но под этой оболочкой во многих случаях мы находим идейное содержание, с греческим миром идей связанное только внешним образом. Примером может служить пыш-

но расцветающая иудейская литература на греческом языке и так называемые Сивиллины стихи - пророчества, где причудливо сочетается греческое и восточное с преобладанием второго.

Реставрация старых восточных идей особенно ярко сказывается в религиозных течениях. Греческая религия в ее наиболее совершенных выражениях - культе Аполлона и культе Диониса - теряет свою притягательную силу, на ее место становятся внешне эллинизованные, но отнюдь не потерявшие своего восточного существа старые, частью очень примитивные, культы: культы малоазийско-фракийские (культ великой женской богини, часто в сочетании с ее мужскими спутниками, в виде двоицы или троицы) с глубоким мистическим содержанием; культы иранские (Мифра); культы сирийские солнечные, с тенденцией к солярному монотеизму; культы семитические, и среди них культ Иеговы, с рассеянием иудейства приобретающий мировое значение; культы египетские (главным образом, Сараписа и Исиды) и многие другие.

Начинает или продолжает с особой силой свое победное шествие эллинизованная вавилонская астрология-прибежище смятенных душ, неуверенных в завтрашнем дне и жадно заглядывающих в будущее. Сильнейшее влияние даже на сильные и творческие греческие умы оказывает восточная мистика, гениальным проводником которой является творческий литературный и философский гений Посидония.

Словом, под внешней греческой оболочкой, потерявшей свою притягательную силу и свой моральный авторитет, разрушенный римским господством, где внешнее преклонение перед эллинской культурой и жадное ее усвоение сочеталось с полным презрением и унижительным третинованием эллинизма в целом, проступает старый восточный мир во всем его разнообразии. Чувствуется, что этот мир готовится к победному шествию на Запад и к подчинению формам своего уклада того, что греки гордо называли *οἰκουμένη*¹, понимая под ней мир, претворенный эллинизмом, римляне - *orbis terrarum*² или *Romanus*³, слившийся с царственным городом Римом.

¹ Ойкумена (греч.).

² Земной диск (лат.).

³ Римский (лат.).

Основной причиной этого возрождения Востока надо, конечно, считать римское завоевание, насильственно прервавшее процесс внутреннего приобщения Востока к эллинизму и не смогшее противопоставить ему своей глубокой и творческой внутренней работы. Римская империя пыталась возродить прерванный процесс эллинизации, но было уже поздно: творческие силы эллинизма веками унижения и рабства были подорваны в основе.

Несколько иную картину представляет Запад, и преимущественно Италия. Высшие классы римского гражданства (сенатское и всадническое сословия - носители греко-римской культуры и представители имущего класса) потерпели жестокое поражение в политической борьбе, жестокое, но не полное. Как мы увидим ниже, конституция Октавиана не была и не могла быть чистой монархией, основанной на базе бессословного подданства. Она была компромиссом между военной властью, которой имущие классы уступили суверенитет, и сенаторским и всадническим сословием, удержавшими все свои сословные, имущественные и культурные преимущества.

Роль сената и всадничества как политических единиц изменилась, но они остались аристократией и господствующими классами населения в ущерб тем, кто оказался победителем в политической борьбе, то есть пролетариату и пролетарскому войску.

Но оба эти класса жестоко пострадали в кровавой борьбе. Все лучшее, самостоятельное, инициативное и гордое своим великим прошлым частью было уничтожено, частью бесконечно унижено. Материальное благосостояние старых родов было подорвано в корне, имения конфискованы, капиталы расхищены. На смену им явились новые люди, верные слуги и помощники военной власти, в значительной части не римляне по рождению, частью - италийцы, частью - провинциалы.

Этой новой знати открывалась широкая дорога воссоздания аристократии, с одним условием - восприятия нового режима в том виде, в котором он был построен Октавианом. При этом единственном условии они могли легко возродить и свое материальное благосостояние, и свое социальное первенство.

И это было сделано, частью - на руинах старых правящих родов, частью - использованием экономических условий, созданных гражданской войной.

Разбитым и почти в корне уничтоженным вышло из гражданской войны трудовое землевладельческое население Италии, крестьяне и мелкие помещики. Огромные их массы прошли, как мы видели, через пролетариат и через ряды войск честолюбцев, боровшихся за власть. В некоторой части они вернулись на старые места или получили новые наделы, как ветераны. Но трудовые навыки и творческая инициатива были ими утеряны, и они сделались легкой добычей не умершего и даже не обессиленного капитализма.

Вспомним, что в городах, в составе пролетариата, они привыкли к жизни без работы, на счет государства; жизнь эту они продолжали затем и в войске, присоединяя к приобретенному навыку безделья еще более пагубный навык насилия, жизни за чужой счет, грабежа и убийства. Насилием приобретали они и землю, насилием водворялись в чуждую им среду местного трудового населения. Ясно, что эта часть населения Италии и в первом, и в следующих поколениях не только не способна была возродить экономическую жизнь страны, но не в состоянии была даже длительно удержать в своих руках даром доставшиеся наделы, с которыми не соединяли ее ни традиция, ни привязанность, ни трудовые навыки.

Пала и сопротивляемость в борьбе с капиталом оставшегося на местах земледельческого населения. Общая экономическая разруха не могла не отразиться и на нем. Поборы, налоги, содержание войск ложились на него тяжелым бременем. Лучшие силы предпочитали бросать насиженные места и искать заработка иным путем, оставшиеся же запутывались долговыми обязательствами и легко теряли свою хозяйственную самостоятельность.

В силу всего этого, крупный капитал, как и всегда тяготевавший к земле, встречал необычайно благодатную почву для подчинения себе мелкой собственности, и рост крупной земельной собственности в Италии не только не остановился, но даже не приостановился. Львиную долю, конечно, получили победители, прежде всего, сам Октавиан. Вместо трудового землевладельче-

ского населения, вырос в численности городской пролетариат, а на нивах и полях Италии землевладелец-собственник превращался в арендатора, все более и более зависимого от собственника земли, все более и более сближавшегося с крепостным крупным восточным латифундией.

Значительные массы трудовых итальянских элементов эмигрировали. Эмигрировали, конечно, в новые земли, открытые им завоеваниями республики. Не на Восток, где их ждала тяжкая и непосильная конкуренция, а на Запад: в Африку, Испанию, Галлию. Творческая часть Италии ушла из нее, романизовала новые провинции, способствовала их экономическому и культурному расцвету, создала будущую романскую Европу. Но эта работа претворения новых областей поглотила в значительной мере их творческую энергию и медленно создавала возможность не только материальной, но и культурной творческой работы на новых местах, особенно поскольку дело касалось высших культурных достижений.

В западных провинциях эмигранты составили не только население земледельческое, но заполнили и старые городские центры, создавая одновременно новые. В ущерб Италии, они отдали провинциям свое трудовое творчество не только в области земледелия, но и в области промышленности. Вместе с ними перекочевал в провинции ряд производств (керамика, металлургия и др.), сочетавшихся с местными навыками и завоевавших провинциальные рынки. Творчество Италии расплылось в ущерб углублению.

Италия обезлюдела и запустела. У латинского мира не стало более культурного питающего центра, работа которого становилась все более и более вялой, все более и более механической. Нерв жизни перешел на окраины культурного мира, где обломки творческой Италии только медленно и постепенно изменяли местные миры, не имея силы без питающего центра довести эту работу до конца. Естественно, что и здесь, как и на Востоке, за греко-латинской оболочкой постепенно все более и более протупает местная основа, постоянно питаемая притоком сил извне.

В теснейшую связь с отмеченным упадком творческих сил Италии, их распылением и размельчением в провинциях я бы по-

ставил и то, что мы наблюдаем для интересующего нас времени в области художественного, специально литературного и научного творчества.

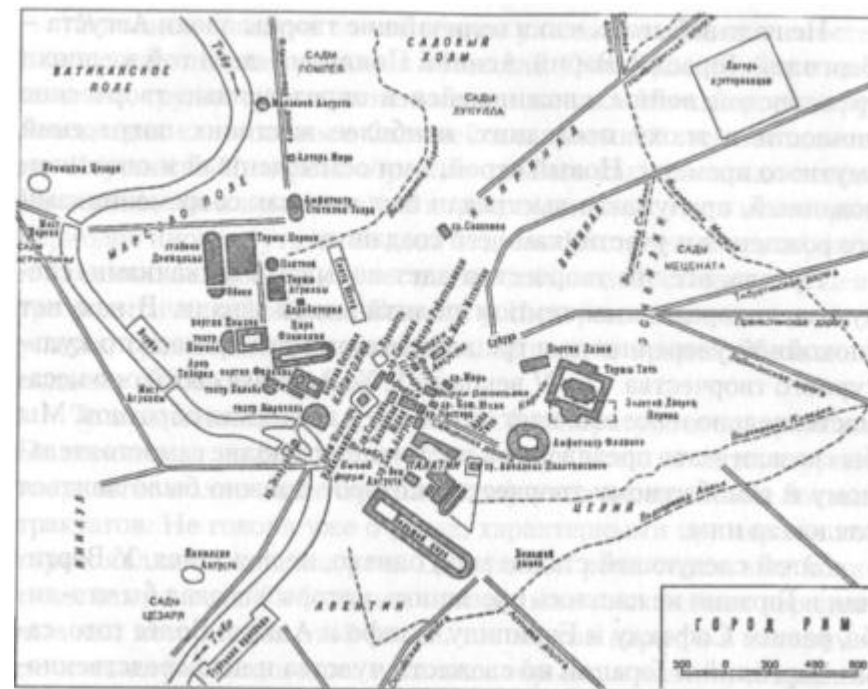
Ко времени начала гражданских войн латинское племя, вобрав в себя немало элементов разноплеменного населения Италии, достигло апогея своих творческих сил. Народ-победитель в мировой борьбе жадно усваивал себе греческие культурные достижения, всасывая их во все поры своего организма. Усвоение было не механическим, а органическим. Параллельно ему шла самостоятельная творческая работа: выковывался мировой латинский язык в прозе и поэзии, оригинально и творчески разрабатывались отдельные литературные жанры в применении к местной жизни (трагедия, комедия, эпос, так называемая сатира и др.), вносилось кое-что новое в некоторые научные дисциплины, причем наиболее могучее творчество проявлено было в области права.

Все это общеизвестно. Нарождался, таким образом, могучий ренессанс эллинского творчества на новой национальной базе. Латинство, казалось, в мировой культурной истории должно было сменить усталое и разбитое эллиниство.

Гражданская война не прервала и не могла прервать этого процесса. Как уже указано было выше, латинское творчество получило даже новый приток сил из всей латинизованной после союзнической войны Италии. Более того, несомненно, что апогея своего развития латинский ренессанс достиг именно в эпоху гражданских войн.

В это время создалась великая философская поэма Лукреция «О природе», чарующее сочетание глубокой мысли и высокой поэтической красоты. Плеяда лирических поэтов, представителем которой для нас является Катулл, влила новую жизнь в измелчавшиеся формы эллинистической лирической и эпической поэзии.

Блестящий гений Цицерона одновременно создает лучшие образцы латинского судебного и политического красноречия и приобщает латинский мир к греческому философскому мышлению, вводя, вместе с тем, в обиход культурного римлянина основные понятия греческой государственно-правовой теории в применении к римской действительности и греческой теории ре-

Рим в первые десятилетия существования Римской империи

чи, в связи с развитием латинского языка и латинского красноречия.

Ряд историков, примыкая опять-таки к греческим образцам, самостоятельно и творчески претворяют в своем сознании прошлое римского народа и создают блестящие исторические произведения разных типов и разных стилей: Саллюстий и Цезарь черпают из современной им действительности материалы для своих исторических монографий, преследующих не одни научные, а, главным образом, политические цели; Корнелий Непот примыкает к плеяде историков-биографов; Тит Ливий подводит итоги римскому летописанию, давая законченный образец оригинальной римской концепции истории, как литературного жанра.

Наконец, Варрон, следуя методам эллинистической науки, пытается систематизировать, с культурно-исторической точки зрения, особенности римского государственно-правового, культурно-исторического и религиозного уклада.

Не надо забывать, что и величайшие творцы эпохи Августа - Вергилий, Гораций, Варий, Асиний Поллион - дети той же эпохи гражданской войны, сложившейся в определенные творческие личности в эпоху последних, наиболее жестоких потрясений смутного времени. Новый строй, ими осмысленный и опоэтизированный, продуман и выстрадан был ими как современниками его рождения и участниками его создания.

Правда, все это творчество идет порывами и скачками, следуя за лихорадочным темпом политической жизни. В нем нет спокойной уверенности и грациозного размаха греческого культурного творчества VI и V веков до Р. Х. В основе своей оно несамостоятельно и все еще идет на поводу у греческих образцов. Мы бы сказали - это преддверие к настоящему, вполне самостоятельному и самобытному творчеству, которое должно было явиться следом за ним.

Этой следующей стадии мир, однако, не дождался. У Вергилия и Горация не нашлось преемника, который создал бы что-либо, равное Софоклу и Еврипиду, Сапфо и Алкею. Более того, сами Вергилий и Гораций по свежести чувства и непосредственности восприятия не могут равняться с Лукрецием и Катуллом. На их творчестве лежит печать меланхолии, усталости, разочарования и пессимизма, несмотря на кажущуюся бодрость и полуофициальный оптимизм. То же мы находим и у Ливия, и в усиленной степени позднее и в иных условиях у последнего творческого гения Рима - Тацита.

Творческая Италия - не забудем, что огромное большинство этих творцов не римляне по рождению, а италики: Цицерон - арпинат, Катулл - веронец, Варрон - сабин из Реате, Вергилий - мантуанец, Гораций - южанин, луканец и апулиец - не дойдя до высших ступеней оригинального творчества, начали увядать и никнуть. Причиной этому были, конечно, гражданские войны и то общее обессиление Италии и латинства, которое сказалось и в экономической жизни. Для творческой жизни не было здоровой питающей среды. Недаром же ряд преемников великих творцов эпохи гражданских войн являются уже не уроженцами Италии, а детьми западных провинций (Марциал, Апулей и др.).

В полном согласии с этим общим упадком находится и постепенное падение настроения в обществе. О настроении масс нам, конечно, трудно судить за неимением данных. Но настроение руководящих классов нам в большей или меньшей степени известно. Переписка Цицерона отражает нам его как в письмах самого Цицерона, так и в письмах его корреспондентов - для некоторых периодов иногда чуть ли не день за днем. Настроение это нервное и изменчивое, как это и естественно для людей, стоявших в центре политической жизни. Бывали у Цицерона периоды полного упадка, граничащего с отчаянием, бывали и времена большого подъема и боевой энергии.

То же мы наблюдаем и в остальной литературе этого времени. Политическая лихорадка отражается на всех, и литературное творчество полно политических памфлетов и партийных боевых трактатов. Не говоря уже о речах, характерными примерами которых являются для нас речи Цицерона и речи отдельных политических деятелей, в большем или меньшем искажении переданные нам историками этой эпохи, тот же тон царит и в исторических монографиях, и даже в жалких обрывках поэзии, сохранившихся до нашего времени.

Напомню партийные исторические брошюры Саллюстия, его «Югуртинскую войну» и «Заговор Катилины», где сконцентрированы все те обвинения, которые выдвигались демократической партией против сенатского режима вообще и против сенаторского сословия, как носителя этого режима. Напомню и тонкие исторические записки Цезаря об его войне в Галлии и о гражданской войне, где Цезарь тоном беспристрастного летописца, почти не насилюя истины, внедряет в читателя свою точку зрения на то, что он сделал и как он поступал в трудные моменты своей и государственной жизни.

Еще более показательны поэты. Наряду со страстной и чувственной любовной лирикой, мы находим такие же страстные и резкие политические выпады по адресу политических противников поэта. Особенно пышно расцвела эта политическая поэзия в эпоху триумvirата Цезаря, то есть в эпоху некоторой передышки с внешней стороны, но грозных и всем понятных признаков возрождения гражданской войны. Направлена она была спе-

циально против триумvirата, и особенно против Цезаря. Варрон, Кальв, Фурий Бибакул, Катулл резко и определенно высказывают свое отношение к надвигающемуся самодержавию, не щадя личностей и не стесняясь в выражениях.

«Тот Великий (Помпей), говорит Кальв, которого все боятся, скребет себе голову одним пальцем. Чего, подумаешь, ему надо? - Мужчину» ¹.

Ушатом помоев обливает Катулл сподвижника Цезаря Мамурру, нажившего себе на службе у Цезаря огромное состояние. Достается попутно и самому Цезарю, и его коллегам.

«Кто, кроме бесстыдников, обжор и кутил, может это видеть, может сносить? Мамурра владеет теперь тем, что имели раньше и волосатая Галлия, и далекая Британия! Бесстыдник Ромул, ты это видишь и сносишь!» ².

И он, гордец и богатея, будет теперь постоянным гостем всех спален, он - этот белый голубок и Адонис! Бесстыдник Ромул, ты это видишь и сносишь! Ну так ты и впрямь и бесстыдник, и обжора, и кутила!

Так это затем-то ты, единственный император, побывал на острове крайнего Запада, чтобы этот любимый ваш истощенный член съел 20 или 30 миллионов! Ну чем это не воровская щедрость! Мало он еще просадил, мало сожрал. Сначала пошло в клочья отцовское добро, затем - понтийская добыча, далее - испанская, о которой знает кое-что золотиносный Таг; и такого негодая бояться Галлия и Британия! Зачем носитесь вы с этой дрянью? Что он может, кроме как пожирать жирные состояния? Для этого-то вы, почтенные граждане, тесть и зять (Цезарь и Помпей) погубили весь мир!»

Чем дальше, однако, развивалась гражданская война со всеми ее ужасами, бедствиями и разорениями, тем более падало настроение. Боевые клики умолкли, гнетущая тоска и ужас ожидания охватили всех, тоска и ужас, граничившие с отчаянием. Беда

¹ Жалею, что не могу дать хорошего поэтического перевода. В русской литературе нет этих переводов. Проза, к сожалению, плохо передает всю остроту и яркость этих чисто Архилоховских выпадов. - *Примеч. автора.*

² Надо помнить, что Цезарь вел свой род от албанских царей и любил этим щеголять. - *Примеч. автора.*

за бедой, война за войной - все рушится и нет просвета. Гибнет государство, рушится жизнь. Спасения и выхода нет нигде, разве только где-то за пределами действительного мира на островах блаженных.

Этим настроением проникнут замечательный 16-й эпод Горация, написанный вскоре после битвы при Филиппах, где вместе с другими сдался победителю и молодой офицер Брута - Гораций, до этого мирно заканчивавший свое образование в Афинах. Ближайшим поводом, может быть, были ужасы Перусинской войны. Приведу этот высокохудожественный эпод в мастерском изданном переводе А.П. Семенова-Тян-Шанского, разрешившего мне воспользоваться им для этой статьи.

К римскому народу

- Вот уже два поколения томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается,-
Рим, что сгубить не могли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этруская,
5. Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллоброги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью,-
10. Отдаст он землю зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас, и звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается:
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О, ужас! будут дерзостно разметаны...
15. Или, быть может, вы все, иль лучшие, ждете лишь слова
О том, чем можно прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как фокейцы,
Проклявши город, всем народом бросили
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
20. Чтоб в них селились вепри, волки кровожадные,-
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали по морю!
Это ли вам по душе? Или кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!

25. Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес, - неместно наше возвращение!
К дому направить корабль, да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку,
Или когда Апеннин высокий низвергнется в море,-
30. Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни,
Козла ж заманит моря глубь соленая!
35. Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращения,
Мы всем гуртом, иль стада бестолкового
Лучшею частью - бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах
Одни надежду с волей потерявшие.
Вы же, в ком сила жива, не слушая женских рыданий,
40. Летите мимо берегов Этрурии:
Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем же землю ту и острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
45. Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины,
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, где с горных
Высей сбегает вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
50. Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Мочливый Эвр дождями непрерывными,
55. И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Все умеряет там Царь небожителей.
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.
Не устремлялся в тот край гребцами корабль аргонавтов,
60. Распутница Медея не ступала там;
Не направляли туда кораблей моряки-финикийцы,
Ни рать Улисса многопретерпевшего.
Зевс уготовил берега те для рода людей благочестных,
Когда затмил он золотой век бронзою;
65. Бронзовый век, оковав железом, для всех благочестных
Дает, пророчу, он теперь убежище.

Приведенный эпод, одно из лучших произведений Горация, характерен в двух отношениях. Отчаяние настолько глубоко захватило людей, так ужасны были условия жизни, так мало было надежды на будущее, что даже культурные римляне верили приближающейся кончине мира, которую в аналогичных обстоятельствах пытался научно обосновать Лукреций. Еще сильнее, конечно, была боязнь «светопреставления» в гуще и толще народной, где она на базе некоторых предсказаний Сивиллиных книг, авторитет которых в данный момент так высок был и на Востоке, превращалась почти в уверенность.

Не случайность, что почти одновременно и Вергилий создает свою знаменитую IV эклогу, проникнутую теми же идеями и тем же настроением, но в несколько смягченном тоне, может быть, под влиянием тех надежд, которые вызвало в обществе Брундисийское соглашение между Антонием, Октавианом и Секстом Помпеем. К идее крушения мира, под влиянием греко-восточных идей, ярко сказывающихся и в только что упомянутых Сивиллиных книгах, присоединяются здесь идеи о грядущем возрождении мира и о появлении мессии, спасителя, носителя этого возрождения.

В высокой степени показательна в эпод Горация, солдата побежденной сенатской армии, и мысль о бегстве, бегстве куда-нибудь в новые места. Лично Гораций этой мысли не осуществил, его крупный талант дал ему возможность остаться в Италии и не голодать. Но не один из его товарищей по службе в армии Брута и немало таких же италиков, как он и Вергилий, принужденных отдать свою родовую землю захватчикам-ветеранам, претворили носившуюся в воздухе мысль о бегстве в действительность.

Короткий просвет Брундисийского соглашения сменился, как помнят читатели, новыми грозными тучами, собравшимися над Италией: флот Секста Помпея отрезал Италию от хлебных рынков, начался голод, болезни и т. п., вновь надвигалась жестокая война, от которой Италия ничего доброго ждать не могла; борьба с Секстом Помпеем всю свою тяжесть ложилась на ее, и только на ее плечи.

Понятно, что господствующим чувством в эти моменты могло быть только негодование бессильного отчаяния: вожди предадут Рим, из-за своих распрей они не видят ран Италии, не видят

и не думают и о грозной опасности, надвигающейся с Востока. Этот страх перед Востоком, страх перед грозной Парфией типичен для всего умонастроения тогдашнего мира. Будущее Востока показало, что это был страх провидцев.

Тот же Гораций суммирует настроение момента в необычайно сильных, бичующих стихах VII эпода, который привожу в переводе того же А.П. Семенова-Тян-Шанского, опубликованном им в «Русской Мысли» (1916. - Кн. 10), с несколькими новыми вариантами.

Куда, куда стремитесь, окаянные,
Мечи в безумье выхватив?
Неужли мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою,-
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,-
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,-
А для того, чтобы, парфянам на руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы - в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая,
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинная,
Кровь правнуков заклиная.

Победа над Секстом Помпеем устранила на некоторое время острые проявления тех великих «благ», которые принесла с собою Риму гражданская война. Но существенным образом настроение не изменилось. Ясно было, что война не кончилась и что тяжесть ее придется вынести на себе и на этот раз Западу, и, главным образом, Италии.

Первое, что выросло и должно было вырасти на этой почве, это был политический индифферентизм и рост чисто материали-

стического мирозерцания, забота о своей шкуре, прежде всего и главным образом. И раньше эта точка зрения находила себе все больше и больше приверженцев. Блестящим ее представителем был Тит Помпоний Атик, сумевший быть одновременно и постоянно, несмотря на все изменения политического барометра и все его кризисы, близким человеком и Цицерона, своего интимного корреспондента, и Помпея, и Цезаря. Сумел он, несмотря на проскрипции и конфискации, сохранить не только свою жизнь, но и все свое крупное состояние полностью. Таких людей, как он, становилось все больше и больше, и не только среди членов высших сословий.

В области религиозного мирозерцания и культа охарактеризованное выше настроение сказывается во все большем и большем значении культа Фортуны, эллинистической Тихе - богини счастья и судьбы, число посвящений и изображений которой становится подавляющим, природа которой делается всеобъемлющей и вбирает в себя культ и атрибуты большинства других богов греко-римского Пантеона. При этом Фортуна на римской почве для огромного большинства ее почитателей представляется, главным образом, носителем материального успеха и материальной удачи, фортуны (fortune) в тривиальном значении этого слова. Ее поэтический и несколько мистический эллино-восточный облик значительно оплощается и принижается. Из богини тиранов, царей, династов, политических честолюбцев она становится богиней масс, жаждущих покоя и материального обеспечения.

Ее спутником является Меркурий, разделяющий ее успех. Не греческий Гермес, с его многогранной и многоликой физиономией, а римский Меркурий, принявший только внешний облик эллинского бога, бога выгоды, успеха в торговле, хозяйстве, разного рода чистых и нечистых коммерческих операциях.

Это, однако, только одна сторона, и притом не самая главная и показательная. Разочарование в политике, вытеснение всех порядочных людей с форума бандами хулиганов и политических проходимцев, постоянные опасности и тревоги, пережитые разочарования в близких и друзьях, чудесные спасения от гибели и постоянные, совершенно неожиданные утраты близких и доро-

гих и многое другое, тесно связанное с лихорадочной жизнью времени, от которого никуда уйти было нельзя и от которого внешним образом скрыться было некуда, заставило людей углубиться в себя, с особой живостью отзываться на вопросы религии и морали, искать вне жизни утешения и забвения.

Национальная и государственная религия, формальная и сухая, взявшая от Эллады, главным образом, внешние формы культа и представления о богах и сдобрившая их некоторым количеством мифов, усвоенных не живой традицией, шедшей из недр религиозного сознания, а через литературу и школу, не давала настоящей пищи религиозным и моральным запросам измученных людей. Философия доступна была очень немногим и не выросла, как в Греции, из глубин народного сознания, а, опять-таки, привита была очень немногим школой и литературой, главным образом, греческими.

Естественно, что огромное большинство даже людей высших сословий бросилось искать ободрения и забвения туда, где его легче всего было найти. Я уже говорил, как на Востоке местное, внешне эллинизовавшись и облекшись в общедоступные мировые формы, типичные для эллинизма, вышло на поверхность, главным образом, в области религии. Рим и Италия, уже начиная с III века до Р. Х., были только частью эллинистического мира и все, что появлялось там, появлялось и здесь, постепенно принимая латинский облик и потому, конечно, с некоторым запозданием.

Естественно, что и эллинистические восточные культы проникают в Рим, постепенно латинизируются, делаются доступными массе, пополняя своей таинственной обрядностью, своим экстазом и пафосом, своим простым и ясным, но вместе с тем глубоким моральным содержанием, своей организованностью и отдаленностью от официального культа, наконец, своим учением о загробной жизни и о бессмертии души как раз то, чего не хватало у римской или греко-римской ходячей, официальной религии. Спутниками восточных культов были и восточные суеверия, если только вообще находить принципиальное различие между верой и суеверием. Жрецы восточных религий появлялись в сопровождении, а часто объединяли в своем лице предсказателей, гада-

льщиков, магов и волшебников; с ними рука об руку шла и точная, как многие думали, наука астрологии.

Пышный расцвет восточных культов в Риме и Италии падает на несколько более позднее время, на эпоху первых префекторов Августа, но корни этого расцвета кроются, несомненно, уже в эпоху гражданских войн. Одним из наиболее ярких проявлений восточного религиозного мирозерцания надо считать пышное развитие культа обоготворенных людей, стоявших во главе государственной жизни.

Не забудем, что восточные культы, их обряды и их мирозерцание вообще были глубоко монархичны. Они выросли в среде, не знавшей иной формы государственного бытия, и предполагали, поскольку они, вообще, так или иначе входили и в область государства, только одну государственность - монархическую.

Область, в которой Греция особенно близко и тесно соприкасалась с Востоком и где не знаешь, где кончается Греция и начинается Восток, и наоборот, это область веры в тесное единение божества и человека, в богочеловечность и в человекобожие. В мире эллинизма учение о боге-царе, царе-боге, царе-сыне божьем, царе божьей милостью, божественном человеке-герое, страсто-терпце за человечество и спасителе (например, Геракле), боге явленном, вочеловечившемся (*theos epiphanes*), мессии, искупителе человечества, причудливо перемешались и давно уже нашли себе выражение в греко-восточном культе эллинистических царей и всех тех, кто на Востоке играл их роль. Неоднократно уже упоминавшиеся Сивиллины книги, стихотворные, таинственные, иногда поэтические предсказания, типичные и для иудейства, и для остального семитического Востока, но пустившие глубокие корни и в мире малоазийского эллинизма, а затем и в Кампании, откуда они перешли в Рим, все время говорят о царе-мессии, царе-спасителе, царе-искупителе.

Все эти предсказания не могли быть чужды Риму и Италии. Юг Италии всегда был полуэллинистическим, даже по составу населения. Массы греческих и греко-восточных рабов заполняли собою дома высшего сословия как домашняя прислуга и составляли высший слой рабского населения сельских экономий. Больше всего отпущенников давала именно эта аристократия рабства, входив-

шая уже в третьем поколении в состав римского гражданства. Их мирозерцание в скрытом виде вошло в плоть и кровь италийского населения и ждало только подходящего момента, чтобы выявить себя во всей своей силе.

Благоприятные условия для выявления этих идей, вообще, создали гражданские войны, выдвигавшие одну могучую личность за другой. Ореол спасителя и мессии уже лежал на челе Цезаря, и если бы ему действительно было суждено дать мир и покой Италии, то этот ореол, конечно, мог бы и укрепиться. В кредит, однако, вера не дается, и вера в божественность Цезаря только подготовлена была его блестящими победами.

Не надо забывать, что для проявления веры в богочеловека нужен подходящий объект, который поразил бы воображение массы, дал бы настоящую пищу вере и чувству, был бы для массы истинным носителем чудесного и сверхчеловеческого.

Таким героем, совершившим чудо, был в свое время Александр Великий. Его победа над персами, казавшимися несокрушимыми властителями мира, его поход в далекую Индию, его ореол непобедимости сделали его действительно сверхчеловеком, богом в глазах близких и далеких и перенесли его божественность по традиции на всех его преемников. Того же и по тем же путям искал и Цезарь. Его поход в Парфию, против врага, имя которого звучало после гибели Красса куда страшнее, чем имя хорошо известных галлов и германцев, его победа там на Дальнем Востоке могла бы его поставить на один уровень с Александром.

Но этого не случилось. Измученный мир продолжал искать своего спасителя и мессию. И он явился. Явился в лице Октавиана, правда, не в облике победителя парфян, хотя ему и подсказывали это его друзья и сотрудники, а в ином, менее поэтическом и менее экзотическом, но еще более чудесном облике.

Политический честолюбец, соперник Антония, после победы над ним предстал первоначально только в образе одного из временных носителей верховной власти. Правда, его карьера была чудесной, но пока что не более чем карьера Помпея и отца Октавиана - Цезаря, божественность которого пока была только официальным титулом.

Мир жаждал мира, его он хотел прежде всего от своего нового владыки, но в осуществимость его он более не верил. Октавиан, как этап на страдной дороге гражданской войны, был ничто. Октавиан как носитель и залог мира был все - и спаситель, и мессия, и бог, и сын бога.

Вопреки всем сомнениям и тревогам, чудо свершилось. Мир, и мир прочный, сошел на измученную землю. Сначала этому не хотели верить. Но месяцы шли за месяцами, и то, что казалось мечтой, осуществилось. Война прекратилась, хлеба было вдоволь, для ветеранов покупали, а не отнимали землю, и притом исподволь, можно было заняться своим делом, не боясь государственного разбоя и грабежа, пути морские и сухопутные открылись, в провинциях появились приличные чиновники, переставшие выжимать все соки. Рая на земле не настало, но можно было жить, а в этой возможности после 14 лет сплошной муки все изверились.

И это великое чудо осуществил Октавиан, которому сенат через три года после победы над Антонием предложил присоединить к своему имени полубожественное имя «умножителя» - Augustus, всегда звучавшее как нечто священное. Под этим именем он и перешел в потомство, под именем носителя мира, благоденствия и покоя; оно вытеснило его человеческое имя - Октавиан.

Чем дальше шло время, чем больше укреплялись спокойствие и порядок, тем более росла вера в то, что не общее утомляет, не истощение всех сил государства, не установление разумного *modus vivendi*¹ на почве соглашения, а именно лицо, носитель власти, Август - первопричина мира, порядка, сытости и покоя. И эта уверенность упрочивала порядок, укрепляла авторитет Августа, делала его чем-то большим, чем человек, сближала его с богом, присутствие которого является залогом продолжения мира и порядка. *Pax Augusta* (Мир), как божество, *Fortuna Augusta* были божественными олицетворениями его деятельности и результатов этой деятельности; Меркурий - одним из божественных образов, в котором масса узнавала черты носителя и залога возможности покоя и материального благосостояния - Августа.

¹ Образ жизни, способ существования (лат.).

Августа долго не было - и Рим действительно, а не официально начинал тревожиться, бояться за будущее; возвращение его было действительно праздником, и алтари Фортуны и мира, воздвигавшиеся после его возвращения, делались настоящими местами культа. Когда Август в 17 году отпраздновал игры в ознаменование возрождения Мира, так называемые «вековые», «секулярные», мир верил, что это не фикция, а религиозная санкция случившегося.

Еще накануне битвы при Акции Рим и Италия были полны тревоги и с трепетом ждали исхода. Опять-таки Гораций, уже ставший близким Мecenату, ближайшему сотруднику Октавиана, но еще далекий от самого Октавиана, дает яркое выражение этой тревоге в своем знаменитом обращении к Риму, где уже нет нот отчаяния, и на фоне жестокой тревоги слышатся между строк отголоски надежды и веры в возможность благоприятного выхода из трудного положения.

И эту оду даю в переводе А.П. Семенова-Тян-Шанского, опубликованном в «Гермесе» (1916, с. 98 сл.) с некоторыми неизданными вариантами.

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже
Весла, - бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны
И едва уже днище
Может выдержать властную
Силу волн? У тебя нет уж ни паруса,
Ни богов на корме, - в бедах прибежища.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

Через несколько лет тревожное и смутное настроение становится воспоминанием, оно сменяется уверенностью и... верой в ве-

личие и божественность Августа. Можно разное думать о мотивах, по которым Гораций, Вергилий, Проперций, даже Овидий сделались глашатаями мыслей Августа и певцами его божественности. Возможно, предполагать здесь и личные мотивы. Но в одном я не сомневаюсь и думаю, что сомневаться не приходится, это в том, что массы, читавшие этих популярнейших поэтов, были с ними согласны и что не поэты подсказывали им то, что было им чуждо и ново, а они, массы, влияли на поэтов своими, может быть, неоформленными и подсознательными чувствами и настроениями.

Массы раньше увидели в Августе Меркурия, носителя их материального благосостояния, как на это указывают памятники Помпеи, чем это формулировал Гораций в знаменитом конце 2-й оды I книги, который я и позволю себе привести в неизданном переводе А.П. Семенова-Тян-Шанского, сделанном им по моей просьбе. Здесь так ярко сказывается настроение первых моментов мира и покоя, когда люди еще не вполне поверили в его прочность, хорошо помнили еще мрачные, только что пережитые, дни, но уже крепко надеялись на нового владыку-мстителя за убийство отца, исправителя порочности общества, отца отечества и будущего победителя парфян.

Поэт не знает, какое божество ему молить, кто из небожителей поможет народу в его тяжких переживаниях, кто явится великим очистителем от тяжких преступлений гражданской войны.

На память ему приходят все боги, близкие Риму и Августу. На первом месте Аполлон, покровитель Августа, его помощник и заступник в битве при Акции, которому Август воздвиг великолепный храм на Палатине, рядом со своим дворцом. Затем Венера, родоначальница Рима, города Анхиса и Энея, вместе с тем, родоначальница дома Юлия, «родительница» (Genetrix); храм ее соорудил Цезарь в центре своего Форума, который должен был конкурировать со старым форумом - центром Римской «libertas»¹. Далее праотец Марс, отец Ромула, величественное святилище которого, как Марса «Мстителя» (Ultor), покаравшего изменников за смерть божественного Цезаря, было основой площади, с пышным великолепием сооруженной Августом рядом с площадью Цезаря.

¹ Свобода (лат.).

И, наконец, последний образ!

41. Или ты явил нам в чертах героя
На земле свой лик, благодатной Майи
Окрыленный сын¹, и не ты ль-за гибель
Цезаря мститель?
45. Не спеши уйти ты на небо; долго
Пребывай благой средь народа Рима,
Чтоб тебя не взял на порочных гневным
Ветер поспешный.
Продолжай любить ты свои триумфы,
50. Имя и вождя, и отца народа,
Воли чтоб не дать для набегов Персам,
Цезарь-водитель!

ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

¹ Меркурий, сын Майи. - Примеч. автора.

Создавшееся в Риме, Италии, западных и восточных провинциях настроение усталости и отчаяния обеспечивало Августу признание его власти и отсутствие какого бы то ни было сопротивления на первое время после его победы над Антонием. Укрепление его власти, создание длительного порядка, устойчивость создавшихся условий, а вместе с тем и самая популярность Августа, носителя этой устойчивости и длительности, зависели, однако, не от этого настроения, которое могло перемениться, а от соответствия слагавшегося нового строя тому общему состоянию, в котором находилось государство после гражданских войн, от правильного учета социальных сил и от соответственного их привлечения к делу государственного строительства.

Тяжесть этого определения, и учета, и создания соответственного государственного строя лежала всецело на Августе, на его личной ответственности. Конкурентов у него не было. Сенат был разбит и запуган, народный трибунат изжился и его орудие - народное собрание было жалкой игрушкой в сравнении с той военной силой, которая находилась в руках у Августа. Рядом с Августом не было никого.

Известно, к каким диаметрально противоположным выводам приходит современное научное исследование, стремясь дать государственно-правовое определение созданного Августом строя. Мы находим тут всевозможные оттенки формулировки. Одни говорят о создании монархического строя, прикрытого рядом фик-

ций и терминов старого сенатского строя; другие настаивают на том, что Август действительно восстановил, как он это утверждает в надписи, им составленной и опубликованной после его смерти у входа в его мавзолей на Марсовом поле, старый сенатский «свободный» строй и что его преимущественное значение в нем есть дело не теории, а факта; третьи подчеркивают двойственность носителей власти - сената и Августа - и готовы определить это термином «диархия», то есть двоевластие.

Простыми формулами, однако, сложное содержание конституции Августа точным образом охарактеризовать нельзя. Созданный Августом строй есть компромисс, не только компромисс политический, или даже не столько компромисс политический, сколько социальный. Результатом этого компромисса не могла быть какая-либо чистая форма государственности, а нечто двойственное и гибридное, что можно описать, но чего нельзя определить каким-либо одним термином; каждый термин для этой формы будет слишком категоричен и потребует целого ряда оговорок и ограничений.

Суть дела заключается не в термине, а в содержании компромисса и в доказательстве того, что речь идет именно о политико-социальном компромиссе. Между тем такое именно толкование Августовской реформы вытекает из всех основных особенностей нового уклада государственного бытия Рима, который мы привыкли называть принципатом.

Надо отдать себе, прежде всего, отчет в том, каковы были те социальные силы в Риме, которые играли действительную роль в государственной жизни. На первом месте стояли, конечно, господствующие сословия - сенатское и всадническое. Оба были организованы, одно - около сената, другое - в ряде могущественных компаний, образовавшихся для эксплуатации государственного имущества и для взимания государственных налогов. И то, и другое сословие состояли исключительно из римлян и италиков, в их руках сосредоточены были крупнейшие земельные богатства и большая часть бывшего в обращении денежного капитала. От них в зависимости находились многие тысячи лиц, работавших в их имениях и служивших в их предприятиях, лиц свободных, отпущенников и рабов.

Свою политическую силу сенаторское и всадническое сословия показали в эпоху гражданской войны, и их поддержке, в конечном итоге, Август был обязан своей победой над Антонием. Основу их мощи, их организованность и их материальную обеспеченность гражданские войны не поколебали, а скорее усилили. С ними нельзя было не считаться, так как их оппозиция, замершая под ударами гражданской войны, легко могла проснуться и привести к новой гражданской войне.

Огромной, все еще не сломленной силой показало себя гражданское население Италии вообще; не римское гражданство форума, а огромная масса жителей италийских городов, организованная в отдельных римских и латинских колониях и муниципиях. Как политический фактор для хода машины города-государства они использованы быть не могли. Как фактор социальный они показали свою огромную силу во все время гражданской войны. Без них Августу ни в коем случае не удалось бы одолеть Антония; в последней схватке в конце концов Италия вновь одержала победу над провинциями, специально над Востоком.

Последним крупным фактором был безземельный италийский пролетариат, организованный в войске. Военная единоличная власть только благодаря своему уменью оперировать с этим фактором победила сенат, не сумевший использовать этой силы. Всякая власть с этой силой должна была считаться. Без войска не могло быть сильной центральной власти, не могло быть порядка в провинциях, не было настоящей охраны границ, то есть не было обеспечения Италии от нападения извне.

Распыленный по Италии и провинциям римский гражданский пролетариат и вместе с ним романизованный и романизовавшийся пролетариат провинций был величайшей силой смуты и разложения. Организованный в виде постоянного войска, он был могучим и решающим орудием в руках той власти, которая сумела бы эту массу организовать, дисциплинировать и использовать не только для своих личных целей, но и для целей государственных.

С привлечением в состав войска жителей западных и восточных провинций, начало чему положили уже, во всяком случае, Помпей и Цезарь, войско должно было, кроме того, сделаться одним из сильнейших факторов романизации и латинизации импе-

рии, не говоря уже о том, что ветераны этого войска, расселяясь по провинциям, несли с собой в новые провинции Запада эллино-италийский городской строй жизни и основы эллино-латинской материальной и духовной культуры.

Менее значительным, но все же немаловажным фактором был и городской пролетариат Рима, оппозиционное настроение которого могло затруднить и осложнить деятельность центральной власти, но при наличии военных сил реальной опасности не представляло и крупным политическим фактором не было. Пролетариат города мог быть силен только в условиях анархии. Приходилось, однако, считаться и с ним, особенно в первое время, когда воспоминания о временах анархии были еще свежи.

Огромную, хотя и второстепенную роль играли провинции. Разрушить центральную власть, опиравшуюся на постоянное войско, они, конечно, не могли. Но их поддержка и их преданность новому строю в дальнейшем могли и должны были сыграть решающую роль.

Таковы были элементы, без учета силы и значения которых всякий строй был бы призрачным и эфемерным и просуществовал бы только до новой гражданской войны. Не может быть никакого сомнения, что не из стихийного взаимодействия этих элементов сложился сам собою новый строй, а что Август учел и учитывал их при постепенном возведении своей сложной государственной постройки. Огромное значение его личного творчества и его личной политической интуиции в создании нового строя несомненно. Он сознательно координировал эти силы, а не был лишь зрителем совершавшихся без его участия процессов.

Сенаторское сословие, как таковое, сохранило все свои привилегии, свое значение высшего сословия, свою обособленность, свои традиции, свое высокое имущественное положение, сознательно поддерживавшееся Августом и ставшее критерием принадлежности к сословию вообще. В государственной жизни ему отведены были важные функции: командование войском и управление провинциями, заведование целым рядом важных отраслей администрации в Риме и Италии. Ко всему этому доступ давали, как и раньше, городские магистратуры, получение которых было привилегией только членов senatorского сословия.

За пользование всеми этими привилегиями senatorское сословие принуждено было, однако, подчиниться полному контролю со стороны верховного вождя: его рекомендация решала вопрос о выборе тех или иных лиц магистратами, то есть вопрос о правителях провинции и командирах войска; от его имени действовали бывшие магистраты в провинциях и войске, имея римское *impegium*¹ независимо от верховного вождя, в качестве бывших преторов и консулов, но пользуясь им только по поручению, как послы - легаты императора.

Для сохранения преемственности нового строя от старого удержан был теоретический суверенитет сената над некоторыми провинциями с чисто гражданским управлением (за исключением Африки, где имелась армия) и управление ими бывшими магистратами не в качестве легатов императора, а в качестве полномочных носителей власти, дарованной народом.

Но и тут право рекомендации на магистратуры, дававшие доступ к управлению провинциями, и политический контроль административной деятельности в провинциях через агентов Августа, управлявших его личными имениями в считавшихся senatorскими провинциях, делали самостоятельность правителей этих провинций призрачной. Юридически над ними тяготело и верховное *impegium* Августа, унаследованное им от Помпея, когда он стоял во главе всего Востока.

Наряду с этой огромной ролью, которая отдана была senatorскому сословию, роль сената, как учреждения, была сведена почти на нет. Формально положение сената не изменилось. Все его права остались *de jure*² нетронутыми. Но фактически переход всех цензорских функций к Августу ставил личный состав сената в полную от него зависимость, так как он один теперь фактически пополнял состав сената и имел право исключать «недостойных» членов. Квалификация к получению права голоса в сенате, то есть исполнение тех или иных магистратур, также находилась в руках Августа, в силу уже указанного права Августа рекомендовать народу кандидатов на магистратуры.

¹ Право управления (лат.).

² Юридически, формально (лат.).

Наконец, право голосовать первым в сенате в тех заседаниях, в которых Август не председательствовал и притом и лично, и письменно, право присущее ему, как первому в списках членов сената (*princeps senatus*), далее право председательствовать в любом заседании сената и право, в силу дарованной ему трибунской власти (наследие Цезаря), кассировать любое решение сената ставили сенат, как таковой, в полную от него зависимость.

Сенат и сенаторское сословие, как это было уже при Цезаре, сделались, таким образом, орудием в руках Августа, но сохранили - и в этом принципиальная разница от того, что сделано или предположено было Цезарем - самое ценное для них - свои сословные и политические привилегии, свою роль правящего сословия, свою не стоявшую в зависимости от произвола императора, неразрывную связь с государством - краеугольный камень римского строя. Август сумел, таким образом, охранить для государства вековой опыт управления государством, накопленный сенатом, поставить его на службу новому строю, но подчинить все действия сената и членов сенаторского сословия своему верховному контролю и надзору.

Не менее важным вопросом был вопрос о всадническом сословии, в руках которого фактически находилась вся машина управления финансами государства: сбор податей в качестве откупщиков государства, использование государственных имуществ в качестве арендаторов таковых. Разрушать эту сложную, длинным рядом десятилетий налаженную машину значило приостановить ход этой машины, на место которой поставить было нечего.

Но заменить эту машину по частям другою было необходимо. Она работала плохо, то есть не столько в интересах государства, сколько в интересах его контрагентов. Здесь не место следить за тем, как постепенно машина была перестроена и на место откупщика встал чиновник. Это было процессом медленным и постепенным, только начало которому положено было Августом. В своих книгах о государственном откупе и о колонате я дал картину хода этого процесса.

Важно, однако, указать на то, что Август отнюдь не пытался немедленно сломить упомянутую машину: она едва затронута была его финансовыми реформами и во главе ее продолжало

стоять всадничество. Но Август сумел одновременно направить волну деловитости и энергии всадничества и в другое русло.

Он резко подчеркнул, прежде всего, сословную обособленность высших цензовых элементов римского гражданства, чем фактически уже давно было всадничество, поставил занесение в списки всадников в зависимость от себя, как фактического осуществителя функций цензорской власти, слил всадническую и сенаторскую молодежь в одну массу кандидатов на замещение офицерских должностей в армии, которые были открыты только этим двум сословиям (речь идет о командирах отдельных самостоятельных и включенных в легионы войсковых частей), поставил в зависимость от своего выбора передвижение из всаднического сословия в сенаторское, чем первое сделалось рассадником (*seminarium*) последнего, и дал широкую возможность всадничеству после окончания обязательной для них и для сенаторской молодежи службы в войсках применить приобретенный и унаследованный им от отцов административный и финансовый опыт на службе в императорских и сенатских провинциях в качестве личных административных и финансовых агентов императора (прокураторов).

Этим он включил, к большому удовлетворению всадничества, куда вошли все энергичные и обеспеченные цензовые интеллигентные элементы италийской муниципальной знати, и это сословие в кадры правящих классов, обеспечив каждому энергичному и деятельному всаднику и служебную карьеру, и высокую материальную оплату его квалифицированного труда.

Но не надо забывать, что этим же старая роль всадничества, на которой основано было его политическое влияние, была подрита в корне. Строгий контроль откупщиков сводил и их на роль чиновников - финансовых агентов императора, а открывшаяся им широкая чиновническая карьера превратила всадничество в типичное служилое сословие, вполне зависимое от императора.

К этому надо присоединить, что, как всадничество сделалось для императора контролирующим органом магистратов сенаторского сословия, так роль органов контроля над всадничеством возложена была на армии отпущенников и рабов Августа, которым дано было ответственное поручение и почти исключитель-

ная привилегия занимать места всех высших и низших служащих в канцеляриях, казначействах, бюро контроля и взимания во всех зависимых от императора центральных и провинциальных государственных учреждениях, причем лучшие из отпущенников получали наравне с всадниками и ответственные самостоятельные посты императорских административных и финансовых агентов (прокураторы). Еще большее значение имело то, что ближайшими к Августу людьми, управлявшими его личной канцелярией и личным колоссальным имуществом, далеко вышедшим и по размеру, и по государственному значению за пределы имущества частного лица, были опять-таки его личные рабы и отпущенники.

Постепенно, таким образом, эта аристократия среди обездоленного сословия рабов и отпущенников, находившаяся всецело в руках императора и не огражденная почти никакими правами против произвола их личного владыки, или патрона, сложилась в могучую корпорацию, в целую армию личных чиновников Августа, игравшую в администрации не меньшую роль, чем войско в области политической и военной.

Бесконечно труден и сложен был вопрос об организации войска. Без него верховная власть одного, обеспеченная какими угодно конституционными гарантиями, была бы призраком, фактическое же главенство войска, не подчиненного вождю, без строгой дисциплины, без гарантии повиновения делало бы призраком не только власть императора, но и само государство, обрекая его на безвыходную анархию или на непрекращающуюся гражданскую войну. Вопрос об организации войска был вопросом жизни или смерти римской мировой державы. Разрешение этого вопроса, сделавшее войско сравнительно безвредным в политическом отношении, надо считать крупнейшим успехом Августа, свидетельствующим об его поразительном административном и политическом такте и уменье.

И здесь Август не внес ничего резко изменившего старую традицию и старый строй войска. Времена всенародного гражданского ополчения давно и бесследно прошли, и не в духе Августа было воскрешать покойников. Но в принципе обязательность для гражданина службы в войске осталась, хотя применялась принудительно только к молодежи правящих сословий, заместителям

офицерских кадров. Для нужд римских легионов добровольцев-граждан или лиц, желавших получить гражданство при вступлении в легионы, было более чем достаточно. Уже одна гарантия получения гражданства для неграждан-провинциалов обеспечивала возможность выбора, без необходимости прибегать к принудительному набору. То же нужно сказать и о второй части армии - так называемых вспомогательных войсках, набравшихся из числа наиболее боеспособных провинциалов. Надежда на получение права гражданства после окончания службы была сильнейшим стимулом для поступления в ряды национальных пехотных, смешанных и кавалерийских вспомогательных полков.

Вторым могучим стимулом для поступления в войско - гражданское или провинциальное - было, как и раньше, обеспечение солдат постоянным, сравнительно высоким жалованием, упорядоченное получение денежной пенсии или земельного надела после окончания службы, превосходная организация интендантского дела в войсковых частях и, наконец, выдача единовременных наградных лично от императора по тем или другим поводам.

Этим кадры войска были обеспечены. Численность его могла быть доведена до любых пределов, желающих всегда нашлось бы достаточно. Препятствием к созданию многомиллионной армии была не трудность набора, а причины финансовые и политические, о которых речь будет ниже.

Созданное путем такого набора добровольцев войско не могло не быть постоянным. Охрана принципата и защита провинций властно этого требовали. Те же нужды охраны государства, с одной стороны, и серьезная политическая опасность, которую представляло бы крупное гражданское войско, пребывавшее в Италии, с другой - заставили Августа удержать принцип Суллы и нейтрализовать Италию, сделав местопребыванием войска исключительно провинции, и притом провинции, граничившие с боеспособными и опасными для Рима племенами и государствами. В Риме и Италии имела свое пребывание только охрана императора как магистрата, облеченного верховной властью, его преторская когорта, расширенная в целый корпус отборного войска, состоявшего исключительно из римских граждан - уроженцев Италии.

Таков был состав и характер созданного Августом войска. Этим, однако, вопрос о политической роли войска не разрешался. Войско вышеописанного состава, в зависимости от способа его внутренней организации и от характера сложившихся между ним и Августом отношений, могло быть или могучей опорой его власти, или готовым органом для разрушения ее, превосходным материалом для политической агитации и для возобновления гражданских войн. Август сумел его сделать первым. Какими средствами?

Отмечу, прежде всего, то, что Август не стремился к созданию такого войска, которое по своей численности легко и свободно могло бы быть орудием и для обеспеченной твердой оборонительной, и для широкой наступательной и завоевательной политики. В этом, по праву, усматривают основную причину военной слабости Римской империи, сказавшейся с особой силой в эпоху резкого напора северных и восточных соседей на римское государство.

Несомненно, что и здесь Август действовал сознательно. Чем меньшей была численность войска, тем возможнее было обезвредить его в политическом отношении. Чем незначительнее было количество аспирантов на обеспечение их государством, тем полнее могло быть это обеспечение и тем менее опасно было войско для финансовой и экономической жизни государства, на которую и без того оно ложилось необычайно тяжелым бременем, становившимся тем более гнетущим, чем большей становилась численность войска.

Решающую роль, однако, в вопросе о политической роли войска сыграла, прежде всего, умелая и продуманная организация командования и внутренней структуры всей армии в ее целом. Особенно важно то, что Август сумел теснейшим образом связать себя и лично, и как принцепса с войском. Он был его единственной главой, все офицеры войска были подчинены ему, и ему одному, от него одного зависела материальная обеспеченность войска и в смысле жалованья, и в смысле пенсии, и в вопросе о наделении земель, и по отношению к единовременным наградам и подаркам.

Еще важнее было то, что вся карьера каждого солдата находилась всецело в руках принцепса и высшей решающей инстан-

цией во всех, даже мелких, делах был он, и он один. Между тем карьера эта была чрезвычайно сложна и имела огромное значение для каждого солдата римской армии. Каждый рядовой при мало-мальском проявлении инициативы и умения продвигался этап за этапом по лестнице унтер-офицерских должностей, освобождавших от физических работ, частью технического, частью канцелярского, частью адъютантского, частью полицейского характера. Каждый этап давал новые привилегии и повышенный оклад, высшая ступень - весьма почетное положение, вплоть до участия в военном совете командира более или менее крупной войсковой части.

Все это продвижение находилось в конце концов в полной зависимости от Августа, превосходно знавшего личный состав каждой армии и тщательно следившего за деятельностью своих легатов, поскольку она касалась вопросов личной карьеры каждого солдата и офицера. Эта личная связь каждого более или менее дееспособного и энергичного солдата с принцепсом была, может быть, наиболее могучим средством поддержания в войске порядка и дисциплины, сохранения принцепсом своего личного обаяния и недопущения в войске каких бы то ни было посторонних влияний и шедшей против данного носителя власти агитации.

Облегчалось это дело постоянного надзора, конечно, и тем, что в войске одни элементы постоянно и деятельно наблюдали за другими. Сенаторский генералитет находил себе постоянный противовес во всадническом офицерстве, все офицерство в целом состояло под постоянным наблюдением могучего, всецело связанного с принцепсом, корпуса унтер-офицеров. Унтер-офицеры не выходили из поля зрения так близко стоявших к ним рядовых, из которых каждый был аспирантом на одну из унтер-офицерских должностей.

Крупное значение имело и пребывание войск вне центра политической жизни, на окраинах государства. Не столько потому, что благодаря этому политические вопросы, главным образом, личного характера совсем не возникали в войске, сколько потому что войско на окраинах все время было занято и боевой, и оборонительной работой. Эта работа поглощала все время и всю энергию солдат, и надо было только следить, чтобы она не ослабевала

и чтобы войско стояло именно там, где оно не было бы и не могло быть праздным, там, где постоянно требовалась бдительность и осторожность, от которых зависела самая безопасность той или другой войсковой части.

Во всяком случае, войсковая организация, проведенная Августом, показала свою эффективность и целесообразность. Пока во главе войска стоял Август, оно в политику не мешалось и, несмотря на ряд военных неудач, ни разу не поколебалось в своей верности Августу. Еще важнее то, что и после смерти Августа, пока во главе войска стояли лица, хорошо его знавшие и внимательно следившие за его жизнью, войско от решения политических вопросов отстранилось и стало совершенно вне политики. Только появление во главе войска совершенно чуждых войску вождей, не знавших боевой жизни и лично почти не знакомых войску, сломило обаяние Августа и подорвало прочность созданного им войскового строя.

Не буду подробно говорить о населении Италии и Рима. Гражданству Италии и Рима открылась широкая дорога работы для государства. Его гражданское сознание было укреплено подтверждением и гарантией преимуществ гражданства перед населением провинций: римский гражданин по-прежнему был аристократом в море населения державы. Служба в войске в наиболее видных частях, возможность перехода во всадническое сословие для всех заслуженных и обеспеченных, покровительство власти в провинциях делали положение римского гражданина высоким и завидным.

Выход гражданскому честолюбию граждан, кроме государственной службы, давала широкая муниципальная автономия отдельных городов Италии, со сложным рядом муниципальных должностей и жречеств, с возможностью войти в состав местного сената. Не забыты были и муниципальные отпущенники - могучий и богатый класс. Вплоть до их перехода в последующих поколениях в состав полноправных граждан они могли играть видную роль в коллегиях, связанных с культом, сначала гения императора, а затем и императора, как такового, логически развивавшегося из той роли, которую играл Август в религиозном сознании и чувстве его современников.

Немаловажное значение имеет и сознательная работа Августа над подъемом национального самосознания римского гражданства. Везде и всегда Август подчеркивал связь нового и старого Рима: и в культовой жизни, и в строгом соблюдении национальных форм быта и одежды, и в восстановлении старых святилищ, и в неукоснительном сохранении всей традиционной внешности римской государственной жизни. И этим он резко подчеркивал первенствующее значение римского гражданства в мировой державе.

Все здоровое римское гражданство как города Рима, так и италийских муниципиев и провинций стояло поэтому на стороне Августа, то есть не изменило той позиции, которую оно заняло во время его борьбы с Антонием.

Может представиться удивительным, каким образом римское суверенное народное собрание, претендовавшее на полноту власти и ведущее в эпоху гражданских войн шумную и ожесточенную борьбу с сенатом, оказывается при новом строе забытым, обойденным и отошедшим куда-то далеко в закоулок политической жизни. По существу это, однако, понятно.

Народное собрание и раньше всегда было послушным орудием в руках военной силы, организованной ли или неорганизованной, гладиаторских банд или римских легионов. Реальной опоры, даже в населении города Рима, оно не имело. Все трудовые и зажиточные элементы давно уже от него отшатнулись. Да и римскому нетрудовому пролетариату оно нужно было только постольку, поскольку оно обеспечивало его материальные интересы. С постепенным исчезновением в приходном бюджете пролетариата статьи от подкупа кандидатов на магистратуры пришлось примириться: кандидаты Августа были забронированы, остальные же перестали быть очень щедрыми.

Но зато августовский режим дал обеспеченный подвоз хлеба, строго урегулированную ежемесячную даровую его раздачу определенному количеству лиц, упорядочение городской жизни, постройку водопроводов, мостов, упорядочение улиц, обезвреживание наводнений Тибра, меры против пожаров (введение корпуса пожарной команды), городскую военную полицию, гарантировавшую от грабежей и разбоев. Все это сделало Рим действительно удобообитаемым и сравнительно здоровым городом.

Огромное значение для населения города Рима имел и организованный Августом длинный ряд зрелищ, не входивших в годовое расписание таковых, и притом зрелищ исключительных и необычайно пышных и дорогих, наконец, постоянно повторявшиеся денежные подарки от имени Августа и членов его семьи, по тому или другому поводу, но чаще всего - либо триумфального, либо семейного характера.

За эти блага, к которым присоединилось немаловажное - роскошные термы-бани и клуб Агриппы на Марсовом поле, суверенный народ безропотно отдал свое право государственного суверенитета, перестал ходить в народное собрание, только ставившее, без разовой платы, свой штемпель на предложения Августа, и сохранил свои политические деления исключительно для более правильной организации раздач марок на получение хлеба и денег на посещение театра.

Сложнее вопрос о провинциях, так как каждая отдельная провинция представляла замкнутый в себе и очень своеобразный мир. Казалось бы, что исчезновение с Цезарем политики нивелировки Италии и провинций и победа Италии над Востоком в борьбе с Антонием должны были отшатнуть провинции от Августа. На самом деле, Цезарем на его пути сделаны были только первые шаги, вряд ли понятые провинциями, Антоний же чрезвычайно дорого стоил Востоку и принципиально ничем не разнился от любого римского генерала, хозяйничавшего на Востоке. То, чего прежде всего нужно было провинциям, - мира - он им не дал. Август же этот мир дал, дал и возможность вернуться к обыденной трудовой жизни и требовал меньше, чем Антоний и его предшественники.

Он обеспечил, кроме того, упорядоченную администрацию, не ограничивал внутренней автономии городов и относился бережно и с уважением не только к прошлому, но и к настоящему эллинского мира. За эти блага провинции готовы были временно примириться с тою второстепенною ролью, которая предоставлена была им в государственной жизни, тем более что резкой исключительности в вопросе о допущении провинциалов в состав римского гражданства Август не проявил, хотя и смотрел на это гражданство, как на нечто очень важное и ценное, что легкомысленно и без определенных оснований не раздается.

Большой уступкой провинциям была и организация на прочных базах, в связи с оборудованием культа императора, провинциального представительства, начало чему было положено уже Августом. Провинции в их организованных элементах, то есть в лице городской зажиточной аристократии, всегда бывшей оплотом римского владычества, очень ценили право ежегодно собираться на собрания в главном городе провинции, организовывать здесь пышные празднества в честь императора, облекать себя пышными титулами и, вместе с тем, сравнительно свободно беседовать о своих нуждах и даже, когда это требовалось, апеллировать к императору в случае нарушения их интересов правителями провинций.

Правда, уступка эта была сделана только цензовым элементам, но, повторяю, эти элементы одни были организованы и одни имели серьезное значение и крупный вес. Их, во всяком случае, Август сумел всецело и бесповоротно привлечь на свою сторону и на сторону созданного им принципата. Нецензовые элементы принуждены были молчать и подчиняться.

На вышеохарактеризованной базе прочно покоилась власть Августа, ее внешняя формулировка не имеет решающего и показательного значения. Нового в этом отношении Август не создал и его не искал. Он взял, в общем, ту форму, которую подготовили его предшественники - Помпей и Цезарь, причем по духу его власть в ее официальной формулировке ближе была к власти Помпея, чем к власти Цезаря.

Принципиально важно то, что Август в формулировке своей власти избегал всего кричащего и подчеркнутого. Он резко отстранил от себя и титул диктатора, и титул «начальника нравов». Верховное командование войском он построил по традиции Помпея, на своей длительной, каждые пять или десять лет возобновлявшейся проконсульской власти, распространявшейся на пределы всей империи. Всю сумму гражданской власти он сумел уложить в рамки дарованной ему трибунской власти. Все остальное было только несущественными придатками.

Но суть дела была не в той или иной формулировке. Реальную власть давала не она, а нечто другое, неизмеримо более важное. Материальной опорой Августа были, конечно, прежде всего

войско и крупные денежные средства, находившиеся в его распоряжении. Но на них одних длительной и устойчивой власти основать было нельзя. Мечи и деньги были хороши для захвата власти, для пребывания в ней нужно было и другое.

Залогом длительности этой власти были мир и порядок. Мир же и порядок могли быть длительны и устойчивы только при работе всего населения не под гнетом угроз и насилия, а в уверенности, что эта работа плодотворна и полезна, что она не идет вразрез ни с личными, ни с классовыми интересами отдельных работников. Настроение этой уверенности, несомненно, сменило в Римской империи настроение безразличия и отчаяния, которое могло, однако, перейти и в иное настроение. Если этого не случилось, то причиной этого надо считать, несомненно, то, что Август сумел воспользоваться настроением подавленности и готовности на всякое соглашение для создания уклада жизни, более или менее приемлемого для всех слоев населения.

Эта роль Августа была понята населением скорее интуитивно, чем логически, и создала ему колоссальную популярность, выразившуюся, согласно навыкам эллино-восточного мира, в его обоготворении и в создании его организованного культа. Этой своей популярности Август обязан был тем, что его личная власть с ним не прекратилась, а перешла к намеченному им лицу, независимо от личных качеств последнего, а затем сохранилась в течение ряда десятилетий в руках членов семьи Августа, несмотря на все их эксцессы, на личное и моральное ничтожество некоторых из них.

Обаяние Августа и созданного им уклада давало возможность его преемникам покрывать этим обаянием все свои ошибки и преступления. Важно было то, что они строго хранили традиции Августа, твердо держались намеченных им путей и удерживали по мере возможности то равновесие социальных сил, на котором, главным образом, если не исключительно, держался принципат Августа.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

С. 11. *Эллада* - название Греции.

С. 12. *Галлия* - страна галлов (кельтов). Занимала территорию современных Франции, Северной Италии, Бельгии, Люксембурга, Западной Швейцарии и частично Германии.

..мир семитических городов-государств... - *Семиты* - группа близких по языку народов, населявших или населяющих Северную и Восточную Африку и Юго-Западную Азию. К ней относятся древние вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, иудеи, современные арабы, евреи, эфиопы и т. д.

Карфаген - город (впоследствии государство) в Северной Африке, основанный в IX в. колонистами из финикийского города Тира. К середине V в. до н. э. Карфагенское государство включало Северную Африку, Западную Сицилию, Южную Испанию и Сардинию.

Этруски - народ, заселявший северо-западную часть Апеннинского полуострова в I тыс. до н. э. Развита цивилизация этрусков предшествовала римской и оказала на нее большое влияние. К III в. до н. э. этруски были покорены Римом.

Лигуры - собирательное наименование древних племен, населявших в середине I тыс. до н. э. Северо-Западную Италию и Юго-Восточную Галлию. С III в. до н. э. оказывали римлянам упорное сопротивление, но были покорены ими во II в. до н. э.

Мессапы (мессапии) - древнее племя, расселившееся на юге Италии в X-IX вв. до н. э. Завоеваны Римом в 272 г. до н. э.

Иллирийцы - древние индоевропейские племена, жившие на северо-западе Балканского полуострова (далматы, ардиен, паннонцы и др.) и на юго-востоке Апеннинского полуострова (япиги, мессапы и др.). К I в. до н. э. были покорены римлянами и романизованы.

Иберы - название древних племен, заселивших Пиренейский полуостров в эпоху неолита. Центром их обитания была долина реки Ибер (Эбро).

Кельты (галлы, галаты) - группа племен индоевропейского происхождения, населявших во 2-й половине I тыс. до н. э. территорию Западной Европы. Покорены римлянами к середине I в. до н. э.

Фракийцы - общее название индоевропейских племен, населявших Балканский полуостров и Северо-Запад Малой Азии (даки, геты, фригийцы, мизийцы, одрисы и др.). В ходе Великого переселения народов смешались с другими племенами.

Спарта (Лакедемон) - древнегреческий полис в Лаконике на юго-востоке Пелопонесса, превратившийся в VII-VI вв. до н. э. в крупное государство с олигархическим строем. Во главе Спарты стояли два царя, власть которых была ограничена коллегией из пяти выбираемых ежегодно эфоров. Эфорат обладал всей полнотой законодательной, судебной и полицейской власти. Государственные дела решал совет старейшин (герусия), в который, кроме царей, входили 28 наиболее уважаемых спартиатов.

Афины - главный город Аттики, полис - классический образец рабовладельческой демократии, расцвет которой приходится на время правления стратега Перикла (444-429 до н. э.).

С. 14. *Магистрат* (лат. magistratus - должностное лицо, начальник) - государственная должность в Древнем Риме. Различались магистраты курульные (консулы, преторы, цензоры), привилегией которых было особое должностное кресло (Sella curulis) и некурульные (эдилы, квесторы, в том числе трибуны). Курульные магистраты обладали верховной властью, некурульные имели право издавать указы по кругу своих обязанностей. Все эти должности исполнялись минимум двумя людьми, избираемыми на один год. К высшим магистратам относились также должности диктатора, командующего конницей и интеррекса. После отмены царской власти (около 500 г. до н. э.) во главе Республики стояли два высших магистрата, принадлежавших к патрициям.

С. 16. *Платон* (АТИ-ЗА! до н. э.) - древнегреческий философ-идеалист, великий политический мыслитель. В 387 г. до н. э. основал в Афинах собственную школу - Академию. Сочинения Платона, в том числе «Государство», представляют собой высокохудожественные диалоги.

Аристотель (384-322 до н. э.) - древнегреческий философ. Ученик Платона. В 335 г. до н. э. основал Ликей, или перипатетическую школу. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли тогдашнего знания. Взгляды на государственное устройство отобразил в труде «Политика».

С.17. *Лаций* - древняя область в Средней Италии. Завоевание Римом Италии привело к установлению гегемонии Лация.

Этрурия - местность в Средней Италии, населенная с I тыс. до н. э. этрусками. В Этрурии на базе высокоразвитой металлургии и сельскохозяйственной техники рано произошел переход к латифундистским формам хозяйствования. Римляне, боровшиеся за обладание Этрурией с V в. до н. э., завоевали ее в начале III в.

Пунические войны - войны Рима с карфагенянами (пунийцами) за превосходство в Западном Средиземноморье. В 1-й Пунической войне (264-241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии. 2-я Пуническая война (218-201 гг. до н. э.) была спровоцирована нападением карфагенского полководца Ганнибала на союзный Риму город Сагунт. В 218-216 гг. до н. э. Ганнибал едва не завоевал Италию, но после потери Капуи, Сиракуз, Тарента и Испании был отозван своим правительством для защиты родины, где в 202 г. до н. э. потерпел поражение от Сципиона в битве при Заме-Наррагаре. Карфаген перестал быть великой державой и в 3-й пунической войне (149-146 г. до н. э.) был окончательно разрушен, а его население превращено в рабов. В результате Рим превратился в крупнейшую средиземноморскую державу.

Финикия - древняя страна на восточном побережье Средиземного моря.

С. 20. *Форум* (лат. forum - рыночная площадь) - городская площадь в Риме и других городах Италии, центр торговой и политической жизни. На форуме проходили народные собрания, собирался сенат и т. д.

Гракхи Тиберий (162-133 до н. э.) и Гай (153-121 до н. э.) - видные политические деятели Древнего Рима, братья. Провели ряд реформ с целью предотвращения разорения крестьянства. Тиберий, народный трибун 133 г. до н. э., вынес законопроект, ограничивавший пользование государственной землей и предусматривавший передачу излишков земли бедным гражданам. Гай, трибун 123 и 122 гг. до н.э., восстановил аграрное законодательство Тиберия, выступил за дешёвую продажу хлеба в Риме, выведение колоний в Италию и провинции с целью наделения землей неимущих граждан и т. п., а также предложил закон о предоставлении прав римского гражданства итальянским союзникам.

С. 22. *Триба* (лат. tribus, от tribu - делаю, разделяю) - первоначально одно из трех племен, на которые делилось все население Древнего Рима (рамны [латины], тации [сабиняне], луцеры [этруски]). Позже так стали называться территориальные и избирательные округа, имевшие один голос в трибутных комициях.

Калабрия - в античности полуостров на юго-востоке современной Апулии, попавший под влияние Рима в 272 г. до н. э. После завоевания этой территории лангобардами в конце VII в. н. э. Калабрией стал называться античный Бруттий.

Бруттий - территория на юго-западе Апеннинского полуострова, подчиненная римлянами в 272 г. до н. э. Ныне Калабрия.

Самниты - итальянские племена в Средней Италии. К началу III в. до н. э. почти полностью истреблены римлянами. Оставшиеся самниты в 88 г. до н. э. наряду с прочими италиками получили права римского гражданства.

Муниципий (лат. *municipium* - самоуправляющаяся община) - завоеванные Римом италийские города, жители которых получали ограниченные права римского гражданства.

С. 23. *Провинции* (лат. *provincia*) - первоначально круг обязанностей должностного лица, затем - зависимые, подчиненные территории. Первыми римскими провинциями стали после победы Рима в 1-й Пунической войне Сицилия, Сардиния и Корсика.

Легион (от лат. *lego* - собираю, набираю) - основная организационная единица римской армии.

С. 24. *Кельтиберы* - древние племена Северо-Восточной Испании, образовавшиеся от смешения иберов с кельтами. Область их расселения (Кельтиберия) завоевана римлянами во II в. до н. э.

Лавр - в эпоху Римской империи символ могущества, победы и мира. На триумфатора в качестве благодарственного дара надевали лавровый венок.

Триумф - торжественное вступление в столицу полководца-победителя с войском, высшая военная награда в Римской империи, назначаемая сенатом.

Консул (от лат. *consulare* - обсуждать) - высшая государственная должность в Риме. Ежегодно избирались два консула. Консулам принадлежала вся гражданская и (до реформы Суллы) военная власть

Нумидия - область в Северной Африке, соприкасающаяся со Средиземным морем.

Нетчик - здесь - беглый невольник.

С. 25. *Кимбры, тевтоны* - германские племена. В конце II в. до н. э. вторглись на территорию Римской республики.

Марий Гай (ок. 157-86 до н. э.) - римский полководец, консул 107, 104-101, 100, 86 гг. до н. э. Разбил тевтонов (102 г. до н. э.) и кимбров (101 г. до н. э.). Проведенные им преобразования в армии способствовали профессионализации войска.

С. 26. *Сулла* Луций Корнелий (138-78 до н. э.) - римский полководец, консул 88 г. до н. э. Одержал победу над Митридатом VI (84 г. до н. э.). Победив Гая Мария в гражданской войне, стал в 82 г. до н. э. диктатором, проводил массовые репрессии (проскрипции). В 79 г. до н. э. сложил полномочия.

Помпей Гней (Великий) (106-48 до н. э.) - римский полководец. Участник подавления восстания Спартака. Командовал римскими войсками в войне против Митридата VI (с 66 г. до н. э.). В 60 г. до н. э. вступил в союз с Цезарем и Крассом - 1-й триумvirат. После распада триумvirата в 53 г. до н. э. воевал против Цезаря.

Цезарь Гай Юлий (100-44 до н. э.) - римский политический деятель и полководец. В 74 г. участвовал в войне против Митридата VI. Консул

(59 г.), затем наместник Галлии. Разгромив в 49-45 гг. Гнея Помпея и его сторонников, сосредоточил в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (консула диктатора и т. п.), фактически стал монархом. Убит в результате заговора республиканцев.

Антоний Марк (ок. 83-30 до н. э.) - римский полководец, сторонник Цезаря. В 42 г. до н. э. получил в управление восточные области римской державы. Сблизился с царицей Египта Клеопатрой. После объявления сенатом войны Клеопатре и гибели египетского флота покончил жизнь самоубийством.

Октавиан Гай Юлий Цезарь (Август) (63 до н. э. - 14 н. э.) - римский император с 27 г. до н. э. Сын Гая Октавия, внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании (44 г. до н. э.). Победой при Акции (31 г. до н. э.) над Марком Антонием завершил период гражданских войн в римском государстве (48-30 гг. до н. э.).

С. 31. *Италики* - название индоевропейских племен Апеннинского полуострова, покоренных Римом в V—III вв. до н. э. и подвергшихся романизации.

Сатурний Апулей (?—100 до н. э.) - народный трибун и оратор 103 и 100 гг. до н. э. Провел через народное собрание закон о наделении земель ветеранов Гая Мария. Убит сторонниками оптиматов.

Ливий Друз - Марк Ливий Друз Младший (ок. 124—91 до н. э.), народный трибун 91 г. Предложил провести законы о предоставлении италикам прав гражданства, лишении юрисдикции и передаче ее сенату (сенат должен был быть пополнен 300 всадниками) и др. Против реформ Друза выступили как всадники, так и часть сенаторов. Он был убит, что стало сигналом к началу войны италийских племен, так называемой Союзнической войны.

С. 32. *Митридат VI* Евпатор (132-63 до н. э.) - царь Понта. Вел борьбу со скифами, подавил восстание Савмака в Боспорском царстве. Подчинил все побережье Черного моря. В войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

С. 34. *Помпей Руф* Квинт (?-88 до н. э.) - римский политический деятель. Зять Суллы и тесть Цезаря. Убит.

Руф Публий Сульпиций (128-88 до н. э.) - трибун 88 г., продолжатель дела Друза. Убит после захвата Рима Суллой.

С. 35. *Кампания* - историческая область в Средней Италии на Тирренском побережье. Территория Кампании принадлежала грекам, затем этрускам, самнитам. Захвачена римлянами в середине IV в. до н. э.

Цинна Луций Корнелий (?-84 до н. э.) - консул с 87 по 84 гг. до н. э. После смерти Мария в 86 г. до н. э. фактически единовластный римский правитель. Пользовался широкой поддержкой городского плебса.

Октавий Гай (?-58 до н. э.) - отец будущего императора Октавиана (Августа). В 62 г. до н. э. уничтожил последних сторонников Катилины, вел войну за захват Фракии. Претор 61 г. до н. э.

С. 36. *Аппиан* (?-70-е гг. II в.) - древнеримский историк, грек. Автор «Римской истории», охватывающей время от основания Рима до начала II в. Примерно половина этого сочинения, состоявшего из 24 книг, не сохранилась.

Талант (греч. talanton - вес) - самая крупная единица массы и денежно-счетная единица, широко распространенная в античном мире.

Трибун - название римских должностных лиц и офицеров (с V в. до н. э.). Военные трибуны командовали легионами, сменяясь каждые два месяца. Народные трибуны - должностные лица, защищавшие права плебеев - избирались сроком на один год. Личность народного трибуна считалась неприкосновенной, он имел право накладывать вето на постановления курульных магистратов и сената. В Римской империи эта должность утратила самостоятельное значение.

Ростры (лат. rostra - от rostrum - нос корабля) - в Древнем Риме ораторская трибуна на форуме, украшенная носами трофейных кораблей.

...прошел мимо храма Касторов... - правильное - храм Кастора. Кастор и Поллукс (греч. Полидевк) Диоскуры, сыновья Зевса и Леды, близнецы. Смертный Кастор прославился как укротитель коней, а бессмертный Поллукс как кулачный боец. Участники похода аргонавтов, образец братской дружбы и любви. Почитались как покровители в битве и плавании, спасители при кораблекрушениях. В их честь названо зодиакальное созвездие с двумя близко расположенными яркими звездами (Близнецы).

С. 37. *Тибур* - дачный город к востоку от Рима. Ныне Тиволи.

Пренесте - город в Лации. Ныне Палестрина.

Нола - город на юге Кампании.

Серторий Квинт (ок. 122-72 до н. э.) - римский полководец, участник войны с кимврами и тевтонами 105-102 гг. до н. э. В 80 г. до н. э. возглавил борьбу иберийцев против Рима, превратив Испанию в центр анти-сулланской оппозиции. Убит в результате заговора.

Фламин (лат. flamines - зажигатели огня) - в Риме жрец определенного бога. К числу трех великих фламинов принадлежали фламины Юпитера, Марса и Квирина.

Фасцы (фасции) - связанный кожаными ремнями пучок прутьев с воткнутым в него топориком, знак должностной и карающей власти высших римских магистратов.

Курульное кресло - см. примеч. к с. 14.

С. 38. *Проконсул* (от лат. pro consule - на месте консула) - во времена Римской республики бывший консул, наместник провинции, во времена Империи был наделен полномочиями консула.

...командовавшему войсками около Ионийского моря... - *Ионийское (Ионическое) море* - в античности под Ионическим морем подразумевалось в первую очередь сегодняшнее Адриатическое море.

...свои кимврские трофеи... - см. примеч. к с. 25.

Остия - военный порт и торговая гавань в устье реки Тибр недалеко от Рима.

Метелл Квинт Цецилий (Пий) (?- 64 до н. э.) - сторонник Суллы. Консул 80 г. до н. э. В 79-71 гг. командовал войсками, воевавшими против Сертория.

Самний - в Древней Италии область Апеннин между Апулией, Луканией и Кампанией.

Яникул - один из холмов на правом берегу Тибра. Вероятно, получил название в честь бога Януса.

Аппиева дорога (лат. via Appia) - важнейшая магистраль Древнего Рима, мощеная дорога протяженностью 350 км. Названа в честь построившего ее Аппия Клавдия Слепого, цензора 312 г. до н. э.

Претор (от лат. praetor - идущий впереди) - правительственная должность в Риме. Первоначально высшее должностное лицо, с 367 г. до н. э. - младший коллега консула. С 242 г. до н. э. избирались два претора, один из которых ведал судебными делами между римскими гражданами, другой - между гражданами и иностранцами.

Краасс Марк Лициний (114-53 до н. э.) - римский полководец. В 71 г. до н. э. одержал победу над войском Спартака. Консул 70 и 55 гг. до н. э. Входил в 1-й триумvirат. Убит в сражении с парфянами при Каррах в 53 г. до н. э.

С. 41. *Всадники* (греч. hippeis, лат. equites) - в ряде античных государств (Афинах, Риме, Фессалии) привилегированное сословие с высоким имущественным цензом. В Риме всадники - первоначально сражавшаяся верхом патрицианская знать. С III в. - второе после сенаторов сословие. В эпоху Империи всадники составляли основу командного состава в войсках, а также занимали высокие административные посты (префекты, прокураторы).

Антоний Марк (143-187 до н.э.) - знаменитый римский оратор, приверженец оптиматов (сторонников сената, консерваторов), противник Мария.

С. 42. *Квестор* (от лат. quaero - ищу, веду следствие) - должностное лицо, ведавшее финансовыми и судебными делами. Первая ступень в карьере римского политического деятеля.

Контрибуция (лат. contributio) - послевоенные принудительные платежи, взимаемые с побежденного государства в пользу государства-победителя.

С. 43. *Иллирик* (Иллирия, лат. Illiricum) - название средней части Адриатического побережья около озера Шкодер, позже распространившееся

на весь Северо-Запад Балканского полуострова. В 168 г. прибрежная часть Иллирики становится римской провинцией с тем же названием. Не вошедшие в провинцию иллирийские племена позже были подчинены Августом.

Апулия - область на юго-востоке Италии, славившаяся высоким уровнем сельского хозяйства.

Сенека Луций Анней Младший (ок. 4 до н. э. - 65 н. э.) - римский ритор, писатель, поэт, драматург. Автор большого числа литературных и философских сочинений.

Марсово поле - низменность на левом берегу Тибра, где проходили народные собрания, спортивные соревнования и военные смотры.

Беллона - римская богиня войны, жена Марса.

С. 45. *Акрополь* (от греч. akros - верхний, polis - город) - укрепленная часть античных городов, как правило, расположенная на холме. На акрополе часто размещались городские святыни.

Принципат (лат. principatus, от princeps - первый, глава) - форма правления в Древнем Риме, при которой формально сохранялись республиканские учреждения, но власть фактически принадлежала одному человеку - принцепсу.

Диктатура (лат. dictatura) - неограниченная власть одного человека или группы людей.

...для триумvirата Антония, Октавиана и Лепида... - 2-й триумvirат («коллегия трех для упорядочения республиканского строя») был принят в законодательном порядке в ноябре 43 г. до н. э. Его продление в 37 г. до н. э. было одобрено плебисцитом (решением собрания плебеев).

Лепид Марк Эмилий Младший (ок. 90-12 до н. э.) - сподвижник Цезаря, затем примкнул к Антонию. Консул 46 и 42 гг. до н. э.

С. 48. *Катул* Квинт Лутаций - консул 78 г. до н. э., один из вождей сенатской аристократии, враг Помпея и Цезаря.

Помпей Гней Младший - старший сын Гнея Помпея. В 45 г. до н. э. под Мундой был взят в плен Цезарем и убит.

Киликия - область на юго-восточном побережье Малой Азии. Обосновавшихся на Киликии пиратов римляне разгромили в 101 г.. Позднее Киликия стала римской провинцией.

...Риму пришлось выдержать упорную и позорную борьбу с восставшими рабами... - крупнейшее восстание рабов (74-71 гг. до н. э.) было организовано попавшим в рабство к римлянам фракийцем, учителем фехтования в гладиаторской школе города Капуи Спартак. Одержав ряд побед, войско Спартака, не имевшее четкой конечной цели, постепенно слабело и было разбито в битве на реке Силариус (Апулия). Спартак и большая часть его соратников погибли. Шесть тысяч оставшихся в живых были распяты вдоль Аппиевой дороги.

Парфяне (парны) - иранская народность, кочевники. Созданное парфянами на юго-востоке от Каспийского моря государство существовало с середины III в. до н. э. до 20-х гг. III в. н. э.

Лукания - область в Южной Италии, омываемая Тирренским морем. Опустошенная в ходе 2-й Пунической войны, превратилась в огромных размеров луга для выпаса скота.

Пицен - область на восточном побережье Италии на склоне Апеннин, населенная итальянским племенем пиценов.

...с экстраординарными полномочиями... - *Экстраординарный* (лат. extraordinarius, от extra - вне и ordo - ряд, порядок) - чрезвычайный, из ряда вон выходящий. В обозначении должностей - сверхштатный.

С. 49. *Лукулл* Луций Лициний (ок. 117-56 до н. э.) - римский полководец. Нанес поражение царю Понта Митридату VI, в 69 г. до н. э. разгромил войска армянского царя Тиграна II. Смещен с поста главнокомандующего в 67 г. до н. э. Один из самых богатых людей своего времени («лукулов пир»).

Катилина Луций Сергей (108-62 до н. э.) - обедневший римский патриций, претор 68 г. до н. э. Организовал заговор с целью единоличного захвата власти. Увеличению числа сторонников Каталины способствовали его умение внушать симпатию и давать демагогические обещания.

С. 50. ...новые аспиранты на земельные наделы... - *Аспирант* (лат. aspirans) - стремящийся, помогающий.

С. 52. *Цицерон* Марк Тулий (106-43 до н. э.) - римский оратор, политический деятель, философ и писатель. Сторонник республиканского строя. Вождь сенатской партии, противник Антония. Убит.

С. 53. *Катон* Марк Порций Цензорий (Старший) (234-149 до н. э.) - римский политический деятель. Консул 195 г. до н. э. Поборник старорежимных нравов, ярый противник Карфагена.

С. 54. *Манлий* Гай - сторонник сенатской республики, противник Цезаря, после победы которого в битве при Тапсе (46 г. до н. э.) покончил с собой.

С. 58. *Клодий* Пульхер Публий (ок. 92-52 до н. э.) - противник Цицерона, глава плебеев Рима. Провел законопроекты, ограничивающие полномочия сената и указ о раздаче хлеба городскому плебсу. Позже предводитель вооруженных отрядов, терроризировавших римское население.

Понтифики - римские священнослужители. Их коллегия (понтификат) занимала центральное место в государственном культе Рима, осуществляя надзор за совершением всех ритуальных процедур.

Bona dea - Бона Деа (лат. добрая богиня) - в римской мифологии одна из богинь-матерей, покровительница женщин, богиня врачевания, имя которой было табуировано. Священнодействия в ее честь устраивались ежегодно. В мае - в посвященном ей храме и в начале декабря - в доме

верховного магистрата, жена которого при участии весталок и замужних женщин от всего римского народа приносила богине жертвы.

С. 59. *Первый Триумвират* - см. примеч. к с. 26.

...и Северную Италию (Циспаданскую Галлию)... - Римляне делили Галлию на Цисальпинскую (территория Северной Италии) и Трансальпийскую (заальпийскую).

С. 67. *Эпир* - область в северо-западной части Эллады, на побережье Ионического моря.

Фессалия - область на северо-востоке Греции.

С. 68. ...в последней битве этой войны - битве при Мунде. - В этой битве (45 г. до н. э.) Цезарь разгромил армию Гнея Помпея Младшего и стал полновластным правителем Рима.

С. 73. ...*Ленуд, magister equitum, то есть ближайший помощник покойного диктатора Цезаря...* - *Magister equitum* - командующий конницей.

С. 74. *Брут* Децим (ок. 84-43 до н. э.) - римский политический и военный деятель, один из талантливейших военачальников Цезаря, участник заговора против него.

Планк Луций Мунатий - консул 13 г. до н. э.

Поллион Гай Асиний (76 до н. э. - 4 н. э.) - римский государственный деятель, полководец, оратор и писатель. Принимал участие в гражданской войне на стороне Цезаря и Антония. При Августе отстранился от политики.

С. 75. *Брут* Марк Юний (85-42 до н. э.) - сторонник Цицерона, затем Цезаря. Глава заговора против Цезаря, противник 2-го триумvirата. Потерпев поражение в битве при Филиппах (42 до н. э.), покончил жизнь самоубийством.

Кассий Гай Лонгин - римский военачальник. В 53 г. до н. э. в битве при Карах спас от окончательного разгрома римские войска. Вместе со своим шурином Марком Брутом возглавил заговор против Цезаря.

С. 76. *Македония* - историческая область в северо-восточной части Балканского полуострова. В V-VII вв. до н. э. - самостоятельное государство. Со 148 г. до н. э. - римская провинция.

...в момент убийства он находился в Аполлонии... - *Аполлония Иллирийская* - греческий город на юго-западе современной Албании, существовавший с VI в. до н. э. по IV в. н. э.

С. 77. *Мутина* - древний этрусский город на Паданской равнине, современная Модена. Со 183 г. до н. э. - римская колония. Занимавшая благоприятное в стратегическом плане расположение, Мутина часто оказывалась центром боевых действий. Описанная битва при Мутине состоялась 21 апреля 43 г. до н. э.

Гирций (Гирций) Авл - доверенное лицо Цезаря, возможно руководитель его канцелярии.

С. 78. *Педий* Квинт - племянник Цезаря, консул 43 г. до н. э.

Бонония - первоначально Фельзина, ныне Болонья. Этрусский город в Северной Италии. Со 189 г. до н. э. римская колония.

С. 79. *Плутарх* (ок. 45-ок. 127) - древнегреческий писатель и историк. Главный труд - «Сравнительные жизнеописания», состоящие из парных биографий знаменитых греков и римлян. Остальные сохранившиеся сочинения объединяют под условным названием «Моралии».

С. 82. *Клеопатра* (69-30 до н. э.) - последняя царица Египта (с 51 г. до н. э.) из династии Птолемеев.

С. 83. *Фульвия* - жена народного трибуна Клодия Пульхера, позже Антония, при котором играла важную политическую роль вплоть до своей смерти в 40 г. до н. э.

Октавия Младшая (ок. 70-11 до н. э.) - сестра Октавиана (Августа). Ее сын от брака с Марком Клавдием Марцеллом, Марцелл, считался наследником Октавиана. Выйдя в 40 г. до н. э. замуж за триумвира Марка Антония ради его примирения с Октавианом, была посредницей между ними. После того как Антоний развелся с ней (32 г. до н. э.) и женился на Клеопатре, отстранилась от дел.

С. 84. *Помпей* Секст (ок. 75-35 до н. э.) - римский полководец и политический деятель, сын Гнея Помпея Великого. В 48-44 гг. до н. э. воевал против Цезаря в Африке и Испании. В 43 г. до н. э. получил от сената командование флотом и захватил Сицилию. Принимал беглых рабов и сторонников сената, представлял серьезную угрозу для участников 2-го триумvirата. В 36 г. до н. э. был разбит полководцем Октавиана Агриппой при Милах, бежал в Малую Азию, где и погиб.

Антоний Луций - консул 41 г. до н. э. Легат Марка Антония во время Мутинской войны.

С. 85. *Умбрия* - местность в Италии между Этрурией и побережьем Адриатического моря.

Перусия - этрусский город, под властью Рима с 309 г. до н. э. Был захвачен и сожжен Октавианом, позже восстановлен под названием Августа. Ныне - Перуджа.

С. 87. ...*депонированного у весталок...* - т. е. отданного на хранение весталкам (от лат. *depono* - кладу). *Весталки* (лат. *Virgines Vestales* - девы Весты) - жрицы богини Весты, которые особо почитались и пользовались исключительными правами.

С. 88. *Агриппа* Марк Випсаний (64/63-12 до н. э.) - римский полководец и политический деятель, друг Августа. Одержал победы при Перусии, в решающих морских битвах с Секстом Помпеем при Милах и Навлохе (36 г. до н. э.), а также над Антонием и Клеопатрой при Акции. Женившись на дочери Августа Юлии, стал вторым человеком в государстве. Определял военную политику императора, сыграл решающую роль в основании принципата.

С. 92. *Британия* - самый крупный из Британских островов. Цезарь совершил два похода в Британию в 55 и 54 гг. до н. э. С 44 г. н. э. - римская провинция.

С. 93. *Посидоний* (ок. 135-51 до н. э.) - греческий философ-стоик, глава Родосской школы, учитель Цицерона.

С. 94. *Аполлон* (Феб) - в греческой и римской мифологии бог солнечного света, мудрости, гармонии и искусства. Культ Аполлона заимствован из Малой Азии.

Дионис (Вакх, Бахус) - в греческой и римской мифологии бог растений, виноградарства и виноделия, покровитель театрального искусства. Ему были посвящены мистерияльно-оргастические празднества - вакханалии.

Мифра (Митра) - древнеиранский бог добра и Солнца, охраняющий вечный порядок на Земле. В эпоху эллинизма возник культ Митры - митраизм, распространившийся в Риме в I в. н. э.

Иегова (Яхве, Ягве) - в иудаизме непронизносимое имя бога.

Серапис (Серапис) - в эллинистическом мире бог подземного царства, природных стихий, моря и здоровья. Культ Сераписа был введен для сближения египетского и греческого населения Египта, Птолемеем I Сотером. Образ и имя Сераписа были составлены путем слияния двух египетских богов Осириса и Аписа.

Исида (Изида, Исет) - в египетской мифологии богиня материнства, супружеской верности, мореплавания, ветра и воды, управляющая человеческой судьбой. Культ Исиды, претерпев некоторые изменения, распространился по всей Римской империи, где богиня считалась владычицей земли, помощницей женщин, создательницей небесных светил и утешительницей угнетенных. Культ ее объединился с культом Сераписа.

С. 97. *Латифундии* (от лат. *latus* - большой, *fundus* - земля, поместье) - крупные древнеримские поместья, возникшие во II в. до н. э., преимущественно обрабатываемые рабами.

С. 98. *Лукреций* Кар Тит (ок. 96-55 до н. э.) - римский философ, поэт. Его поэма «О природе вещей» представляет собой единственное систематическое изложение эпикурейской философии.

Катулл Гай Валерий (ок. 87 - ок. 54 до н. э.) - римский поэт. Наибольшей известностью пользуются его полные чувства и поэтической выразительности лирические стихотворения, подражания Сапфо, а также язвительные ямбы, обращенные к Цезарю и его сторонникам.

С. 99. *Саллюстий* Гай Крисп (86 - ок. 35 до н. э.) - римский историк и государственный деятель. Участвовал в гражданской войне 49-45 гг. до н. э. на стороне Цезаря, после смерти которого посвятил себя литературной деятельностью.

Непот Корнелий (ок. 100 - после 32 до н. э.) - римский писатель, друг Катулла и Цицерона. Основной его труд «О знаменитых людях» представлял собой сборник биографий как римлян, так и неримлян. Отличаясь ясностью изложения, сочинения Непота содержат многочисленные неточности и ошибки.

Ливий Тит (59-17 н. э.) - первый крупный римский историк, не имевший военного или политического опыта. В своем имеющем высокие литературно-художественные достоинства труде «История Рима от основания города» доводит повествование до современных ему событий.

Варрон Марк Теренций (116 -27 до н. э.) - крупнейший римский ученый-энциклопедист, создавший более 600 трудов по юриспруденции, истории, искусству, грамматике, сельскому хозяйству и т. д.

С. 100. *Вергилий* Публий Марон (70-19 до н. э.) - крупнейший римский поэт-эпик, мастер психологического образа и описания природы. Автор сборника пастушеских песен «Эклоги» («Буколики»), поэмы «Георгики». Поэма Вергилия «Энеида» - вершина римской классической поэзии.

Гораций Флакк Квинт (65-8 до н. э.) - римский поэт. Принимал участие в гражданской войне как военный трибун. Автор «Эпод» (ямбов), сатир, лирических стихотворений, од, посланий. Высокие художественные достоинства поэзии Горация предопределили ее выбор как образца для подражания лириками Европы.

Варий Руф Луций (2-я пол. I в. до н. э.) - римский поэт, друг Вергилия и Горация. После смерти Вергилия издал «Энеиду». Автор эпоса «О смерти», трагедии «Фиест», панегирика Августу. От произведений Вария до нас дошли лишь незначительные фрагменты.

Софокл (ок. 496-406 до н. э.) - великий античный драматург. Трагедии Софокла «Эдип-царь», «Антигона», «Электра» представляют собой классический образец жанра.

Еврипид (Эврипид) (ок. 485-406 до н. э.) - один из самых известных афинских драматургов, мыслитель и поэт. Из более чем 90 написанных им произведений до нас дошли 18, в том числе «Медея», «Ипполит», «Андромаха», «Ифигения в Тавриде». Театр Еврипида отражает развитие философской мысли Эллады V в. до н. э.

Сапфо (Сафо) (конец VII - 1-я половина VI в. до н. э.) - известная греческая поэтесса из города Митилена (остров Лесбос). Автор любовных песен и эпиграмм - свадебных песен.

Алкей (ок. 600 до н. э.) - греческий лирик, автор песен - лирических, военных (стасиотика), ностальгических, застольных (сколия) и гимнов в честь богов.

Тацит Публий Корнелий (ок. 55 - ок. 120 н. э.) - последний великий римский историк, уделявший большое внимание оценке роли личности в

истории. Автор трудов «Анналы», «История», «О происхождении германцев и местоположении Германии» и т. д.

Марциал Марк Валерий (ок. 40-102 н. э.) - римский поэт, выходец из Испании. Автор более чем 1 500 эпиграмм, показывающих жизнь Римской империи.

Апулей Луций (II в. н. э.) - римский писатель, выходец из Северной Африки.

С. 102. *Бибакул* Марк Фурий - поэт-неотерик, друг Катулла.

Архилох (650 до н. э. - ?) - греческий поэт. Впервые применил жанр ямба - язвительного, шутливого стиха, написанного ямбическим размером. Архилох оказал сильное влияние как на римских поэтов (Катулла и Горация), так и на все последующее развитие лирики.

Мамурра - офицер Цезаря, разбогатевший в Галлии.

Адонис - финикийско-сирийское божество плодородия и растительности, в греческой мифологии прекрасный возлюбленный Афродиты, убитый на охоте.

Таг-в этрусской мифологии ребенок, обладавший мудростью пророка и владеющий искусством гадания. У римлян Таг считался сыном Геня и внуком Юпитера.

С. 103. *Эпод* (греч. epode) - в античном стихосложении лирическое стихотворение, в котором длинный стих чередуется с коротким.

Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович (1866-1942) - энтомолог, исследователь Закаспийской области и Западного Туркестана. Сотрудник зоологического музея Императорской академии наук (позже Зоологического института АН СССР). Почётный член Русского энтомологического общества (1909). Автор переводов шедевров античной литературы. Сын П.П. Семенова-Тянь-Шанского.

Порсена (Порсенна) - этрусский царь, осадивший в VI в. до н. э. Рим после изгнания последнего римского царя Тарквиния Гордого.

Аллобруги - кельтский народ, завоеванный в 121 г. до н. э. римлянами.

Ганнибал Барка (247 -183 до н. э.) - карфагенский полководец и государственный деятель. В ходе 2-й Пунической войны едва не завоевал Рим. См. также прим. к с. 17.

Квири - в римской мифологии один из наиболее древних богов Италии, вытесненный итальянским богом Марсом. Отождествлялся с Ромулом - основателем Рима.

Фокейцы - жители ионийского торгового города Фокея на Западном побережье Малой Азии. После завоевания Фокеи Киром в 540 г. до н. э. часть ее жителей ушла из города.

С. 104. *Пад* - современная река По.

Эвр - юго-восточный ветер.

Царь небожителей - *Юпитер* - в римской мифологии бог неба, дневного света и грозы, отец богов и людей, правитель богов. Отождествлялся с греческим Зевсом.

Аргонавты - в греческой мифологии пятьдесят участников похода за золотым руном, отправившиеся в путь на корабле «Арго».

Медея - в греческой мифологии дочь царя Колхиды, наделенная даром волшебства. Полюбив Ясона, предводителя аргонавтов, она с помощью волшебного зелья помогла ему овладеть золотым руном.

Улисс - латинский вариант имени Одиссея, царя Итаки, «хитроумно-го» героя троянского цикла мифов. Одиссей - герой поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», один из предводителей греков во время Троянской войны.

С. 106. *Парфия* - государство на юге и юго-востоке от Каспийского моря, в середине II в. до н. э. являвшееся великой державой, включавшей весь Иран и Месопотамию. В 20-е гг. до н. э. была вынуждена признать права Рима на Армению.

С. 107. *Аттик* Тит Помпоний (110-32 до н. э.) - влиятельный римский всадник, богатый землевладелец, торговец и финансист. Являясь просвещенным человеком, приобрел известность публикацией и распространением литературных произведений.

Фортуна - римская богиня счастья и удачи.

Тихе (Тихэ) - греческая богиня судьбы, случая, счастливого и злого рока, отождествлявшаяся римлянами с Фортуной.

Пантеон (греч. pan - все; theos - бог) - у древних греков и римлян - храм, посвященный всем богам, в переносном значении - совокупность всех богов какого-либо культа.

Меркурий - в Древнем Риме бог торговли, купцов и прибыли, вестник богов. Отождествлялся с греческим Гермесом.

Гермес - в греческой мифологии посланец богов, покровитель пастухов и путешественников, покровитель торговли и спортивных соревнований.

С. 109. *Геракл* - один из самых популярных греческих героев - сын Зевса и смертной женщины Алкмены.

С. 112. *Меценат* Гай Цильний (?-8 до н. э.) - знатный римский аристократ. Выполнял важные поручения Августа, не занимая государственных должностей. Покровительствовал поэтам - Вергилию, Горацию и другим, что сделало его имя нарицательным.

Циклады - Цикладские острова в Эгейском море: Парос, Милос, Андрос, Наксос и др.

С. 113. *Проперций* Секст (ок. 50-15 до н. э.) - римский поэт, автор любовных элегий.

Овидий Назон Публий (43 до н. э. - ок. 18 н. э.) - римский поэт, автор «Скорбных элегий», «Писем с Понта», поэм «Наука любви», «Средства от

любви», «Ибис» и др. Вершиной его творчества считается поэма «Метаморфозы», в которой раскрываются мифы о превращении богов и людей в животных, растения, созвездия и камни.

Помпеи - город на побережье Кампании, недалеко от современного Неаполя, погибший в результате извержения Везувия в 79 г. н. э.

... города Анхиса и Энея... - Эней - в греческой мифологии сын троянца Анхиса и Афродиты. Эней упоминается в греческой литературе как основатель Рима и мифическим родоначальником римлян, в частности рода Юлиев, берущего свое начало от имени сына Энея - Юлия.

Марс - в римской мифологии один из главных богов, первоначально покровитель полей и стад, затем - бог войны.

Ромул - легендарный основатель города Рима и первый царь (VIII в. до н. э.). По легенде Ромул и его брат-близнец Рем — сыновья Реи Сильвии и бога Марса — были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом.

С. 114. *Майя* (Мая) - в греческой мифологии одна из плеяд, горная нимфа, мать Гермеса. В Риме почиталась как богиня природы.

С. 127. ...по лестнице унтер-офицерских должностей...- Унтер-офицер (нем. Unteroffizier) - чин младшего командного (начальственного) состава.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Гай Марий. I в. до н. э. Мрамор. Рим, Ватиканский музей.
- Рис. 2. Луций Корнелий Сулла. I в. до н. э. Мрамор. Неаполь, Национальный музей.
- Рис. 3. Марк Антоний. I в. до н. э. Мрамор. Мюнхен, Глиптотека.
- Рис. 4. Марк Випсаний Агриппа. I в. до н. э. Мрамор.
- Рис. 5. Митридат VI Евпатор (?). II—I вв. до н. э. Мрамор. Санкт-Петербург, Эрмитаж.
- Рис. 6. Гней Помпей. Копия времени Августа. Копенгаген, Глиптотека Нью Карлсберг.
- Рис. 7. Гай Юлий Цезарь. I в. до н. э. Мрамор. Рим, Palazzo.
- Рис. 8. Гай Юлий Цезарь. Изображение, считающееся наиболее достоверным. I в. до н. э. Мрамор. Музей города Пизы.
- Рис. 9. Марк Брут. I в. до н. э. Мрамор.
- Рис. 10. Марк Тулий Цицерон. Копия I в. до н. э. Мрамор. Флоренция, Галерея Уффици.
- Рис. 11. Портреты на римских монетах I в. до н. э.:
- а - Луций Корнелий Сулла;
 - б - Гай Юлий Цезарь;
 - в - Марк Юний Брут;
 - г - Марк Антоний;
 - д - Август;
 - е - Марк Випсаний Агриппа.
- Рис. 12. Октавия. Ок. 40 г. до н. э. Мрамор. Рим, Национальный римский музей.
- Рис. 13. Октавиан. Между 35-29 гг. до н. э. Мрамор. Рим, Капитолийский музей.
- Рис. 14. Статуя Августа из Прима Порты. Ок. 20 г. до н. э. Мрамор. Рим, Ватиканский музей.

Рис. 15. Портретные геммы из собрания Эрмитажа:

- а - Гай Юлий Цезарь. Сердолик;
- б - Гай Юлий Цезарь. Гранат;
- в - Марк Антоний. Халцедон;
- г - Октавиан. Сердолик;
- д - Октавиан. Сердолик;
- е - Октавиан. Сердолик;
- ж - Октавия. Сард;
- з - Октавия и Октавиан. Сард;
- и - Марк Брут. Сердолик;
- к - Секст Помпей. Аметист;
- л - Секст Помпей. Аметист;
- м - Цицерон. Аметист.

Рис. 16. Марк Ливии Друз. I в. до н. э. Мрамор.

Рис. 17. Марк Красс. I в. до н. э. Мрамор.

Рис. 18. Голова фламينا. III в. до н. э. Бронза.

Рис. 19. Вергилий. I в. до н. э. Мрамор. Рим, Латеранский музей.

Рис. 20. Вергилий со свитком Энеиды. Фрагмент мозаики.

Рис. 21. Боевой слон. Тарелка из Кампании. III в. до н. э. Рим, Вилла Джулия.

Рис. 22. Римский военный корабль. Мраморный барельеф. Ок. 30 г. до н. э. Рим, Ватиканский музей.

Рис. 23. Римский форум. III—I вв. до н. э.

Рис. 24. Форум. Главный храм. II—I вв. до н. э.

Рис. 25. Аппиева дорога.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август, см. *Октавиан*

Агриппа Марк Випсаний, римский политический и военный деятель 88, 145, 151

Адонис, финикийско-сирийский бог 102, 148

Александр Великий, царь Македонии ПО, 136

Алкей, греческий поэт 100, 147

Алкмена, героиня греческих мифов, мать Геракла 149

Антоний Луций, брат Марка Антония 84, 85, 145

Антоний Марк, римский оратор 41

Антоний Марк, римский политический и военный деятель 26, 45, 53, 57, 73-88, 91, 92, 105, 110, 111, 117, 119, 130, 139, 141-145, 151, 152

Анхис, мифический герой 113, 150

Апис, египетский бог 146

Аполлон (Феб), греческий бог 94, 113, 146

Аппиан, римский историк 36-41, 44, 45, 79, 80, 140

Аппий Клавдий Слепой, римский политический деятель 141

Апулей Луций, римский писатель 100, 148

Аристотель, греческий философ 16, 136

Архилох, греческий поэт 102, 148

Аттик Тит Помпоний, римский землевладелец, торговец и финансист 107, 149

Афродита, греческая богиня 148, 150

Бакст Лев Самойлович, русский живописец, график, театральный художник 6

Бахус, см. *Дионис*

Беллона, римская богиня 43, 142

Белый Андрей, русский писатель 6

Бенуа Александр Николаевич, русский художник, художественный критик, историк искусства 6

Бибакул Марк Фурий, римский поэт 102, 148

Бибул Марк Кальпурний, римский полководец 59

Бикерман Э., американский историк 6

Блок Александр Александрович, русский поэт 6

Бона Деа, греческая богиня 143

Брут Децим Юний Альбин, римский политический и военный деятель 74, 77, 78, 103, 105, 144

Брут Марк Юний, римский политический и военный деятель 75-78, 81, 92, 144, 151, 152

Бунин Иван Алексеевич, русский писатель 6

Вакх, см. *Дионис*

Барий Руф Луций, римский поэт 100, 147

Варрон Марк Теренций, римский ученый-энциклопедист 99, 100, 102, 147
 Венера, римская богиня 113
 Вергилий Публий Марон, римский поэт 100, 105, 113, 147, 149, 152
 Вернадский Владимир Иванович, русский ученый 6
 Ганнибал Барка, карфагенский полководец и государственный деятель 103, 137, 148
 Гений, римский бог 148
 Геракл, герой греческих мифов 109, 149
 Гермес, греческий бог 107, 149, 150
 Гиллам Дж., американский историк 6
 Гиртий (Гирций) Авл, римский политический и военный деятель 77, 144
 Гирций, см. *Гиртий*
 Гораций Флакк Квинт, римский поэт 100, 103-106, 112, 1153, 147-149
 Грахс Гай Семпроний, римский политический деятель 20, 24-26, 31, 34, 69, 137
 Грахс Тиберий Семпроний, римский политический деятель 20, 24-26, 31, 34, 69, 137
 Дионис (Вакх, Бахус), греческий бог 94, 146
 Диоскуры, мифические герои 140
 Добужинский Мстислав Валерианович, русский график и живописец 6
 Друз Марк Ливии (Младший), римский трибун 31, 139, 152
 Еврипид, греческий драматург 100, 147
 Жебелев Сергей Александрович, русский историк 6
 Зевс, греческий бог 140, 149
 Иванов Вячеслав Иванович, русский поэт, драматург 6
 Иегова (Яхве, Ягве), иудейский бог 94, 146
 Исет, см. *Исида*
 Изиды, см. *Исида*
 Исида (Изиды, Исет), египетская богиня 94, 146
 Кальв, римский поэт 102
 Кальпурния, жена Цезаря 74, 75
 Карбон, римский политический и военный деятель 38, 39, 43, 44, 49
 Кареев Николай Иванович, русский историк 6
 Кассий Гай Лонгин, римский полководец 75-78, 81, 92, 144
 Кастор, см. *Диоскуры*
 Катилина Луций Сергий, римский политический деятель 6, 49, 52-54, 56, 58, 101, 139, 143
 Катон Марк Порций Цензорий (Старший), римский политический деятель 53, 62, 143
 Катул Квинт Лутаций, римский политический деятель 48, 142
 Катулл Гай Валерий, римский поэт 100, 102, 147, 148
 Квири́н, римский бог 103, 140, 148
 Керенский Александр Федорович, русский государственный и политический деятель 6
 Кир, царь Персии 148
 Клавдий Аппий 38
 Клеопатра, царица Египта 82, 86-88, 139, 145
 Клодий Пульхер Публий, римский политический деятель 6, 58, 61-64, 143, 145
 Коновалов Александр Иванович, русский политический деятель, фабрикант 6
 Котляревский Нестор Александрович, русский литературовед 6
 Красс Марк Лициний, римский полководец 39, 48, 49, 51-53, 57-59, 62, 63, 110, 138, 141, 152
 Кусевицкий Сергей Александрович, русский музыкант и дирижер 6
 Леда, греческая богиня 140
 Ленин Владимир Ильич, русский политический и государственный деятель 6
 Лепид Марк Эмилий Младший, римский политический деятель, сподвижник Цезаря 45, 47, 48, 73, 78, 79, 85, 86, 142, 144, 151
 Ливии Тит, римский историк 99, 100, 147
 Лукреций Кар Тит, римский философ и поэт 98, 100, 105, 146

Лукулл Луций Луциний, римский полководец 49, 51, 143
 Майя (Мая), нимфа 114, 150
 Мамурра, римский военачальник 102, 148
 Манлий Гай, римский политический деятель 54, 56, 143
 Марий Гай, римский политический и военный деятель 25, 26, 31-46, 56, 60, 68, 79, 138, 139, 141, 151
 Марий Гай II, римский политический деятель 37
 Марс, римский бог 113, 140, 142, 148, 150
 Марцелл Марк Клавдий, римский политический деятель 145
 Марцелл, сын Октавии 145
 Марциал Марк Валерий, римский поэт 100, 148
 Мая, см. *Майя*
 Медея, героиня греческих мифов 104, 149
 Меркурий, римский бог 107, 111, 113, 114, 149
 Мерула Луций, фламин 37-39
 Метелл Квинт Цецилий (Пий), римский полководец 38, 49, 141
 Меценат, римский аристократ 149
 Милон, римский политический деятель 63, 64
 Милоний Гай, римский политический деятель 37
 Милоков Павел Николаевич, русский политический деятель, историк, публицист 6
 Митра, см. *Мифра*
 Митридат VI Евпатор (Понтийский), царь Понта 32-34, 41, 42, 48, 51, 92, 138, 139, 143, 151
 Мифра (Митра), иранский бог 94, 146
 Момиллиано А., американский историк 6
 Набоков Владимир Дмитриевич, русский политический деятель, юрист, публицист 6
 Непот Корнелий, римский писатель 99, 147
 Овидий Назон Публий, римский поэт 113, 149
 Одиссей, см. *Улисс*
 Октавиан Гай Юлий Цезарь (Август), римский император 26, 45, 56, 57, 69, 72, 73-88, 91, 92, 95, 96, 105, 110-113, 115-132, 139, 142, 144, 145, 147, 149, 151, 152
 Октавий Гай Старший, римский политический деятель, отец Октавиана 35, 36, 38-40, 140
 Октавий Гай Младший, см. *Октавиан*
 Октавия Младшая, сестра Октавиана 83, 86, 145, 151, 152
 Ольденбург Сергей Федорович, русский востоковед 6
 Осирис, египетский бог 146
 Панса Гай Вибий, римский политический деятель 77
 Педий Квинт, римский политический деятель 78, 144
 Перикл, афинский политический деятель и полководец
 Планк Луций Мунатий, римский политический деятель 74, 143
 Платон, греческий философ 16, 136
 Плутарх, греческий писатель и историк 79, 145
 Перикл, афинский политический и военный деятель 136
 Полидевк, см. *Диоскуры*
 Поллион Ассиний, римский политический и военный деятель 74, 100, 143
 Поллукс, см. *Диоскуры*
 Помпей Гней, римский политический и военный деятель 38, 39
 Помпей Гней (Великий), римский политический и военный деятель 26, 46-73, 81, 86, 87, 92, 102, 107, 109, 110, 119, 121, 131, 138, 139, 142, 145, 151
 Помпей Гней Младший, римский политический и военный деятель 48, 68, 144
 Помпей Руф Квинт, римский политический и военный деятель 34, 139
 Помпей Секст, римский политический и военный деятель 68, 84-86, 105, 106, 145, 151, 152
 Помпея, жена Цезаря 58, 59

Порсена (Порсенна), этрусский царь 103, 148
 Посидоний, греческий философ 93, 94, 146
 Проперций Секст, римский поэт 113, 149
 Птолемей I Сотер, царь Египта 146
 Рем, брат Ромула 150
 Рерих Николай Константинович, русский живописец, театральный художник, археолог, писатель 6
 Рея Сильвия, легендарная прародительница римлян 150
 Ромул, мифический основатель Рима 102, 113, 148, 150
 Руф Публий Сульпиций, римский политический деятель 34-36, 139
 Савмак, предводитель восстания рабов 139
 Саллюстий Гай Скрип, римский историк и государственный деятель 99, 101, 146
 Сапфо, греческая поэтесса 100, 146, 147
 Сарапис (Серапис), египетский бог 94, 146
 Сатурний Апулей, римский политический деятель 31, 139
 Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович, русский энтомолог, переводчик Горация 103, 104, 106, 112, 113, 148
 Сенека, римский ритор, писатель, поэт 43, 142
 Серапис, см. *Сарапис*
 Серторий Квинт, римский политический и военный деятель 37-39, 47-49, 140
 Софокл, греческий драматург 100, 147
 Спартак, предводитель восстания рабов 48, 138, 141, 142
 Струве Петр Бернгардович, русский экономист, философ, историк, политический деятель 6
 Сулла Луций Корнелий, римский политический и военный деятель 26, 31-46, 47-49, 56, 57, 60, 67-70, 73, 75, 79, 83, 86, 92, 125, 138, 139, 141, 142, 151
 Сципион (Африканский) Публий Корнелий Старший, римский полководец 137
 Таг, мифический ребенок-пророк 102, 148
 Тацит Публий Корнелий, римский историк 100, 147
 Тигран II, царь Армении 143
 Титий, римский политический деятель 79
 Тихе (Тихэ), греческая богиня 107, 149
 Тихэ, см. *Тихе*
 Троцкий Лев Давидович, русский политический деятель 6
 Улисс (Одиссей), мифический герой 104, 149
 Феб, см. *Аполлон*
 Фимбрия Гай, римский политический деятель 42, 92
 Флакк Марк Валерий, римский политический деятель 41
 Фортуна, римская богиня 107, 112, 149
 Фульвия, жена Антония 83, 84, 145
 Цезарь Гай Юлий, римский император 6, 26, 46-73, 74-76, 78, 79, 81, 86-88, 92, 99, 101, 102, 107, 110, 113, 114, 119, 122, 130, 131, 138, 142, 144-146, 148, 151, 152
 Цинна Луций Корнелий, римский политический деятель 35-41, 43, 139
 Цицерон Марк Тулий, римский политический деятель, философ и оратор 6, 52-54, 56, 58, 59, 61, 62, 64, 66, 75, 98, 100, 101, 107, 143, 145, 146, 147, 151, 152
 Эней, мифический герой 113, 150
 Юлий, мифический герой 113, 150
 Юлия, дочь Августа 145
 Юлия, дочь Цезаря, жена Помпея 59, 63
 Юпитер, римский бог 104, 140, 148, 149
 Янус, римский бог 141
 Ягве, см. *Иегова*
 Яхве, см. *Иегова*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Арсентьев. М.И. Ростовцев и его взгляд на историю гражданских войн в Древнем Риме.</i>	5
Предисловие	7
Город-государство и мировое владычество	9
Гражданская война	29
Италики, Марий и Сулла	31
Помпей и Цезарь	46
Антоний и Октавиан	73
Рим и римская держава после гражданской войны	89
Принципат Августа	115
Комментарии и примечания	133
Список иллюстраций	151
Указатель имен	153

КНИГИ
Издательского дома
«КНИЖНАЯ НАХОДКА»

Научно-популярное издание

Ростовцев Михаил Иванович

Рождение Римской империи

Ответственный редактор *А.В. Арсентьев*
Оформление обложки и дизайн *ИЛ. Сибирмовская*
Компьютерная верстка *В.Н. Карпунин*
Корректоры *В.С. Акимова, Н.М. Бройко*

Издательский дом «Книжная находка»
www.booknahodka.ru

По вопросам оптового приобретения обращаться по e-mail:
info@booknahodka.ru

Подписано в печать 6.12.2002 г. Формат 60х90 /16

Гарнитура Петербург.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 542

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»,
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

ISBN 5-94987-003-4

Издательский дом «Книжная находка» - новое книгоиздательское и торговое объединение.

В редакционном «портфеле» - книги по истории земных цивилизаций, альбомные художественные издания, серии по краеведению и топонимике, юридической и правовой тематике, литература по собаководству и многое другое.

Наши авторы - известные писатели и ученые, публицисты, специалисты различных областей знаний.

Спрос на продукцию Издательского дома «Книжная находка» растет. Причины просты: актуальность тем, доступность и образность изложения, высокое полиграфическое качество изданий и невысокие оптовые цены.

Мы рады приветствовать вас на нашей страничке в сети Интернет - www.booknahodka.ru, где вы можете ознакомиться с аннотациями на предлагаемые книги и узнать их стоимость.

Выходят серии книг:

«КОЛЫБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Ростовцев М.И. «Рождение Римской империи»;

Ростовцев М.И. «Эллинизм и иранство на юге России» и др.

«ЮНОСТЬ ЕВРОПЫ»

Дживелегов А.К. «Средневековые города в Западной Европе»;

Петрушевский Д.М. «Очерки из истории средневекового общества и государства» и др.

«ВОСТОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН»

Николаева Н.С. «Япония-Европа»;

Николаева Н.С. «Художественная культура Японии XVI столетия» и др.

«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ»

Крысин Л.П., Статкус В.Ф. «Обвинительное заключение: язык и стиль»;

Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. «Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения»;

Шнейкерт Г. и др. «Тайна преступника»: Сборник;

Образцов В.А., Кручинина Н.В. «Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации»;

Кларк Р. «Преступность в США» и др.

«БИБЛИОТЕКА СОБАКОВОДА»

Гриценко В.В. «Дрессировка начинающим»;

Гриценко В.В., Гурьева С.Ю. «Жизнь собаки в вопросах и ответах»;

Гриценко В.В. «Воспитание и перевоспитание собаки» и др.

По вопросам оптовой закупки книг обращаться в редакцию

Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА»

по тел./факсу: (095) 205-34-70.

или по электронной почте

e-mail: info@booknahodka.ru